OCHERKI IZ
ZABAIKAL-
SKOI

Sibiriakov

891.733
S563
O16
1878

Шкафъ 11
Полка 5
№ 6
Библіотека Асташева.

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/ocherkiizzabakal01sibi

Ocherki iz zabaikalskoi

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Sibiriakov, A.M.

А. Н. Сибирякова

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12
1878

PG
.S5 S

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 14 Сентября 1878 г.

891.733
S 563
Ѳ 16
1878

I.

Дѣйствіе моего разсказа происходитъ въ Забайкальѣ, въ одномъ изъ селеній, отстоящихъ не въ очень дальнемъ разстояніи отъ Байкала и рѣки Селенги.

Наканунѣ дня новаго 1871 года, въ ясный, морозный день, какъ вообще бываетъ передъ крещенскими морозами, небольшая крестьянская семья усѣлась пить чай. «Пить чай»—это техническое названіе «ѣды», въ самомъ обширномъ ея значеніи. На первемъ планѣ, кромѣ хлѣба, разрѣзанный на части сырой соленый «омуль» *); затѣмъ невдалекѣ отъ него стоитъ огромная чаша вскипяченной жидкости, наполненная рыбой, картофелемъ, лукомъ, капустой, называемая похлёбкой или солянкой; на шесткѣ русской печи красуется цѣлый батальонъ печенаго картофеля; тутъ же помѣщается, «чтобы не простылъ», и самый финалъ «ѣды»—кирпичный чай въ муравленной чашкѣ, величиною чуть не съ полведра.

Семья эта не принадлежала къ числу особенно зажиточныхъ, а считалась, по мѣстному названію, «среднякомъ». Глава семейства, бодрый, здоровый мужчина, лѣтъ около 50-ти, съ открытымъ, прямодушнымъ лицомъ и такими же сѣрыми глазами, съ едва замѣтною просѣдью въ волосахъ и бородѣ, съ выстриженными усами, одѣтый въ ситцевую пеструю рубаху и дабинные синіе шаровары, въ «ичигахъ» **),

*) Омуль—родъ сельдей, рыба, водящаяся только въ одномъ Байкалѣ.

**) Ичиги—родъ сапоговъ съ мягкими подошвами безъ каблуковъ.

засѣдалъ за переднимъ концомъ стола. Усовъ при бородѣ прибайкальцы не носятъ, отзываясь тѣмъ, что во время трескучихъ морозовъ они сильно намерзаютъ, особливо въ дорогѣ, и этою особенностію рѣзко отличаются отъ «заморскихъ» (иркутскихъ) крестьянъ и россійскихъ выходцевъ-поселенцевъ. Звали его Семеномъ Ивановичемъ. Въ селѣ своемъ, да и въ окрестностяхъ, онъ пользовался большою извѣстностію, такъ какъ два трехлѣтія прослужилъ сельскимъ старшиною, и оба раза, какъ передъ волостнымъ начальствомъ, такъ и передъ обществомъ своимъ отсчитывался безупречно, на основаніи чего, къ нему нерѣдко, какъ къ старому знакомому и благопріятелю, завертывали волостные члены, хотя Семенъ Иванычъ и тяготился подобными посѣщеніями, такъ какъ честь эта вела къ излишнимъ расходамъ на угощеніе незваныхъ посѣтителей. Хозяйство у него, сравнительно съ прочими односельцами, было довольно значительное: онъ засѣвалъ десятинъ шесть разнаго яроваго хлѣба (озимоваго здѣсь сѣютъ мало — выдуваетъ вѣтрами); ставилъ ежегодно копенъ до двухъ сотъ сѣна, имѣлъ пять лошадей, ходившихъ и въ извозъ, и подъ соху; скота, какъ и у прочихъ у него осталась одна корова,—прочія пали въ предшествовавшіе падежи; десятка два овецъ, да штукъ пять свиней дополняли его хозяйство. Невода и сѣти были всегда въ порядкѣ, лодки—тоже. Домъ его, какъ и большая часть у другихъ, раздѣлялся большими сѣнями на двѣ половины: избу и горницу. Въ сѣняхъ висѣла конская сбруя и неводные и сѣтовые столбы, предназначенные къ починкѣ. Высокая повѣть или задній дворъ, со стойками, теплыми закутами и сѣновалами, прилегала сзади къ дому. На переднемъ дворѣ красовались два новые амбара на одной связи, съ погребомъ внизу, и высокій навѣсъ, подъ которымъ помѣщались телѣги, сани, дровни, старая лодка, вилы, грабли и проч. Дрова были сложены отдѣльно около заплота или забора. Черная баня стояла одиноко въ обширномъ огородѣ. Заплотъ, отдѣлявшій дворъ отъ

улицы, былъ новый, бревенчатый, въ противоположность сосѣдямъ, у которыхъ таковый былъ сложенъ изъ жердей. Тесовыя ворота съ навѣсомъ, по фантазіи сельскаго архитектора, были испещрены выдолбленными квадратиками и другими геометрическими фигурами. На фронтонѣ избы красовалась темносиняя надпись; С. И. 1860, означавшая заглавныя буквы имени и фамиліи владѣльца и время постройки ея. Сзади огорода тянулись коноплянники и гумна, зароставшія лѣтомъ густою полынью и лебедой. Вообще при первомъ взглядѣ на домъ Семена Ивапыча видна была если не зажиточность, то во всякомъ случаѣ достатокъ, и репутацію достаточнаго человѣка онъ вполнѣ поддержалъ въ голодный годъ, ссужая заимообразно своихъ односельцовъ, и даже близкихъ знакомыхъ постороннихъ селеній хлѣбомъ, рыбою, и отчасти деньгами. А тяжелый былъ это годъ вообще для всего Забайкалья: нѣсколько лѣтъ сряду предшествовавшіе урожаи были далеко ниже средняго; приготовленные пары, за недостаткомъ сѣмянъ, оставались незасѣянными, и тотъ, кто засѣвалъ прежде десятинъ по десяти,—вынужденъ былъ ограничится десятинами двумя-тремя,—не болѣе, и то на возвышенныхъ мѣстахъ, такъ какъ отъ ежегодныхъ наводненій, влѣдствіе разлива рѣки Селенги, полусозрѣвшій хлѣбъ погибалъ на корню, и накошенное сѣно уносилось водою въ Байкалъ. Экономическіе магазины, за невзносомъ взятаго въ ссуду—опустѣли, хлѣбъ дошелъ до неслыханной за Байкаломъ цѣны—2 руб. 50 коп. за пудъ ржаной муки. Къ этому бѣдствію присоединился еще скотскій падежъ: за неимѣніемъ ветеринарныхъ пособій и врачей, скотъ валился поголовно; не помогали ни курящіеся въ каждомъ домѣ «дымокуры» или самородные огни, полученные отъ тренія сухихъ обрубковъ дерева одного объ другой, ни наговоры знахарей, ни домашнія средства. Да и что могъ подѣлать одинъ ветеринарный врачъ на два такихъ громадныхъ округа, какъ селенгинскій и верхнеудинскій, на пространствѣ значительно большемъ, чѣмъ занимаетъ любая изъ внутрен-

нихъ губерній Россіи? Въ селеніяхъ, гдѣ было по триста и болѣе головъ рогатаго скота,—осталось штукъ десять, двадцать. Уловъ рыбы, главное подспорье въ крестьянскомъ быту, былъ незначительный: селенговые рѣчные промысла, за разливомъ рѣки и, вслѣдствіе того, за неимѣніемъ дресовъ для закидыванія неводовъ,—совершенно неудались; морскіе-каргинскіе—были также плохи *). Предстояла «голодовка»: народъ пріунылъ, но не отчаявался, не пускался въ нищенство, бился до послѣдней крайности. «Видно Господь за грѣхи покаралъ!» слышался общій говоръ; «Бога забыли, въ церковь не ходимъ, вездѣ кабаковъ, какъ грибовъ, наплодилось». Не унывали только жиды, для которыхъ открывалось широкое поле дѣятельности—народное бѣдствіе, и изъ него они старались извлечь всевозможную пользу. Мѣстная администрація, на суммы, позаимствованныя при содѣйствіи областнаго начальства изъ разныхъ правительственныхъ учрежденій, производила закупы хлѣба по верховью «у семейскихъ» **) и отчасти въ Иркутской губерніи, и по удешевленнымъ цѣнамъ снабжала имъ болѣе нуждавшихся, а неимущимъ отпускала и безъ денегъ, съ обязательствомъ уплатить ихъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но послѣдовавшіе затѣмъ сряду два урожайные года и хорошіе рыбные промыслы сгладили въ воспоминаніи жителей тяжелыя впечатлѣнія и ощущенія голодовки, которая заставила ихъ по-серьезнѣе смотрѣть въ будущее, не бросать лишній грошъ зря, а приберегать его на черный день: послѣдовали многочисленные приговоры объ уменьшеніи числа, и даже въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и вовсе

---

*) Селенговые рѣчные промысла производятся въ августѣ и сентябрѣ при выходѣ омулей изъ Байкала въ Селенгу для метанія икры. Каргинскіе—производятся лѣтомъ на прибрежныхъ отмеляхъ Байкала называемыхъ *каргою*.

**) Семейскими называютъ крестьянъ старообрядцевъ Верхнеудинскаго округа, выселенныхъ изъ Россіи еще въ прошломъ столѣтіи и занимающихся преимущественно хлѣбопашествомъ.

о закрытіи питейныхъ заведеній, какъ главнаго источника зла, куда уходятъ и лишніе и не лишніе, а иногда и послѣдніе крестьянскіе гроши. При этомъ, кстати, подоспѣло и разпоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири о запрещеніи евреямъ быть сидѣльцами въ кабакахъ, послѣдовали циркуляры, съ указаніемъ узаконеній, о принятіи полицейскихъ мѣръ къ пресѣченію, или по крайней мѣрѣ, къ уменьшенію пьянства; да и безъ циркуляровъ пьянство уменьшилось само собою по очень естественной причинѣ: пить было не на что. «Хлѣба нѣтъ, скотъ вывалился, промысла плохіе,—до вина ли тутъ, когда ѣсть нечего». Не смотря на пронырливость евреевъ, на подпаиванія ими безплатно крестьянъ, лесть и обѣщанія всевозможныхъ благъ: и вѣры въ долгъ, и пріема закладовъ, и покупки вещей въ обмѣнъ на вино или деньги,—ничто не дѣйствовало: мужики, наученные горькимъ опытомъ—недавнею голодовкою, не вышедшіе еще изъ долговъ, въ которые втянулись по крайней нуждѣ,—крѣпко стояли на своемъ: даровое вино отъ евреевъ пили, а приговоровъ на открытіе питейныхъ заведеній не подписывали, и осыпаемые всевозможными жидовскими проклятіями, выпроваживали съ носомъ назойливыхъ посѣтителей, посмѣиваясь въ тихомолку про себя, что «вотъ-де и имъ удалось жида провести». Все-таки, такъ или иначе, а число кабаковъ уменшилось почти на двѣ-трети, и одно это, при наступившихъ хорошихъ урожаяхъ и рыбныхъ промыслахъ, имѣло сильное вліяніе на быструю поправку крестьянъ послѣ перенесеннаго бѣдствія.

Старшій сынъ Семена Ивановича, женатый, лѣтъ 25, названный въ память дѣдушки Иваномъ, вышелъ, по выраженію отца «неудачникомъ», и неудачность эта выразилась въ въ томъ, что онъ оказался нарень «гулящій». Не то, чтобы онъ пилъ часто, но порой случалось съ нимъ, когда онъ скрывался изъ дому дня на три или болѣе, пропадалъ неизвѣстно гдѣ, и потомъ заявлялся къ отцу, или большею частію, кто-нибудь приводилъ его,—испитой, оборванный, гряз-

ный, съ трясеніемъ во всѣхъ членахъ, съ дикими глазами. Дней пять послѣ этого онъ чуждался всѣхъ, ни съ кѣмъ не говорилъ, не охотно отвѣчалъ на вопросы, грубо отталкивалъ жену, когда та предлагала ему что-нибудь поѣсть, и терпѣливо сносилъ отцовскія внушенія и потасовки, или тупо смотрѣлъ куда-нибудь въ уголъ, при слезахъ и причитаніяхъ матери объ его «безталанной долѣ». Но вошедши въ нормальную колею, онъ какъ будто старался усиленною роботою загладить свой проступокъ, вознаградить за потерянное въ загулѣ время,—и дѣйствительно всякое дѣло кипѣло у него въ рукахъ. «Что если бы всегда такъ»? думалъ, глядя на него, Семенъ Иванычъ. «И въ кого это онъ уродился? видно съ материной родни кто-нибудь да есть пьющій». Пробовалъ отецъ и лечить Ивана отъ запоя,—но леченіе не принесло ни какой пользы. И женилъ онъ его съ цѣлью, что вотъ-де при женѣ бѣгать не будетъ, пойдутъ ребятишки, не до того будетъ—образумится!»—но и женитьба мало помогла.—«Ну, съ лѣтами, Богъ дастъ, пройдетъ!» порѣшилъ Семенъ Иванычъ, и остановился въ полной увѣренности на этомъ заключеніи, тѣмъ болѣе, что и «убѣги» Ивана начали повторяться рѣже, и то на короткій срокъ.—На видъ это былъ рослый, плечистый, красивый дѣтина, съ смуглымъ оттѣнкомъ лица, съ темнокарими глазами,—настоящій портретъ матери. До женитьбы его, не одна деревенская красавица засматривалась на Ивана, но ни одной изъ нихъ не удалось достигнуть своей цѣли, то-есть, выйти за него замужъ, да и самъ Иванъ женился не по собственному влеченію, не по выбору своего сердца, а повинуясь волѣ отца, который выбралъ ему невѣсту въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ, въ довольно зажиточномъ семѣйствѣ, имѣя при этомъ двѣ цѣли: матеріальную—значительное приданое невѣсты и нравственную—поддержку Ивана чрезъ женитьбу отъ его убѣговъ. Долго шло сватовство, такъ какъ родители невѣсты, провѣдавъ про слабость Ивана, не совсѣмъ-то охотно рѣшались выдать за него свое

любимое дѣтище, и вѣроятно свадьба не состоялась бы, если бы сама невѣста, при спросѣ объ ея согласіи, не высказала окончательнаго рѣшенія: «если не отдадите за него, то ни закого болѣе ни пойду, хоть убейте меня». У Ивана уже двое ребятъ: одинъ—мальчуганъ по второму году, хотя и не совсѣмъ твердыми шагами, но цѣпляясь рученками за лавки и попавшіеся на пути предметы, а гдѣ и ползкомъ—на четвереньках, можетъ обойти кругомъ довольно обширной избы; другой, мѣсяцевъ четырехъ, качается въ «зыбкѣ» (люлькѣ), прикрѣпленной къ концу длиннаго гибкаго шеста. Въ старшемъ внукѣ дѣдушка Семенъ Ивановичъ души не чаетъ. Обыкновенно серьезный, даже нѣсколько угрюмый, при игрѣ съ ребенкомъ онъ совершенно измѣняется, и высшую степень наслажденія доставляетъ ему, когда внучекъ крѣпко вцѣпится въ бороду или въ волосы его.—Жена Ивана, Аксинья, обыкновенно молчаливая въ присутствіи свекра, наединѣ съ мужемъ ведетъ частыя перепалки. «Отлучки» его она объясняетъ совершенно по своему: «навѣрное,—разсуждаетъ она,—есть у него на сторонѣ какая-нибудь другая, недаромъ онъ не сказываетъ, гдѣ пропадаетъ. Вѣдь и женился-то онъ на мнѣ не по своей охотѣ,—отецъ заставилъ. Ужь допытаюсь я, дослѣжу, кто эта разлучница». Но дослѣживать было нечего, такъ какъ Иванъ, не смотря на видимое равнодушіе къ женѣ, строго хранилъ супружескую вѣрность, оставаясь совершенно хладнокровнымъ къ другимъ-прочимъ, хотя иныя и оказывали ему, женатому, явные знаки вниманія. А между тѣмъ ревность мучила бѣдную женщину, тоска грызла ее, и изъ-за допытываній происходили между ей и мужемъ иногда очень бурныя сцены, послѣ которыхъ Аксинья цѣлый день ходила съ опухшими отъ слезъ глазами, не говоря впрочемъ никому о происшедшемъ между ними, да и Иванъ смотрѣлъ мрачнымъ, бросалъ работу, и не прочь былъ «дать тягу» на неопредѣленное время. Семенъ Иванычъ, человѣкъ опытный въ дѣлахъ житейскихъ, давно замѣтилъ «неладныя» отношенія

между сыномъ и невѣсткою, сообразилъ въ чемъ «суть», убѣдился, что неправа Аксинья, что напускаетъ она на себя блажь, что вмѣсто поддержки съ ея стороны, на которую онъ такъ сильно разсчитывалъ, можетъ выйти только большое разстройство въ семьѣ. а потому и употреблялъ все свое вліяніе на Аксинью къ уничтоженію ея неосновательной ревности, находя вполнѣ справедливымъ, что она главная зачинщица этихъ сценъ, что самъ по себѣ Иванъ мужикъ смирный, кроткій, мухи даромъ не изобидитъ, и что вѣроятно она вывела его до такой степени изъ терпѣнія, что онъ рѣшился немножко «поучить» ее.

— Брось, баба! говорилъ онъ: — только сама себя подъ грѣхъ подводишь. И какой врагъ тебя надоумилъ? ужь если Иванъ до женитьбы жилъ какъ красная дѣвушка, то какой шутъ заставитъ его, помимо законной жены, слоняться по чужимъ дворамъ? Не раздражай ты его, ради Бога: видишь, онъ и то волкомъ смотритъ, того и гляди—въ лѣсъ уйдетъ.

Но не легко было Аксиньѣ разстаться съ вкоренившимся въ ней еще въ первый годъ замужества убѣжденіемъ, что у Ивана есть на сторонѣ «другая». Мысль эта мучила, сушила, убивала ее, преслѣдовала и днемъ и ночью, хотя, съ виду, въ послѣднее время, она наружно старалась не показать даже и тѣни подозрѣнія. Иванъ мало обращалъ на нее вниманія, но отъ Семена Иваныча не ускользнуло изъ глазъ то обстоятельство, что невѣстка его съ каждымъ днемъ все болѣе худѣетъ и что причина этой худобы не физическая боль, а какое-нибудь душевное страданіе.

— Здорова ли ты? спрашивалъ онъ съ участіемъ.

— Ничего, тятенька! былъ обыкновенный отвѣтъ.

Съ женитьбой Ивана все женское хозяйство, то-есть, стряпня, уходъ за скотомъ и проч., отъ старухи матери перешло въ руки Аксиньи. Въ помощь ей, и «чтобы привыкала», была опредѣлена отцомъ тринадцатилѣтняя дочка Семена Иваныча—Феклуша. Свекровь Тимофѣевна нянчилась

съ внучатами. Это было хворое, безотвѣтное существо, присутствія котораго и не слыхать было въ домѣ: постоянно за «зыбкой», съ мурлыканьемъ про себя колыбельной пѣсни, или съ чулкомъ въ рукахъ, или за пряжей и сученьемъ «мотовъ». Семенъ Иванычъ ни въ грошъ не ставилъ «свою старушенку», и если нужно было сдѣлать какія распоряженія по хозяйству или по домашности, то всегда обращался къ Аксиньѣ; хотя старуха и обижалась этимъ предпочтеніемъ, дѣлаемымъ невѣсткѣ, но обиды своей высказывать вслухъ не рѣшилась, а ворчала себѣ втихомолку, что «она при своей свекрови носу безъ спросу никуда не смѣла сунуть», на что отъ Аксиньи раздавался категорическій отвѣтъ тоже подъ носъ, чтобы не услыхалъ свекоръ или мужъ: «закаркала ворона!» — Вообще Аксинья, выросшая въ богатомъ по крестьянству домѣ, избалованная съ дѣтства, какъ единственная дочь, привыкшая болѣе повелѣвать, а не повиноваться, — трудно привыкла къ простой крестьянской обстановкѣ средней руки, и подчинялась только одному неотразимому вліянію и волѣ Семена Иваныча, одно присутствіе котораго нерѣдко сдерживало ея неумѣстно-горячіе порывы, или скорѣе «срывки» противъ свекрови и мужа. За то, когда ей случалось посѣщать родительскій домъ, жалобамъ на мужа и слезамъ конца не было: «и разбойникъ-то онъ, и пьяница, и безпутный». Мать, глядя на худобу дочери, вполнѣ вѣрила ей, отецъ же обыкновенно отзывался:

— Кто же виноватъ? никто не неволилъ; сама пошла, свою охоту тѣшила. Ну, и пеняй на себя!

Однако онъ почелъ не лишнимъ объясниться съ Семеномъ Ивановичемъ. Когда послѣдній заѣхалъ къ нему по спопутности, произошло объясненіе, сопровождавшееся крупнымъ разговоромъ.

— И «тожнó» (тогда), при сватаньѣ видать было, говорилъ отецъ Аксиньи, — что ты больше зарился на большое

приданое, чѣмъ на дѣвку; а та, съ дуру-то: «пойду, да пойду, хоть зарѣжьте—пойду»! Вотъ-те и вышла на свою на голову! Жадные, ненасытные!

Самолюбіе Семена Иваныча было глубоко уязвлено. Отецъ Аксиньи попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Дѣйствительно—приданое имѣлось въ виду на первомъ планѣ, тѣмъ болѣе, что предстоялъ рекрутскій наборъ, и сыновья его стояли на первой очереди; необходимо нужно было купить рекрутскую квитанцію, а денегъ не доставало, и перехватить было негдѣ. Женитьба Ивана выручила изъ этого бѣдственнаго положенія. Однако Семенъ Иванычъ сильно изобидѣлся справедливымъ замѣчаніемъ своего свата и не теряя достоинства отвѣчалъ:

— Мы, слава-те Господи, не нищіе, обходились да и впередъ обойдемся безъ вашего приданаго!... А если дочка твоя не умѣетъ ладить съ мужемъ, — наше дѣло тутъ сторона. А только послѣ твоихъ словъ, моя нога больше не будетъ у васъ въ домѣ.

— Да и мы въ вашемъ не нуждаемся! Жаль только дѣвку: заѣли чужой вѣкъ. Жиды поганые! ворчалъ отецъ Аксиньи, поглядывая въ окно, какъ Семенъ Иванычъ сердито отвязалъ лошадь, ударилъ ее кулакомъ по мордѣ, тяжело усѣлся въ «сидѣйку» *), во весь духъ помчался по улицѣ до конца деревни и, къ крайнему удивленію своего свата, остановился у «продажи вина распивочно и на выносъ».

— Эвонъ оно какъ! куда сынокъ, туда и батюшка. Добро!

Между тѣмъ Семенъ Иванычъ привязалъ лошадь къ кольцу, ввинченному въ наружную стѣну кабака, неторопливо вошелъ туда, перекрестился, и изъ подлобья посмотрѣлъ на цѣловальницу, которая, широко раскрывъ глаза, съ изумленіемъ смотрѣла на небывалаго посѣтителя.

---

*) Сидѣйка—двухколесная телѣжка въ родѣ кабріолета, только безъ рессоръ, довольно удобная для ѣзды, потому что не тряска.

— Что, Петровна, аль не узнала?

— Что вы, что вы, Семенъ Иванычъ! бойко затараторила она, оправившись и низко кланяясь; — какъ не узнать, въ кой-то вѣки пожаловали. Да проходите за стойку, что вы тамъ стоите! Эй, мужикъ, хозяинъ! крикнула она мужу въ окно на дворъ,—брось дрова-то, иди скорѣе, гость пріѣхалъ!

— Я не въ гости, а такъ «по путѣ». Налей-ка ты мнѣ «болтушку», выпить что-то захотѣлъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, Семенъ Иванычъ! говорила Петровна, исчезая въ подпольѣ, и въ ту же минуту показалась опять оттуда, держа въ одной рукѣ соленаго омуля за хвостъ, а въ другой—полную тарелку шинкованной капусты и соленыхъ огурцовъ, живо постлала скатерку на столъ «нарушала» (нарѣзала) хлѣба, открыла заслонку въ печи, и вынула оттуда латку съ какимъ то жаркимъ изъ мяса, накрошила его на тарелку, и все это поставила на столъ вмѣстѣ съ графиномъ водки и рюмкою.

— Да ты, Петровна, не тово... говорилъ, смотря на ея приготовленія, Семенъ Иванычъ:—я не въ гости, я «по путѣ». Налей-ка мнѣ болтушку-шкаликъ, я выпью, да и поѣду: я—не въ гости, я—на деньги... продолжалъ онъ, не входя за стойку.

— Что вы, что вы, твердила Петровна, нацѣживая изъ бочки стаканъ водки, который Семенъ Иванычъ залпомъ выпилъ;—какъ можно! въ кой-то вѣки завернули, да не хотите и чайку напиться. Какъ это можно?! Хозяинъ, а хозяинъ! кричала она, махая рукой въ окно;—да иди-же, брось дрова-то, успѣешь еще! Да раздѣвайтесь, скидавайте шинель: у насъ тепло, слава-те Господи!

Нечего дѣлать. Семенъ Иванычъ вошелъ за прилавокъ, распоясался, снялъ шинель, и остался въ плисовомъ курткѣ и такихъ же шароварахъ. Синяя дабинная рубаха на выпускъ и кунгурскіе сапоги дополняли его нарядъ. Въ две-

ряхъ показался хозяинъ, низенькій, тщедушный мужикъ, съ сѣрыми проницательными глазами, съ козлиной бородкой, съ плутовскою улыбкою. Не входя за стойку, онъ успѣлъ уже отвѣсить Семенъ Иванычу два низкихъ поклона, и состроилъ радостно-удивленную рожу, причемъ, выставилъ на показъ два ряда бѣлыхъ, какъ слоновая кость, зубовъ.

— Не ждалъ, вотъ ужь не ждалъ, ей-Богу не ждалъ! О праздникѣ поспѣсивились пожаловать! говорилъ онъ, продолжая низко кланяться, здороваясь въ тоже время, и наливая Семену Иванычу рюмку водки.

— По путѣ, право по путѣ — не въ гости! отнѣкивался Семенъ Иванычъ: — все вотъ Петровна затащила сюда закусить. Былъ у свата, да повздорили немножко и изъ-за невѣстки,—ну, съ досады и завернулъ выпить.

— Милости просимъ, милости просимъ! вы у насъ рѣдкій гость. Что-же ты съ самоваромъ-то?

— Сейчасъ закипитъ! раздался въ отвѣтъ голосъ Петровны изъ сѣней, и черезъ минуту она ввалилась въ двери съ огромнымъ самоваромъ; изъ-за клубовъ пара лица ея не было видно.

— Эхъ, напрасно безпокоитесь! я по путѣ, право по путѣ, бормоталъ Семенъ Иванычъ, уже охмѣлѣвшій. Пилъ онъ весьма рѣдко и самымъ умѣреннымъ образомъ, но сегодня, оскорбленный до глубины души сватомъ, и чувствуя себя передъ нимъ не совсѣмъ правымъ,—рѣшился досаду и вину свою заглушить водкой. — Да ну его къ Богу и свата самаго' вздумалъ попрекать приданымъ, какъ будто мы безъ его приданаго и не изжили свой вѣкъ. У насъ и теперь, слава Богу, мало-мальски найдется, да и допрежь того по займамъ не ходили,—еще добрыхъ людей снабжали.

— Что и говорить, извѣстно дѣло! подтверждалъ хозяинъ—Что же, водочки-то? соблаговолите еще рюмочку!

— Нѣтъ, будетъ, довольно! отказалъ Семенъ Иванычъ, однако выпилъ.—Что это, съ ума что-ли, я сошелъ,—досаду

виномъ хочу залить. Давай-ка лучше чайку попьемъ? Ну, какъ ваши дѣла?

Лицо хозяина изъ улыбающагося вдругъ сдѣлалось печальнымъ.

— Что наши дѣла,—и не говорите лучше. Совсѣмъ при нынѣшнихъ порядкахъ дѣло вести нельзя. Хозяйствомъ, сами знаете, я не занимаюсь, промыслами—тоже, всему попустился ради этой торговли. Ну, оно прежде и расчетъ было торговать: бывало въ мѣсяцъ бочки три, а когда и больше спроворишь; а теперь вотъ бочка-то третью недѣлю стоитъ, а много, много, развѣ ведеръ двадцать съ небольшимъ вышло. А сидимъ-то мы съ ведра по полтинѣ, — вотъ оно и расчетъ. Тоже дрова свои, свѣтъ, пить-ѣсть надо, глядишь вмѣсто барыша-то, изъ своего кармана надбавить приходится. Совсѣмъ плохо сталъ народъ пить! со вздохомъ заключилъ хозяинъ.

— Али бывало прежде, акцизный начальникъ разъ въ годъ заглянетъ, да и то напередъ узнаешь, али стороной услышишь, когда будетъ;—ну, и готовишься, ждешь. А теперь, почитай, чуть не каждый мѣсяцъ ѣздитъ. Да еще бы акцизное начальство туда-сюда, это ихнее дѣло; ну, а земское-то зачѣмъ вяжется? Вонъ прошлый разъ заѣхалъ исправникъ, вина не пробовалъ, пришелъ со старшиною, съ понятыми, нашелъ какіе-то безпорядки — нечистоту, что-ли, составилъ актъ, — черезъ мѣсяцъ, глядишь, и оштрафовали. Какая послѣ этого торговля? одинъ расходъ на содержаніе, да штрафы: не въ карманъ, а изъ кармана. Съ новаго года безпремѣнно брошу.

Послѣдовалъ опять продолжительный вздохъ. Видно, что хозяину тяжело было даже при мысли разстаться съ его любимымъ занятіемъ, по милости котораго онъ сколотилъ малую толику деньжонокъ, обзавелся своимъ домишкомъ и бойкою женою—Петровной.

Семенъ Иванычъ, выпивъ еще нѣсколько рюмомъ и закусивъ изрядно, сталъ собираться домой; послѣдовали обычныя

привѣтствія, прощанья, благодарность за угощеніе и посѣщеніе, приглашеніе на предки, и «къ намъ милости просимъ» и проч. Стало уже смеркаться, когда онъ подъѣхалъ къ своему дому. Накипѣвшая злоба противъ свата, разжигаемая кромѣ того выпитой водкой, снова запылала у него на сердцѣ. «Постой-же ты сорока!» думалъ онъ про невѣстку; «я тебѣ укорочу языкъ; будешь у меня по одной половичкѣ ходить, а на другую поглядывать». Не выпрягая лошади, вошелъ онъ въ избу, бросилъ на полати шапку, и усѣлся на скамьѣ около стола. Иванъ у дверей чинилъ сѣть.

— Поди-ка ты сюда, голубушка! кликнулъ онъ Аксинью.

Та подошла.

— Ты, плеха, чего тамъ дома своимъ наплела? срамить насъ вдумала!? грозно спросилъ Семенъ Ивановичъ.

Аксинья струсила,

— Я, тятенька, ей богу, ничего! Убей Богъ!..

— То-то, убей Богъ... Вотъ же тебѣ!

Раздалась громкая оплеуха, Аксинья взвизгнула и скрылась въ «куть». Иванъ, блѣдный какъ полотно, со сжатыми кулаками и стиснутыми зубами, трясясь всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, стоялъ передъ отцомъ.

— Тятька! едва онъ могъ выговорить, задыхаясь отъ волненія—не смѣй... не тронь... меня сколько хочешь, а ее... пальцемъ не шевель... А не то... будетъ бѣда!

— А-а-а!.. такъ и ты туда-же! грозить! вы всѣ заодно!.. кричалъ вышедшій изъ себя Семенъ Иванычъ, схвативъ сына за волосы. Старуха Тимофѣевна, бросивъ нянчиться съ внукомъ, кинулась отнимать сына отъ разъяреннаго родителя, но послѣдній такъ сильно толкнулъ ее, что она безъ чувствъ покатилась подъ лавку. Въ эту минуту вошелъ въ избу Андрей, второй сынъ Семена Иваныча.

— Тятька, что это такое?!. Господи, Боже мой, что за напасть!

Руки Семена Иваныча опустились: грозный взглядъ перемѣнился въ трусливый. Андрей принялся ухаживать за матерью, перенесъ ее, при помощи Аксиньи, въ куть на кровать, спрыснулъ холодной водой, и старуха очнулась. Семенъ Иванычъ, какъ провинившійся ребенокъ, пересѣлъ въ уголъ, и тоскливо посматривая на свои сапоги, грызъ ногти.

— Тятька? вопросительно сиросилъ Андрей отца, который не смотрѣлъ на него,—дуришь, что ли?

Семенъ Иванычъ не отвѣчалъ.

Въ тотъ же вечеръ Иванъ скрылся, уѣхавъ на оставленной отцемъ на дворѣ лошади, и пропадалъ неизвѣстно гдѣ цѣлую недѣлю, до тѣхъ поръ, пока волостное правленіе не препроводило его къ сельскому старшинѣ въ оборванномъ рубищѣ, съ опухшею отъ пьянства и побоевъ физіономіею. Куда онъ дѣвалъ лошадь и сидѣйку, это до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, да никто объ этомъ и не спрашивалъ, равно какъ и о томъ, гдѣ онъ былъ въ это время, зная всю безполезность вопросовъ. Отецъ молчалъ, чувствуя себя неправымъ, старуха хныкала, Аксинья поплакала, поплакала—и перестала. Андрей въ это время былъ на морѣ—съ сѣтями.

Когда слухъ о происшедшемъ, съ разными варіаціями, дошелъ до родителей Аксиньи, они махнули рукой, и порѣшили, «что погибла дочка ни за грошъ». Съ этого времени только одна Аксинья изрѣдка навѣщала своихъ родителей, со стороны же прочихъ членовъ семьи, съ той и другой, всякія сношенія прекратились: разрывъ послѣдовалъ окончательный.

Андрей, второй сынъ Семена Иваныча, 22 лѣтъ, не походилъ на брата ни наружностью, ни характеромъ. Атлетически сложенный, съ угрюмымъ лицомъ, покрытымъ веснушками съ легкими признаками оспы, съ рыжеватымм волосами на бородѣ и бѣлокурыми на головѣ, съ сѣрыми пронзительными глазами, съ громадными неуклюжими руками, онъ съ перваго взгляда производилъ непріятно-отталкивающее впе-

чатлѣніе. Нелюдимый, несловоохотливый, онъ постоянно, даже въ праздники, копался одиноко за какой нибудь работой, не сходился съ деревенскою молодежью, а если необходимость и заставляла его быть вмѣстѣ, жить въ артели, какъ напримѣръ, во время селенговыхъ промысловъ, то сама молодежь чуждалась его, опасаясь проявленія его страшной физической силы и здоровыхъ кулаковъ, которые онъ показывалъ каждому, косо или съ насмѣшкой смотрѣвшему на него. Даже отецъ, деспотически распоряжавшійся въ семействѣ, отчасти подчинялся его вліянію, тѣмъ болѣе, что Андрей былъ грамотный. Трудно было урезонить Семена Иваныча отдать сына въ школу: какъ, да зачѣмъ, да старшій парень у меня не грамотный, что онъ самъ вѣкъ изжилъ безъ грамоты, а вотъ старшиной служитъ, и никто не проведетъ его. Но ему противопоставили собственное его же оружіе, что онъ хоть и старшина, а все-таки въ рукахъ у писаря, что если писарь запьетъ, то и Семенъ Иванычъ ворота запретъ: ни сборовъ, ни расходовъ записать некому; что наконецъ онъ, какъ старшина, обязанъ подавать примѣръ обществу и исполнять желанія начальства, а онъ супротивничаетъ, куражится. Однако Семенъ Иванычъ все-таки сдѣлалъ по своему: въ школу не отдалъ, а отдалъ къ приходскому дьячку Лукѣ Афанасьевичу, у котораго младшій сынъ въ то время принимался тоже за букварь. «Веселѣе ребятенкамъ будетъ!» говорилъ дьячекъ. Веселѣе-то оно дѣйствительно оказалось, да только ученье подвигалось очень туго: черезъ годъ Андрей все еще сидѣлъ на «ангелъ, ангельскій» и т. д... Кромѣ малоуспѣшности, Семенъ Иванычъ обратилъ вниманіе и на другіе побочныя обстоятельства: Лукѣ Афонасьевичу приходилось платить каждый мѣсяцъ по рублю, а въ школѣ—даромъ; надо было купить азбуку, букварь аспидную доску, грифель и проч. все за деньги—а въ школѣ даромъ; Лука Афанасьевичъ не прочь былъ, подъ видомъ благочестія, не въ зачетъ платы за ученье, приговориться

иногда къ «лагушку» *) омулей, къ мѣшку «запасца» **),— а учитель въ школѣ, кромѣ жалованья, не бралъ ничего. Всѣ эти соображенія и побудили Семена Иваныча перемѣстить Андрея отъ Луки Афанасьевича вь сельскую приходскую школу. Учился Андрей бойко, память у него была хорошая, соображеніе быстрое;—но и въ школѣ видны уже были зачатки той угрюмости и суровости характера, которые впослѣдствіи сдѣлались въ немъ отличительною чертою.

Не было у него изъ числа сверстниковъ ни одного товарища, и въ дѣтскихъ играхъ и забавахъ онъ не принималъ участія. Только слабые находили въ немъ постояннаго защитника: съ какимъ, бывало, азартомъ несется онъ засучивъ рукава рубахи, на какого-нибудь забіяку-школьника, свалившаго своего слабаго противника, и собирающагося раздѣлаться съ нимъ по-свойски. Когда отецъ взялъ его въ первый разъ на Байкалъ, по лицу его пробѣжала дрожь удовольствія: давнишнее желаніе его приводилось въ исполненіе. Было довольно изрядное волненіе,—однако Семенъ Ивановичъ выѣхалъ въ море съ сѣтями; промыселъ оказался черезъ чуръ незавидный, вѣтеръ усиливался, а потому и рѣшено было воротиться на берегъ—переждать погоду. На «лопаткахъ» (отмеляхъ) волненіе было особенно сильно: «бѣляки» (мелкіе валы) то и дѣло заглядывали въ лодку. Но вотъ идетъ громадный валъ? Семенъ Иванычъ грудью налегъ на кормовое весло и круто поворотилъ лодку; валъ разбился, обдавъ всѣхъ крупными брызгами. Семенъ Ивановичъ съ любопытствомъ взглянулъ на Андрея: хотя бы одинъ мускулъ пошевелился, или одна черта измѣнилась въ лицѣ его; онъ хладнокровно взялъ «черпалку», и началъ выплескивать накопившуюся въ носу лодки воду,— тогда какъ Иванъ, уже привыкшій къ морю, замѣтно поблѣднѣлъ.—«Ну, братъ!» промычалъ отъ удовольствія отецъ, глядя

*) Лагунъ, лагушокъ—кадь или боченокъ.

**) Запасомъ называется ржаная и пшеничная мука.

на Андрея:—«ты у меня морякъ, промышленникъ будешь. А ты, братъ,—обратился онъ къ Ивану,—нюня, мѣшокъ: третье лѣто на морѣ, а струсилъ вонъ какой бездѣлицы. Молодецъ, Андрей! теперь можно и бросить школу!» И бросили, когда Андрею былъ четырнадцатый годъ. Съ тѣхъ поръ, вода сдѣлалась его любимою стихіею; только одна суровая зима приковывала его къ дому, остальное же время года онъ—или на Байкалѣ, или на Селенгѣ, или на озерахъ—съ сѣтями, неводомъ, удами, или возится съ вершами, мордами, заѣздками и фитилями. Можетъ быть эта постоянная отчужденность отъ домашняго быта, борьба съ препятствіями и развили еще болѣе въ Андреѣ эту нелюдимость и суровый характеръ, вліянія котораго не могъ избѣжать даже отецъ, не смотря на неограниченный произволъ свой въ семьѣ. «Ты у меня смотри, не фыркай много: наборъ придетъ, право въ солдаты отдамъ!» вспылитъ, бывало, отецъ, но когда дѣйствительно подошелъ рекрутскій наборъ, и оба сына были на очереди,—Семенъ Иванычъ извернулся, досталъ денегъ (чему много помогла и женитьба Ивана), купилъ квитанцію,—и сыновья остались при домѣ. Разъ, было, заикнулся отецъ и о женитьбѣ Андрея; но получивъ лаконическій отвѣтъ: «успѣю еще!», больше объ этомъ предметѣ разговору не возобновлялъ. Женщинъ и деревенскихъ дѣвушекъ Андрей избѣгалъ, какъ будто даже боялся ихъ: ни въ «посидѣнкахъ», ни въ вечеринкахъ въ долгіе зимніе вечера онъ никогда не принималъ участія, и всю молодую холостежь окрестилъ названіемъ «бабьихъ прихвостней», хотя и самъ пользовался отъ нихъ не очень лестнымъ прозвищемъ «медвѣдя», которое, впрочемъ, довольно удачно характеризовало его. На морѣ или на рѣкѣ, однимъ словомъ «на промыслу»,—это былъ дѣятельный, незнавшій усталости и изнуренія рыбопромышленникъ, азартный при добычѣ, и неунывавшій при неудачахъ. Восьмилѣтній навыкъ, природная смѣтка, громадная физическая сила и отчаянная смѣлость давали ему преимущество передъ

прочими, да и немного находилось охотниковъ поступить къ нему въ товарищи, когда онъ отправлялся въ море на сѣтовую добычу лѣтомъ, или тайно промышлялъ рыбу—«воровалъ» въ недозволенное закономъ время и въ не показанномъ мѣстѣ—«за межами» въ устьяхъ Селенги въ рунный омулевый ходъ. Не смотря на срогую отвѣтственность, которой онъ могъ подвергаться, въ случаѣ если бы попался, не смотря на запрещенія отца, не смотря даже на то, что въ собственномъ его сознаніи «воровство» представлялось дѣломъ грѣшнымъ,—онъ все-таки, тайкомъ отъ всѣхъ, уходилъ на тайный промыселъ; не жажда корысти руководила имъ, такъ какъ вырученныя отъ продажи рыбы деньги онъ отдавалъ всѣ отцу,—а жажда добычи, обильнаго лова, удаль и молодчество, какой-то «сердечный зудъ», который не давалъ ему покоя, и толкалъ его пускаться въ опасныя экскурсіи. Знало волостное начальство, что Андрей одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ рыбныхъ контрабандистовъ, знало это хорошо, давно грызло на него зубы, но не смотря на всѣ усилія и ухищренія—изловить его не могло: онъ, какъ птица, на своей легкой «кедровкѣ», не взирая ни накакое волненіе и вѣтеръ, уходилъ въ открытое море, куда «поимщики» на тяжелой и неуклюже-длинной лодкѣ, забиравшей по два вала, не смѣли за нимъ слѣдовать, или въ глазахъ ихъ скрывался гдѣ-нибудь въ густыхъ камышахъ или тальникахъ, растущихъ во множествѣ на берегахъ многочисленныхъ протоковъ, соединяющихъ собою устья главной рѣки.

Отношенія его къ семьѣ были довольно неопредѣленныя: отецъ полагалъ на Андрея большія надежды, смотрѣлъ на него какъ на опору и поддержку въ будущемъ, хотя въ душѣ и предпочиталъ ему Ивана за его смиренный нравъ, и какъ вполнѣ подчиненнаго его деспотизму. Андрей, съ своей стороны, ограничивался тѣмъ, что воротившись съ промысла, молча передавалъ отцу «выручку» за рыбу, или молча же, при помощи Ивана, закатывалъ боченки и лагуны упромы-

шленной рыбы въ погребъ, и также молча принимался за какую-нибудь домашнюю работу, или ѣхалъ въ лѣсъ или на поле за дровами, за сѣномъ. Только разъ вышелъ оживленный споръ, кончившійся чуть не ссорою.

— Ты, юла, чего тутъ вертишься? зарычалъ Андрей на сестру Феклушку, которая какъ-то нечаянно подтолкнула его подъ руку во время вязки неводнаго столба. Баловница эдакая! Ты бы, тятька, — неожиданно обратился онъ къ отцу, который починивалъ сѣть, — въ училище отдалъ ее, чѣмъ дома-то ей баклуши бить. Только балуется!

Семенъ Иванычъ какъ завязывалъ иголкой узелъ на сѣти, такъ и остался въ этомъ положеніи цѣлую минуту. Расширивъ глаза и полураскрывъ ротъ, онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на сына. Феклушка съ любопытствомъ выглядывала изъ кухни.

— Че-во?! наконецъ протяжно выговорилъ онъ:—въ училище, дѣвчонку?... Да ты никакъ съ ума спятилъ? Что она, поповна, что-ли, или купеческая дочь?

— Не все поповски, да купечески учатся; вонъ, при волости, мало-ли крестьянскихъ дочерей въ школѣ.

— При волости... мало-ли... передразнивалъ Семенъ Иванычъ:—ну, и пускай ихъ учатся! А чему научатся? только записки писать полюбовникамъ; знаю я это ученье! Да и при волости дѣло другое: тамъ на тракту, двѣ ярморки, торговыхъ много; ну, а здѣсь,—на кой ей лядъ ученье?

— Ученье, тятька, не лишнее, на вороту не виснетъ. Ужь какое сравненье: одно—грамотный, другое—нѣтъ. Посуди самъ!

— Да только не дѣвченка! Женское-ли это дѣло—ученье! Умѣла бы баба горшокъ со щами въ печку поставить, чаю сварить, хлѣбы испечь, за хозяйствомъ да за ребятишками ходить, мужа слушаться, старшихъ почитать,—вотъ ея дѣло, а грамота тутъ не причемъ. Ну, видано-ли это: пришелъ ты съ промыслу, голодный-то ты, холодный, перемокъ весь,

«присталъ» (усталъ), какъ собака, а баба твоя вмѣсто того, чтобъ накормить да обогрѣть тебя, сидитъ да книжку читаетъ, и въ печкѣ ничего нѣтъ, и ребятишки расползлись по угламъ, и не убрано нигдѣ ничего, и баня не вытоплена. Вѣдь это курамъ на смѣхъ, вѣдь всѣ сосѣди пальцами указывать станутъ.

И таковъ взглядъ на женщинъ и на женское образованіе не у одного только Семена Иваныча, но и повсемѣстно въ Забайкальѣ, даже въ городахъ, между простымъ классомъ населенія. Была бы работница, хозяйка, мать—и только; умѣла-бы чистить рыбу, грести сѣно, жать, стряпать, шить, была бы обиходна, не уродъ, не шалила бы крѣпко въ дѣвкахъ,—вотъ большею частію идеалъ, которымъ ограничивается обыкновенно женихъ при выборѣ себѣ будущей подруги жизни, а о приданомъ разговариваютъ рѣдко, такъ какъ каждый знаетъ средства и состояніе другаго. Только Семенъ Иванычъ, при женитьбѣ Ивана, составлялъ въ этомъ случаѣ исключеніе, выбравъ ему богатую невѣсту; но и его понудила крайность,—предстоявшій рекрутскій наборъ.—Впрочемъ, въ описываемое мною время Аксинья почти уже окончательно свыклась, «сжилась» съ своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что двое дѣтей какъ будто обязательно привязали ее къ новой семьѣ, ея обстановкѣ и интересамъ, и только рѣзкія выходки Семенъ Иваныча и «убѣги» Ивана заставляли ее жаловаться на горькое житье-бытье, съ преувеличеніемъ большею частію дѣйствительно переносимыхъ ею житейскихъ невзгодъ и испытаній.

II.

Познакомившись съ семействомъ Семена Иваныча и съ его собственною личностью,—обратимся къ продолженію дальнѣйшаго разсказа. Передъ нами, какъ я уже сказалъ ранѣе, на столѣ громадная латка кирпичнаго чая, забѣленнаго молокомъ и заправленнаго масломъ, «солянка», сваренная изъ двухъ или трехъ омулей, съ приправой кортофеля, капусты лука, и на деревянной тарелкѣ «нарушанный» ломтями ржаной хлѣбъ. Они только что недавно встали, умылись и помолились Богу, и усѣлись «пить чай». Молотьба, по случаю святокъ, отложена до будничнаго времени. Въ переднемъ углу засѣдаетъ самъ Семенъ Иванычъ, подлѣ него — Иванъ, насупротивъ—Андрей, возлѣ Андрея сидитъ какой-то заночевавшій у нихъ гость. Женское населеніе «пьетъ чай», отдѣльно въ кутѣ. Идетъ оживленный разговоръ «о мореставѣ», т. е. о покрытіи льдомъ Байкала, что въ тотъ годъ случилось довольно рано—вскорѣ послѣ рождества.

— А вѣдь вотъ десять лѣтъ прошло, какъ море не покрывалось такъ рано, начинаетъ Семенъ Иванычъ, обращаясь къ гостю;—съ тѣхъ поръ какъ «земля ходила». Ты помнишь Петровичъ?

— Какъ не помнить страсти такія! Я бѣда какъ испужался, даже и теперь вспомнить ужастно.

— Я въ тѣ поры въ самой Кударѣ былъ, продолжалъ Семенъ Иванычъ. — Сидимъ мы, пьемъ чай, да тары-бары

разводимъ, такъ же какъ теперь. Вдругъ какъ зашумитъ, загудитъ гдѣ-то будто съ-издаля, да такъ страшно, такъ страшно! я бросилъ чашку, да маршъ-маршъ бѣгомъ на дворъ; только что подбѣжалъ къ сѣнной двери, — какъ ее расхлобыснетъ, да меня прямо по лбу,—я тутъ и присѣлъ; гляжу: изба трещитъ, ломится, того и гляди,—рушится, да задавитъ; я ползкомъ, да на улицу. А церковь-матушка такъ ходенемъ и ходитъ. Смотрю, что дальше будетъ: вдругъ колокольни какъ не бывало, — такъ и рухнула. Подождалъ немного — стихло; я въ избу: мужики и бабы на колѣнкахъ передъ образами,—лица нѣтъ на нихъ: чашки со стола съѣхали, лампадка разбитая подъ лавкой лежитъ, шапка моя тутъ-же вся въ деревянномъ маслѣ опачканная; схватилъ я ее, да поскорѣе тягу изъ избы. Такъ не повѣришь, братецъ ты мой, подхожу къ коню,—конь весь, какъ осиновый листъ, трясется. Настегалъ я его, да скорѣе домой. Ну, здѣсь, говорятъ, ничего, легче было,—однако тоже напужались. Да вотъ этотъ, Иванъ-то, въ то время ужь ладненькой былъ,—хорошо помнитъ. Да, братъ, не дай Богъ, избави Богъ! Ну, а кто у насъ нынче «за море въ городъ» (Иркутскъ) пойдетъ? вдругъ перемѣнилъ разговоръ Семенъ Иванычъ:—развѣ опять Ивана отправимъ?...

Семенъ Иванычъ лукаво улыбается и многозначительно поглядываетъ на Ивана. Послѣдній молчитъ, и упорно смотритъ въ налитую передъ нимъ чашку чая.

— Не поѣду я! угрюмо отзывается онъ.

— И радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ! Представь себѣ, братецъ ты мой, обращается Семенъ Иванычъ опять къ гостю,—какую онъ со мною рацею отмочилъ. Отправляю я его въ третьемъ годѣ на двухъ коняхъ съ рыбой въ «городъ». Ладно. Проходитъ недѣля, другая, — ждать-пождать, нѣтъ Ивана, да и только. Вотъ я къ тому, другому: кто ѣздилъ, спрашиваю—не видали-ли? Нѣтъ, говорятъ. Жду еще недѣлю-другую, даже свѣчу престольному образу поставилъ,

думаю, хоть-бы самъ-то живой вернулся: Богъ съ ними, и съ конями, и съ рыбой, Такъ, шутка-ли? его оттуда, изъ Иркутска-то, черезъ полтора мѣсяца этапнымъ хожденіемъ за пьянство турнули. Пришелъ нагъ-нагой. Ну, да слава Богу, хоть живой пришелъ. Такъ поѣдешь нынче, Иванъ, что-ли? я ужь на трехъ коняхъ отправлю; рыбы всякой наложу: и омулей, и сорожины, и подледной, и озерной, и рѣчной? эхидничаетъ Семенъ Иванычъ.

Иванъ сидитъ какъ на иголкахъ.

— Да полноте вамъ, тятенька, Бога вы не боитесь! вдругъ неожиданно высовывается изъ кути Аксинья;—какъ это вамъ не грѣхъ день-деньской ѣсть мужика: вѣдь это чисто наказанье Божіе!

— Что, сударыня, что суешься? злобствуетъ Семенъ Иванычъ;—знай свой шестокъ да горшокъ. Молода да прытка больно учить насъ: мужа-то вотъ поучи; вишь. отецъ не съумѣлъ научить, Эхъ вы, мокрохвостыя!

Аксинья заплакала. Иванъ первый вышелъ изъ за стола. за нимъ гость, потомъ Андрей. Остался одинъ Семенъ Иванычъ.

— Чтожь ты посуду-то не убираешь? все прислугу любите, привыкли барствовать-то у своего тятеньки съ маменькой. Эй, Феклушка, помоги ей одну тарелку-то снять, вишь у ней руки болятъ! кричалъ расходившійся Семенъ Иванычъ.

— Я думала. тятенька, что вы еще чай пьете! робко отозвалась Аксинья, утирая заплаканные глаза.

— Думала, думала!.. думаютъ индѣйскіе пѣтухи! Убирай! закричалъ онъ. Феклушка пугливо выглядывала изъ кути, не смѣя выйти. Аксинья начала собирать.

— Постой! снова закричалъ онъ:—розвѣ не видишь, что я еще не напился? ослѣпла, что-ли?

— Да ты чего, въ самомъ дѣлѣ, тятька? то убирай, то постой! вступился Андрей;—эдакъ хоть кого съ толку собьешь!

Семенъ Иванычъ замолчалъ. Гость, видя, что начинается домашняя буря, потихоньку вышелъ на дворъ запрягать лошадь для отправки домой. Аксинья живо собрала со стола и ушла въ куть. Наступило молчаніе, прерываемое только крикомъ маленькаго ребенка, съ которымъ няньчилась бабушка-Тимофѣевна. Черезъ четверть часа гость вернулся въ избу, одѣлся и началъ прощаться.

— Эхъ, чуть было не забылъ! воскликнулъ онъ. Эй, тетка Аксинья! тебѣ твой батька съ мамкой заказывали безпремѣнно побывать у нихъ о святкахъ, да и ребятенокъ привезти.

— Не смѣть ѣздить! снова загремѣлъ Семенъ Иванычъ;— что за ѣзда, только коней мучить! Давно-ли была—о филиповкахъ; однѣ лишь хвосты переносить!

— Да я за ней, пожалуй, на своемъ конѣ пріѣду! вызвался некстати гость.

— Что, что, какъ?!. на своемъ конѣ?!. да развѣ у меня коней не стало? зарычалъ на него Семенъ Иванычъ;—да развѣ мы нищіе, побирохи какіе, что станемъ разъѣзжать на чужихъ коняхъ? да ты съ чего это взялъ? Эй, Аксинья! сегодня же, какъ уберешьея совсѣмъ поѣзжай на цѣлый день, и парнишку съ собой возми; а ты, Иванъ, бурку ей въ «пошевни» (сани) запреги,—тотъ посмирнѣе карьки. На своемъ конѣ пріѣду!.. Вотъ удружилъ-то! спасибо, братъ, Петровичъ, одолжилъ, братъ,—покорнѣйше благодарю!

Семенъ Иванычъ съ комическою важностію раскланивался передъ растерявшимся Петровичемъ. Послѣдній положительно не зналъ, что ему дѣлать, такъ какъ вполнѣ былъ увѣренъ, что кровно обидѣлъ самолюбиваго Семена Иваныча своимъ необдуманнымъ предложеніемъ. Переминаясь съ ноги на ногу, онъ то бралъ съ полатей свою плисовую шапку съ овчиннымъ околышемъ, то опять клалъ ее обратно, не зная, чѣмъ отвѣчать ему на язвительные поклоны и изъявленія благодарности за предложеніе лошади.

— Помилуй, Семенъ Иванычъ! молвилъ наконецъ онъ;— я вѣдь такъ, спроста, сдуру языкъ сболтнулъ; ей-богу, не думалъ обидѣть тебя. Знамо дѣло, что у тебя коней не занимать стать: и подъ извозъ есть, и подъ сохой ходятъ, и на случай домашности всегда найдется! польстилъ гость, и попалъ прямо на любимаго конька Семена Иваныча, расположеніе духа котораго тотчасъ же измѣнилось изъ свирѣпаго на благодушное. Аксинья не преминула воспользоваться этою перемѣною, мигнула Ивану, чтобы шелъ запрягать Бурку, живо подмела полъ въ избѣ, перемыла посуду, поставила въ печь горшки со щами и кашей, латку съ омулями, большую полуведерную «чугунку» съ кипяткомъ «для чаю»—и начала укутывать потеплѣе своего сына, который долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ нею въ гости къ дѣдушкѣ и бабушкѣ.

— То-то и есть! заговорилъ мягкимъ голосомъ Семенъ Иванычъ, попавъ на свою любимую тему;—самъ же договорился. Слава Богу, нужды не имѣемъ, по людямъ занимать не ходимъ, случается подъ часъ и другихъ снабжаемъ.—Да ты чего спозаранку собрался домой-то: не молотить вѣдь! распоясывайся! вотъ Аксинья для праздника что нибудь намъ перекусить дастъ. На твоемъ сивкѣ до дому-то въ часъ доѣдешъ. Добрый конь! говорилъ Семенъ Иванычъ, посматривая во вмазанное въ волоковое окно стеклышко на лошадь Петровича;—кабы деньги въ палишкѣ были, сейчасъ бы шестьдесятъ рублевъ далъ. А!.. да вонъ и Иванъ бурку запрягаетъ. Аксинья потарапливайся! дай-ка намъ съ гостемъ перекусить чего-нибудь.

Аксинья не заставила себя долго дожидаться; въ полминуты она слетала во горницу, вернулась оттуда съ синимъ графиномъ и рюмкою въ рукахъ, также быстро спустилась въ подполье, достала соленаго омуля, шинкованной капусты съ брусникой и соленыхъ огурцовъ, омулевой икры, нарѣзала холоднаго картофеля и хлѣба, и все это поставила на столъ передъ Семеномъ Иванычемъ и помѣстившемся подлѣ него

гостемъ. Процедура одѣванья для поѣздки домой продолжалась у ней также не долго: надѣвъ сверхъ обыкновеннаго домашняго сарафана ситцевое платье, и крытую трикомъ овчинную шубу съ бѣличьимъ воротникомъ, обвязавъ большою гарусною шалью голову и шею, и накинувъ сверхъ всего этого козлинную «доху», *)—Аксинья была готова. Укутанный въ нѣсколько шубокъ ребенокъ выглядывалъ у ней изъ подъ дохи, когда она вышла изъ кути.

— Прощайте, тятенька! проговорила она низко кланяясь векру, и протягивая изъ подъ дохи внучка.

— А ты куда, пострѣленокъ? ахъ ты, пузырь эдакой! туда же по гостямъ ѣздить. Ну, цѣлуй!

Семенъ Иванычь подставилъ волосатую щеку. Ребенокъ обѣими рученками крѣпко ухватилъ его за бороду.

— Ай, да внучекъ! хохоталъ Семенъ Иванычъ, освобождая бороду изъ рукъ ребенка.—Ай, да внучекъ! хорошъ, нечего сказать! двухъ лѣтъ нѣтъ, а ужь дѣдушкѣ потасовки задаетъ. Молодецъ братъ! ха, ха, ха! Ну, поѣзжайте съ Богомъ!

Аксинья еще разъ поклонилась свекру, перекрестилась на иконы въ передній уголъ, вышла, въ сопровожденіи Ивана, на дворъ, напонужала бурку и выѣхала.

Оставимъ Семена Иваныча съ гостемъ бесѣдовать объ его домашней и бывшей служебной обстановкѣ, о томъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается, и вслѣдствіе этого ни отъ кого не зависитъ,—и послѣдуемъ за Аксиньею. Аксинья не ѣхала, а неслась всей буркиной рысью до половины дороги, ежеминутно оглядываясь изъ опасенія, чтобы не раздумалъ свекоръ, не послалъ бы въ погоню воротить ее. Но свекоръ благодушествовалъ съ Петровичемъ, и кажется забылъ объ Аксиньѣ. Съ полудороги она придержала лошадь и крѣпко задумалась.

---

*) Доха дѣлается изъ козьихъ шкуръ, только гораздо просторнѣе обыкновеннаго тулупа, и носятся поверхъ прочей одежды, шерстью наружу.

Ребенокъ, тепло укутанный, спалъ. Вотъ уже почти три года она замужемъ, у ней двое дѣтей,—а что она видѣла въ эти три года?—холодное равнодушіе безхарактернаго мужа, изрѣдка прерываемое наносимыми ей побоями, вмѣсто горячей любви, на которую она такъ расчитывала, бывши невѣстою; суровый деспотизмъ свекра, слезы и вздохи свекрови, угрюмое молчаніе деверя—Андрея, шалости Феклушки. Но въ послѣднее время не столько ее пугалъ деспотизмъ Семена Иваныча, съ которымъ она болѣе или менѣе свыклась, сколько боялась она какого-то зловѣщаго огонька, который блисталъ у него въ глазахъ при долгомъ, пронзительномъ взглядѣ на нее. Огонекъ этотъ преслѣдовалъ ее и за пологомъ въ кутѣ, и въ темномъ погребѣ, куда она часто ходила за провизіей, и во время сна. Объяснить значеніе этого огонька она не умѣла, или скорѣе не хотѣла, но вполнѣ сознавала, что въ этомъ взглядѣ съ искрой таится что-то недоброе, хотя Семенъ Иванычъ и ничего не говоритъ; что ему нѣтъ еще и пятидесяти лѣтъ, что прошлый разъ, во время запоя Ивана, онъ какъ-то особенно горячо сочувствовалъ ея горю, что свекровка не имѣетъ никакого значенія въ домѣ,—и многое, тому подобное, пришло ей на мысль. Впрочемъ, о своихъ соображеніяхъ, до поры до времени, она рѣшалась не говорить никому, даже матери, и твердо рѣшила, въ случаѣ усиленнаго преслѣдованія со стороны свекра,—бросить мочалку-мужа и опротивѣвшую ей семью Семена Иваныча, и перебраться къ своимъ домашнимъ.

Съ этими мыслями въѣхала она въ родное село. При взглядѣ на знакомыя мѣста, гдѣ безмятежно протекло ея дѣтство, при воспоминаніи, какъ она была счастлива до замужества. — Накипѣвшія слезы подступили къ ея глазамъ, и она съ трудомъ сдерживалась, чтобы не заплакать, съ принужденной улыбкой отвѣчая на поклоны встрѣчныхъ знакомыхъ. Вотъ и родимый домъ, такой же архитектуры, какъ и у Семена Ивановича, только гораздо обширнѣе, съ нарѣзными

воротами, съ тесовымъ заборомъ. Отецъ Аксиньи считался однимъ изъ зажиточныхъ крестьянъ по всей волости, такъ какъ занимался подрядами по перевозкѣ разныхъ купеческихъ тяжестей, и кромѣ того отбывалъ по найму отъ правительства на нѣсколькихъ станціяхъ почтовую и обывательскую гоньбу. Крѣпко не нравилось ему желаніе дочери — выйти замужъ за Ивана, но перечить ей онъ не сталъ, и впослѣдствіи на жалобы ея не обращалъ вниманія, или по крайней мѣрѣ показывалъ видъ, что не обращаетъ, отзываясь обыкновенно тѣмъ, что «свою охоту тѣшила, никто не неволилъ», однако съ Семеномъ Иванычемъ изъ-за дочери все-таки поссорился и прекратилъ всякія сношенія какъ съ нимъ, такъ и съ семействомъ его, хотя въ первые два года замужества Аксиньи родственныя отношенія, хотя и натянутыя,—но продолжались.

Подъѣхавъ къ родительскому дому, Аксинья вышла изъ пошевней, и постучала тяжелымъ желѣзнымъ кольцомъ въ запертую изнутри калитку. Въ отвѣтъ на стукъ первая изъ подворотни вылѣзла Жучка, заворчала, но узнавъ старую хозяйку, начала ласкаться; потомъ отворилъ калитку старикъ-работникъ и разинулъ ротъ отъ удивленія при видѣ рѣдкой гостьи.

— Аксинья Павловна!.. въ кой-то вѣки! проговорилъ онъ.

— Дома наши? спросила она.

— Павелъ Павловичъ на заднемъ дворѣ, а матушка, кажись, въ избѣ. Пожалуйте, проходите! съ лошадкой-то вашей я управлюсь.

Аксинья съ ребенкомъ вошла во дворъ, а затѣмъ направилась въ избу. Во дворѣ, на первомъ планѣ, бросалось въ глаза громадное «зимовье», съ волоковыми, маленькими окошками, обвѣшанными ледяными сосульками, — построенное для помѣщенія въ одной половинѣ — ямщиковъ и работниковъ. а въ другой—для телятъ, ягнятъ и «яманятъ» (козлятъ). Шумъ отъ крика, мычанья и блеянья послѣднихъ былъ чразвычайный, и для непревычнаго уха довольно трудно было явственно

различить человѣческій голосъ, но для постоянныхъ обитателей зимовья музыка эта обратилась въ привычку, и они, убаюкиваемые ею, спали самымъ крѣпкимъ сномъ. По окраинамъ двора, по направленію къ повѣти и сѣновалу, тянулись длинные глухіе навѣсы, подъ которыми помѣщались лѣтніе почтовые экипажи, тарантасы, кибитки, четырехъ-и-двухъколесныя телѣги, сани, дровни и прочія хозяйственныя принадлежности. Сбруя въ порядкѣ была развѣшана въ зимовьѣ и въ обширныхъ сѣняхъ, отдѣлявшихъ избу отъ горницы. Рыбопромышленностью Павелъ Павлычъ не занимался, находя, что по занятію его извозомъ и почтовою гоньбою, — бульканться въ водѣ за невѣрною добычею — дѣло рискованное, но за то хлѣбопашество и сѣнокосъ стояли у него на первомъ планѣ. Бывшая голодовка имѣла и на него сильное вліяніе: хлѣбъ не родился, или погибъ въ водѣ, покосы затопило, дороговизна на жизненные припасы страшная. — а контрактныя цѣны за почтовую гоньбу выпрошены были невысокія. Съ трудомъ, но все-таки догонялъ онъ контрактный срокъ, а на будущій годъ цѣны за отбываніе гоньбы поднялись почти что вдвое, и урожай какъ хлѣба, такъ и травъ, превзошелъ всѣ ожиданія. Самъ Павелъ Павлычъ рѣдко сидѣлъ дома: то въ Кяхтѣ — за подрядомъ доставки купеческихъ тяжестей, то въ Верхнеудинскѣ — въ казначействѣ, за получкою денегъ за отбываніе почтовой и обывательской гоньбы, то въ Посольскѣ или Иркутскѣ—для сдачи и пріема товаровъ. Гладко выбритый, волоса обстрижены въ скобку, въ правомъ ухѣ крошечная золотая сережка, благообразно улыбающаяся физіономія съ маслянными глазами, суконная поддевка, шелковый жилетъ, застегнутый подъ самымъ подбородкомъ, выростковые сапоги съ высокими каблуками и непремѣнно съ подковками, чтобы не стаптывались: — все это придавало ему видъ скорѣе мелкаго купца, чѣмъ крестьянина. Впрочемъ, дома онъ ходилъ запросто въ крестьянской шинели, въ кунгурскихъ сапогахъ и въ обыкновенной триковой парѣ.

Одѣвался же въ вышесказанный костюмъ только въ городахъ, или при поѣздкѣ въ волостное правленіе и къ участковому засѣдателю, или въ ожиданіи какихъ-нибудь особенныхъ посѣтителей, и наконецъ въ церковь, гдѣ онъ другое трехлѣтіе дослуживалъ церковнымъ старостою. Памятью онъ обладалъ удивительною. Неграмотный, безъ всякихъ записей и листиковъ, онъ разсчитывалъ ямщиковъ, вощиковъ и работниковъ, и не бывало случая, чтобы онъ забылъ хотя одну полученную или данную имъ копѣйку, «Видно сорочьи яйца ѣлъ!» говорили про него мужики. «Таразанъ», отзывались про него другіе подрядчики. — Что значитъ «таразанъ», я не могъ добиться ни отъ кого толковаго объясненія этого слова. «Таразанъ, такъ таразанъ и есть, чего же тутъ объяснять! отвѣчали обыкновенно на мои вопросы. «Голова-мужикъ! жаль, что не грамотный, а то давно волостнымъ бы былъ!» говорило земское начальство, постоянно останавливавшееся у него на квартирѣ, минуя обывательскую. И дѣйствительно Павелъ Павлычъ былъ на всѣ руки: случится-ли постройка новаго моста или поправка стараго, перестройка или ремонтировка почтовой станціи, доставка провіанта, — онъ вездѣ первый, и не ломитъ, подобно другимъ, баснословно высокой цѣны, и подрядъ остается за нимъ, — на зло прочимъ.

Аксинья вошла въ избу. Никого нѣтъ, кромѣ кошки съ котятами, игравшими на солнышкѣ. Заглянула за досчатую перегородку въ кутъ — и тамъ пусто, только изъ громадной русской печи слышится шипѣніе и запахъ какого-то жаркого. Положивъ спящаго ребенка на кровать, и укутавъ его покрѣпче въ одѣяло, чтобы не упалъ, если въ случаѣ проснется, — она черезъ обширныя сѣни отправилась въ горницу, имѣвшую два входа. Въ дверяхъ встрѣтила ее мать.

— Мама! воскликнула Аксинья,

— Дитятко! былъ отвѣтъ.—Оксинька!

Послѣдовала нѣмая картина. Обѣ женщины, не говоря ни слова, глядѣли другъ на друга. Крупныя слезы текли по ще-

камъ ихъ. Такъ продолжалось съ минуту. Наконецъ, первая опомнилась мать Аксиньи.

— Что-же я стою-то? ахъ, я, старая дура! Проходи, раздѣвайся! Озябла? одна? Палашка, самоваръ скорѣй! Ахъ, ты, сокровище мое! Проходи-же!

— Нѣтъ, мама, пойдемъ въ избу, тамъ у меня Ванчурка спитъ. Не упалъ-бы!

— Ахъ, онъ, голубчикъ мой, и онъ съ тобой! Палашка, да гдѣ-же ты съ самоваромъ-то? станови скорѣе.

— Сейчасъ! послышалось глухое рычаніе изъ сосѣдней комнаты.

Вошли въ избу. Бабушка тотчасъ же кинулась къ кровати, на которой спалъ Ванчурка, и не утерпѣла, чтобы два раза крѣпко не поцѣловать его. Ребенокъ проснулся и поднялъ плачъ. Мать начала освобождать его изъ подъ одѣяла и шубокъ, и раздѣвши, спустила на полъ, но бабушка тотчасъ же схватила его на руки.

— Дитятко ты мое! золото ты мое! кушать, поди, хочешь? сейчасъ, сейчасъ, голубушка ты мой! вотъ Палашка самоваръ принесетъ! Палашка, да гдѣ же ты?

Ввалилась съ самоваромъ Палашка, чрезвычайно тучная женщина, съ хриплымъ голосомъ, лѣтъ 35, поставила самоваръ на столъ, и начала собирать чашки и прочую посуду для чая. Вошелъ и Павелъ Павлычъ.

— Здорово, дочка! каково поживаешь?

Вмѣсто отвѣта раздались громкія всхлипыванья.

— Сама виновата никто не нудилъ. Свою охоту тѣшила! послѣдовалъ вмѣсто утѣшенія обычный отвѣтъ.—Здравствуй, внукъ! Ну-ка, ползи сюда, поздороваемся! Пусти его, старуха!

Но внукъ подползъ къ лавкѣ, ухватился за нее рученками, и къ удивленію дѣда и къ восторгу бабушки, поднялся на ноги, и пробираясь около лавки, доплелся до стола, за которымъ помѣщался Павелъ Павлычъ.

— О-го-го-го! у насъ, братъ, ноги есть! Вотъ какъ, поз-

дравляю! Ну-ка, иди, иди сюда! отодвигался Павелъ Павлычъ въ самый уголъ;—гостинцы дамъ. Зубы-то крѣпки? кажи-ка сюда! Неси, старуха, тамъ въ коробкѣ миндальное, изъ города прошлый разъ привезъ. Надо поподчивать гостя, благо ноги появились. А ну-ка, поцѣлуй! еще разъ! вотъ такъ умница!

Аксинья между тѣмъ все-таки продолжала всхлипывать. Возвратившаяся изъ горницы старуха-мать, взглянувъ на Аксинью, также начала вторить ей. Павелъ Павлычъ махнулъ рукой.

— Ну, началась музыка! А кто виноватъ? никто не неволилъ, своей охотой шла; теперь и разжевывай, какъ знаешь. Говорилъ тогда: брось, дочька, не ходи, не пара онъ тебѣ, на деньгахъ сватъ его женитъ, а не на тебѣ,— такъ куда ты! и слышать не хотѣла. «Пойду, да пойду!» ну, вотъ и расхлебывай теперь!

Павелъ Павлычъ задумался; истерическія всхлипыванья все еще продолжались; ребенокъ также заплакалъ; мать взяла его на руки.

— Вотъ мое послѣднее слово, продолжалъ онъ;—завтра у насъ новый годъ. Хоть и тяжело мнѣ, и не пристало бы, но еще разъ побываю я у свата, пусть смѣется хоть все селеніе. Если ужь и послѣ этого толку не выйдетъ, тогда твори Богъ волю свою, бери, дочь, ребятъ и переѣзжай къ намъ. Кстати же на дняхъ будетъ здѣсь исправникъ, такъ я перетолкую съ нимъ. Ну, полноте голосить-то! Эй, Пелагея! убери это китайское полосканье, да собирай обѣдать.

Послѣ обѣда начали собираться родня и сосѣди, услыхавшіе о пріѣздѣ Аксиньи. Скоро въ горницѣ образовался совѣтъ нечестивыхъ изъ женскаго пола. Каждая посѣтительница считала долгомъ сначала высказать свое соболѣзнованіе и участіе къ горькой долѣ Аксиньи, потомъ дать благой совѣтъ, какъ бы она поступила на ея мѣстѣ, хотя самой совѣтчицѣ иногда приходилось въ десять разъ солонѣе Аксиньи,

и она никакъ не поступала по той простой причинѣ, что у нея не было богатой и съ вѣсомъ родни, которая могла бы заступиться за нее въ ея семейной и домашней обстановкѣ. Общій результатъ всѣхъ совѣщаній привелъ къ тому заключенію, что «съ такимъ извергомъ-самодуромъ свекромъ и съ фефелой-пьяницей мужемъ жить нельзя—необходимо разойтись—вотъ вопросъ. Разводъ между крестьянами—дѣло неслыханное въ Прибайкальи. Уйти такъ—оставивъ ребятишекъ на попеченіи хворой Тимофѣевны—Аксинья ни за что бы не рѣшилась. Положено было дождаться сѣнокоса, когда оба брата, Иванъ и Андрей, будутъ на Байкалѣ—на каргинскихъ омулевыхъ промыслахъ, а Семенъ Иванычъ не утерпитъ, и уѣдитъ на покосъ посмотрѣть за уборкою сѣна. На этомъ пока и порѣшили, условившись молчать до поры до времени.

Ужь смерклось, когда Аксинья распрощалась съ роднею и въ сопровожденіи старика-работника, ѣхавшаго на особой лошади, отправилась домой. Сильно ныло ея сердце, когда она подъѣзжала къ деревнѣ. Тайное предчувствіе говорило ей, что безъ сценъ не обойдется. У поскотинныхъ воротъ она встрѣтила Ивана. Отпустивъ роботника при въѣздѣ въ селеніе, она шагомъ доѣхала до дому, привязала бурку во дворѣ и вошла въ избу. Семенъ Иванычъ злобно улыбался. Иванъ остался на дворѣ выпрягать лошадь. Андрей копошился въ углу съ сѣтью.

— Здравствуйте, Аксинья Павловна! началъ Семенъ Иванычъ.—Что же вы не здороваетесь! загулялись—долгонько! Съ провожатыми, съ кавалерами ѣздить изволите. Доброе дѣло! А тутъ вашъ ребеночекъ весь день благимъ матомъ кричитъ, а маменька его, значитъ, съ кавалерами прокла-жается. Хорошо, очень хорошо! Продолжайте почаще.

Если бы громы небесные обрушились въ это время на Аксинью, то, кажется, они не такъ бы поразили ее, какъ послѣднія слова свекра. Она стояла, какъ вкопанная, какъ будто приросла къ мѣсту. Много перенесла она незаслуженныхъ упре-

ковъ и оскорбленій отъ свекра, но чтобы на нее могло пасть подозрѣніе въ измѣнѣ супружескому долгу, подобной мысли ей даже и въ голову никогда не приходило. И вдругъ ее упрекаютъ, и такъ нахально, и въ чемъ-же?.. Она ожидала выговора за то, что запоздалась, а тутъ?!.. Подступившіе слезы не давали ей выговорить ни одного слова. Семенъ Иванычъ продолжалъ злобствовать.

— Что же вы не раздѣваетесь? кавалеровъ здѣсь нѣтъ— раздѣть не кому, прислуги тоже не имѣется. Впрочемъ, ей, Феклушка! помоги барынѣ шубу снять.

Съ трудомъ Аксинья дошла до кути, сняла шубу, передала Ванчурку Тимофѣевнѣ и разразилась громкими рыданіями.

— Молчать! раздался изъ избы грозный голосъ Семена Иваныча.—Это еще что за штуки? сама кругомъ виновата, да еще въ слезы. Дудки, сударыня! стараго воробья на мякинѣ не проводешь. Знаемъ мы вашето брата—мокрохвостыхъ.

— Вы бы, тятенька ужь лучше совсѣмъ не пущали, чѣмъ обижать эдакъ! наконецъ выговорили она; — проводить меня нарочно послали работника, потому—звѣристо, волковъ много, а вы выдумали Богъ знаетъ что!..

Въ это время вошелъ со двора въ избу Иванъ.

— Ага! слезы прошли, такъ зубы явились. Вишь, свекоръ хуже ее знаетъ, что говоритъ. «Работника!» А отчего жь ты не позвала его въ избу чаю напиться? Человѣкъ пятнадцать верстъ проѣхалъ, перемерзъ, а она и спасибо не сказала. Хорошъ работникъ—нечего сказать! Хороша невѣстушка! Да похвали жену-то Иванъ, чего столбомъ стоишь?

— Полно, тятька, грѣшить! проговорилъ Иванъ;—ее евтюгинскій Кирилычъ провожалъ, я самъ видѣлъ. Ему въ будущую субботу, почитай, сто лѣтъ будетъ! не впонадъ съострилъ онъ.

— А ты, что? остѣклелъ, что-ли? отчего не звалъ въ избу погрѣться, чай пить! али языкъ отсохъ? Съ отцемъ зубатить,—

*

такъ первые съ женушкой-то! Ну, гдѣ она пропадала цѣлый день? шутка-ли съ самаго утра!

— Извѣстно гдѣ, — у своихъ, гдѣ же больше! огрызался Иванъ, у котораго откуда-то взялась небывалая храбрость въ разговорѣ съ отцемъ.

— Эге, голубчикъ, да и у тебя зубки появились! Смотри, братъ, не опереди Николу! у меня веревки-то еще не всѣ перевелись, какъ разъ попробую.

Однако послѣдствій никакихъ не было, и разговоръ замолкъ. Аксинья поставила ужинъ, но къ нему, кромѣ Андрея, совершенно безучастно относившагося ко всему происходившему вокругъ, почти никто ни прикасался. Послѣ ужина помолились Богу, и разошлись по своимъ постелямъ. Вскорѣ въ избѣ все успокоилось, не спалось только одной Аксиньѣ. Въ воображеніи ея промелькнула вся злоба минувшаго дня, и горячія слезы, прерываемыя истерически-судорожными рыданіями, опять полились изъ ея глазъ, не смотря на всѣ усилія какъ-нибудь заглушить ихъ. Иванъ толкнулъ ее локтемъ въ бокъ.

— Дрыхни, проклятая! прошепталъ онъ; — чего рюмишь-то? услышитъ отецъ, опять содомъ подыметъ. Чистое наказанье, да еще на новый годъ. Цѣлый годъ, что-ли, вяньгать будешь? Замолчи!

Послѣдовалъ вторичный тычекъ въ бокъ. Аксинья уткнула голову въ подушку, понемногу затихла и задремала. Но сонъ ея то и дѣло былъ прерываемъ страшными грезами: она вздрагивала, просыпалась, торопливо крестилась,—но тяжелая дремота брала свое, и она снова засыпала. И вотъ снится ей, что ѣдетъ она со старикомъ Кирилычемъ по обширной полянѣ, занесенной сугробами снѣга. Кирилычъ сидитъ на передкѣ пошевней, она сзади. Онъ ежеминутно оглядывается на нее, огоньки такъ и блестятъ у него въ глазахъ. Она начинаетъ пристальнѣе всматриваться въ Кирилыча, и оказывается, что это не Кирилычъ, а онъ самъ, свекоръ, Семенъ Иванычъ, только въ дохѣ Кирилыча. Ужасъ напалъ на нее:

одна, въ полѣ, со страшнымъ свекромъ. Вотъ онъ остановилъ лошадь, вылѣзъ изъ пошевней, подходитъ къ ней.

— Замерзла ты? спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, тятенька, я ничего... хотя сама дрожитъ не отъ холода, но отъ страха.

— Какой я тебѣ тятенька? отецъ у тебя живетъ тамъ-то, а я что тебѣ за отецъ? я... я...

Онъ наклоняется къ ея уху, и начинаетъ нашептывать самыя страстныя рѣчи. Аксинья съ ужасомъ отодвигается отъ него, но онъ пользуется свободнымъ мѣстомъ, садится рядомъ и обнимаетъ ее. Начинается мятель.

Аксинья просыпается. Холодный потъ каплями выступилъ на ея лбу. «Господи помилуй:» крестится она, все еще не придя окончательно въ себя послѣ страшнаго сновидѣнія.

Пропѣли третьи пѣтухи. Аксинья встала и затопила печь. Вскорѣ въ избѣ все закопошилось: заохала Тимофѣевна, заплакали ребятишки, раздалось фырканье, плесканье и брызганье умывавшагося Семена Иваныча, кашель Андрея. Всѣ проснулись, не смотря на праздникъ, рано, въ обычное время, какъ будто бы молотить сбирались. На шесткѣ появился бастіонъ печенаго картофеля, въ челѣ печи громадный чугунъ съ кипяткомъ для заварки чая, въ самой печи неизбѣжная омулевая солянка.

Наступилъ новый годъ.

III.

Послѣ обѣдни завернулъ сельскій старшина, приходившійся Семену Иванычу кумомъ. Покалякали о мореставѣ, о нарядѣ людей для постановки вѣхъ и расчистки торосовъ на Байкалѣ, о томъ, что у Евстигнея волки зарѣзали жеребенка, выпили по случаю праздника, закусили. По уходѣ старшины, Семенъ Иванычъ собрался было на «боковую», какъ со двора послышался скрипъ растворявшихся воротъ. «Кто-бы такой могъ быть?» подумалъ Семенъ Иванычъ, подошелъ къ волоковому окну, протеръ вставленное въ него стеклышко, взглянулъ во дворъ и отступилъ въ изумленіи. «Сватъ Павелъ Павлычъ! это еще что за новость?» Пытливо посмотрѣлъ онъ въ кутъ на Аксинью, но послѣдняя съ самымъ невиннымъ видомъ становила въ печь горшокъ съ какимъ-то кушаньемъ, хотя и сильно забилось у ней сердце отъ волненія, когда она услыхала скрипъ воротъ. Однако Семенъ Иванычъ быстро оправился, надѣлъ плисовую куртку, разгладилъ бороду и волосы на головѣ, и усѣлся на лавкѣ въ ожиданіи свата, не показывая впрочемъ виду, что замѣтилъ его прибытіе. Въ головѣ у него мелькнула мысль, что недурно было бы помириться со сватомъ, такъ какъ послѣдній — человѣкъ всегда нужный, какъ по своимъ обширнымъ связямъ и вліянію на мѣстныхъ жителей, такъ и по довольно значительному состоянію. Да кромѣ того и ссора-то вышла изъ-за самыхъ пустяковъ—изъ-за бабы, а изъ-за бабы стоитъ-ли ссориться? «Помирюсь!» окончательно рѣшилъ Семенъ Иванычъ.

Вошелъ Павелъ Павлычъ въ мерлушчатой, крытой сѣрымъ нѣмецкимъ сукномъ, поддевкѣ, опушенной бобромъ, помолился въ передній уголъ и раскланялся съ хозяиномъ, который при входѣ его поднялся съ мѣста.

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! проговорилъ Павелъ Павлычъ, не глядя прямо на хозяина.

— Почтенному свату, небывалому гостю! въ кой-то вѣки! лебезилъ Семенъ Иванычъ; — сколько лѣтъ, сколько зимъ! Что-же вы это въ избу? проходите въ горницу. Аксиньюшка, отвори горницу.

— Ничего, ничего, здѣсь теплѣе! Здравствуй, Аксинья! Что ты, здорова ли?

— Слава Богу, тятенька! отвѣчала она, цѣлуясь съ нимъ;— ночь худо спала.

— Ну, это пройдетъ! А покажи-ка мнѣ внучку, я еще не видалъ ее.

Аксинья вынула изъ зыбки краснаго спеленаннаго ребенка, завернула его въ чистое одѣяльцо и подала отцу, который съ любопытствомъ посмотрѣлъ ему въ лицо, но поцѣловать не рѣшался.

— Вся въ мать: и глаза, и носъ, и подбородокъ,—вылитый портретъ будетъ,

— И такой-то неспокойный младенецъ, оборони Богъ! вдругъ неожиданно высунулась изъ кути Тимофѣевна, повязанная вмѣстѣ съ ушами головнымъ бумажнымъ платкомъ: — день-денской качаешь, качаешь, и соску-то ему, и рожокъ-то, все не унимается, все кричитъ. Брюшко-ли, что ли, у ней болитъ, грыжа-ли, Богъ знаетъ! Я и на воду-то наговаривала, и углемъ очеркивала,—все не унимается!

Семенъ Иванычъ грозно посматривалъ на свою старушенку. Послѣдняя не замѣчала.

— Здравствую, сватьюшка! перебилъ наконецъ Павелъ Павлычъ, замѣтившій непріятное впечатлѣніе, произведенное появленіемъ Тимофѣевны на Семена Иваныча.—Каково пожи-

ваешь? возьми-ка ребеночка-то! продолжалъ онъ, передавая ей внучку.

Тимофѣевна скрылась съ ребенкомъ въ кути. Аксинья хлопотала около самовара. Черномазая Феклушка съ любопытствомъ выглядывала изъ-за печи на рѣдкаго гостя.

— Пойдемъ, сватъ, въ горницу,—тамъ поспокойнѣе; здѣсь кажись угаромъ пахнетъ, нашелся Семенъ Иванычъ, и повелъ гостя черезъ сѣни на другую половину, гдѣ, по его предположенію, должно было послѣдовать примирительное объясненіе.

Горница, предназначенная исключительно для пріема болѣе или менѣе почетныхъ посѣтителей, отдавала какимъ-то особеннымъ не жилымъ запахомъ, и не смотря на яркій свѣтъ, потоками лившійся въ стекольчатыя рамы, на первый разъ производила тяжелое впечатлѣніе. Грубой, деревенской работы некрашенные стулья, и два такіе же дивана замѣняли лавки, большой столъ въ переднемъ углу покрытъ былъ цвѣтною бумажною скатертью. Ничего лишняго: ни лубочной картинки на стѣнахъ, ни зеркала, только передній уголъ весь былъ занятъ потемнѣвшими иконами, съ обожженною восковою свѣчею передъ каждой, и общею лампадою по срединѣ.

Вошла Аксинья съ подносомъ, на которомъ стояли двѣ чашки съ чаемъ, молочникъ со сливками, стеклянная сахарница и разное сдобное печеніе. Началось угощеніе съ церемоніей, какъ того требовалъ мѣстный этикетъ, т. е. Семенъ Иванычъ передъ каждой чашкой вставалъ съ мѣста и кланялся, но не смотря на этикетъ, гость все-таки выпилъ съ пятокъ чашекъ въ прикуску, и никакъ не могъ придумать, съ чего бы начать ему поделикатнѣе разговоръ объ интересовавшемъ обоихъ предметѣ. Наконецъ, разговоръ кое-какъ завязался.

— Вотъ и море стало—раненько нынче. У меня кладь въ Посольскѣ лежитъ, срокъ по мореставу, на дняхъ отправлять въ Иркутскъ придется, да вощиковъ не хватаетъ. Нарочно пріѣхалъ сюда понавѣдаться, нѣтъ-ли кого охотниковъ.

«Врешь ты все, не затѣмъ ты пріѣхалъ!» подумалъ Семенъ Иванычъ, однако мысли своей вслухъ не высказалъ.

— Я тоже думаю Андрея съ рыбенкой «въ городъ» отправить. Есть «селенги» немного, да вѣсовой подледной: сорожина, щучина, язи,—коня на три всей наберется *). Не знаю только, какъ цѣны въ городѣ. Ивана тоже на дняхъ съ «сѣтовой» вверхъ «къ семейскимъ» за хлѣбомъ препроводить надо. Съ молотьбой послѣ праздниковъ какъ-нибудь самъ управлюсь: прихвачу работника—двоихъ, такъ къ усть-стрѣтенью (2 февраля) и покончу.

— Ну, а какъ ныньче Иванъ? полюбопытствовалъ Павелъ Павлычъ.

—Да ничего, слава Богу! случается, «зашибаетъ» иной разъ, да только все дома—безъ убѣговъ.

— И слава Богу! эдакъ-то ничего. Онъ вѣдь, кажись, смирный во хмѣлю,—съ Аксиньей-то ничего?

— Ни... ни... смиренникъ такой, что твой теленокъ. Да развѣ я дозволю? оборони Богъ! пальцемъ при мнѣ не потронетъ, грубаго слова не скажетъ.

Въ дверяхъ показалась Аксинья, держа на тарелкахъ, въ одной рукѣ—«пирогъ» изъ осетрины, въ другой — омулевую икру, поставила ихъ на столъ и скрылась. Осетровые пироги приготовлены были еще къ рождеству, и хранились въ укромномъ мѣстѣ, чтобы не испортились, на случай пріѣзда избранныхъ гостей, изъ числа которыхъ во время праздника былъ только одинъ батюшка-священникъ «со славою». Затѣмъ на столѣ появилось «тельное» изъ рыби, картофель съ горчицей, капуста съ огурцами, ломти ржанаго и пшеничнаго

---

*) „Селенги“ — селенговый рѣчной омуль. „Подледною“ называется рыба, промышляемая въ Байкалѣ и озерахъ, по покрытіи ихъ льдомъ „Вѣсовою“—потому что продается на вѣсъ, тогда какъ омули продаются бочками, боченками и лагунами—оптомъ, а въ розницу—счетомъ. „Сѣтовые“ омули ловятся лѣтомъ сѣтями въ Байкалѣ, и отличаются отъ каргинскихъ своею значительною величиною.

хлѣба. Отыскавъ въ связкѣ ключей, висѣвшихъ на поясѣ «запона» (передника) одинъ, Аксинья отворила стоявшій за перегородкой шкапъ, достала синенькій графинъ, бутылку наливки, двѣ рюмки, на отдѣльномъ подносѣ подала ихъ на столъ, и молча вышла изъ горницы.

— Эхъ, право, напрасно! ты знаешь, сватъ, что я «не употребляю».

— Забылъ, сватъ, право, забылъ, что ты окромя «винограднаго» ничего не дерзаешь. Ну, да ничего, поищемъ и винограднаго — можетъ найдется! самодовольно улыбаясь, и отвязывая отъ пояса громадный ключъ, проговорилъ Семенъ Иванычъ, тяжело поднялся со стула и ушелъ за перегородку. Послышался звонъ отворяемаго замка, тяжелое скрипѣнье крыши отъ обитаго желѣзомъ сундука—и черезъ минуту на столѣ появилась новая бутылка съ надписью по русски и по французски «теперифъ».

Выпивъ съ хозяиномъ рюмки двѣ и закусивъ понемногу изо всѣхъ тарелокъ, стоявшихъ на столѣ, Павелъ Павлычъ рѣшился приступить прямо къ разговору о цѣли своего пріѣзда,

— Вчерась Аксинья гостила у насъ. Что это она такая блѣдная, исхудала вся, нездорова, чтоль?

— Богъ ее знаетъ, я и самъ надивиться не могу. Кажись, ужь чего недостаетъ ей: въ дому полная хозяйка, ключи всѣ у ней, воли съ нее никто не снимаетъ, ходи, поѣзжай куда хочешь,—нѣтъ, все скучаетъ. Да вотъ хоть бы вчерась; вѣдь не повѣришь, сватъ, почти силой заставилъ къ вамъ ѣхать: «не поѣду» да и только; «чего, говоритъ, я тамъ забыла?»

— А по правдѣ сказать, сватъ, она немножко на тебя жалится, притѣсняешь, говоритъ. Оно, конечно, за дѣло отчего же не пожурить, извѣстно, бабій волосъ долгъ; ну а за всякую бездѣлицу—не годится.

— На меня?!.. вотъ оказія-то! оборони Богъ! да мнѣ какое дѣло? у ней есть мужъ, а мое дѣло — сторона. Да вотъ хоть бы и по запрошлый разъ, изъ-за чего вышло? и изъ-за

сплетенъ, а глядишь—до ссоры дошло. Баба она смирная, почтительная, хозяйство ведетъ исправно, чего же мнѣ больше надо? Пожалуй, злые люди наговорятъ и Богъ знаетъ что, языкъ-то безъ костей, на всякое чиханье не наздравствуешься. Правда, вечоръ побранилъ я ее немножко за то, что запоздалась, такъ посуди, сватъ, самъ: бросила на цѣлый день груднаго ребенка, тотъ пищитъ, хоть изъ избы вонъ бѣги!

— Тутъ ужь я со старухой виноватъ, задержалъ ее долго, давно не видались, — оправдывалъ Аксинью Павелъ Павлычъ; — ну, да оставимъ объ этомъ рѣчь, пора мнѣ и домой.

— Вотъ это, сватъ, ты напрасно говоришь: безъ обѣда ни зачто не отпущу. Шутка-ли, пятнадцать верстъ киселя хлебать—не пообѣдавши. Я и коня велю выпречь, какъ ты хочешь. Сердись не сердись, а оставайся. Пройдемся-ка еще по рюмочкѣ.

Послѣ долгихъ отнѣкиваній и отговорокъ, Павелъ Павлычъ согласился и по рюмочкѣ пройтись, и обѣдать остаться. Семенъ Иванычъ торжествовалъ: онъ достигъ своей цѣли.

— Аксиньюшка! кликнулъ онъ, полурастворивъ двери въ сѣни.

Явилась Аксинья.

— Что есть въ печи, все на столъ мечи! Павелъ Павлычъ обѣдать будетъ у насъ. Распорядись тамъ хорошенько, да скажи Ивану, чтобы выпрягъ ихняго коня и задалъ корму.

Лицо Аксиньи просіяло: отецъ остается обѣдать, мировая слажена, слѣдовательно, можно надѣяться на лучшее будущее. Аксинья направилась въ избу.

— Постой ужо! догналъ ее Семенъ Иванычъ. — Вели тамъ заколоть пестраго барана, да свари и изжарь чего-нибудь получше! проговорилъ онъ шопотомъ. — Ванюшку принеси сюда, мы съ нимъ до обѣда позабавимся! добавилъ свекоръ громко.

И такъ примиреніе состоялось безъ дальнѣйшихъ объясненій, которыхъ опасались такъ оба свата. Результатами его было слѣдующее: во-первыхъ, закланіе на обѣдъ ни въ чѣмъ неповиннаго барана, изъ котораго Аксинья смастерила какую-то необыкновенную похлебку на квасу съ груздями, огурцами и лукомъ; во-вторыхъ, возобновленіе между семействами сватовей давно прерванныхъ родственныхъ отношеній, такъ какъ Семенъ Иванычъ на завтра же посѣтилъ Павла Павлыча, и воротился отъ него «еле можаху», въ сопровожденіи старика-Кирилыча, но буйныхъ сценъ и безобразій дома никакихъ не дѣлалъ, и въ-третьихъ, самое главное, наружная перемѣна въ отношеніяхъ между Аксиньею и свекромъ.

Въ крещенье, послѣ водосвятія, пріѣхала мать Аксиньи, Марья Петровна, женщина лѣтъ около 50, довольно еще бодрая, заправлявшая всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, и любившая дочь почти до безумія. Аксинья встрѣтила ее на крыльцѣ, безъ слезъ, разцѣловалась, и провела прямо въ горницу, не заходя къ Тимофѣевнѣ.

— Дома самъ-то? спросила мать.

— Нѣту, къ обѣдни уѣхалъ, не бывалъ еще.

— Каково живешь?

— Пока ничего, слава Богу, не знаю, что дальше будетъ. Самъ не ворчитъ, Иванъ трезвый, послѣ завтра къ семейскимъ ѣдетъ, деверь тоже съ рыбой въ городъ ѣдетъ. Какъ-то я одна останусь съ нимъ. Мама, я боюсь его.

— Кого?

— Да свекра. Ахъ, мама, какой я страшный сонъ «онамеднись» (прошлый разъ) видѣла на самый новый годъ. Помнишь, наканунѣ я была у васъ, домой воротилась поздно. Ужь онъ пилилъ, пилилъ меня, и чего-то не выдумалъ: и провожатыхъ-то, и кавалеровъ...

— Ахъ, срамникъ эдакой!

— Такъ я со слезами и легла. Ну, вотъ, передъ самой зарянкой мнѣ и пригрезилось...

Аксинья подробно разсказала свой сонъ. Мать задумалась.

— Не хорошій сонъ, да еще на самый новый годъ. А ничего, экакъ, особеннаго ты не примѣчала за нимъ? не говорилъ онъ тебѣ ничего?

— Нѣтъ, мама, ничего, зачѣмъ понапрасну Бога гнѣвить. Только иной разъ засмотрится онъ на меня такъ пристально, такъ не хорошо, что у меня мурашки по кожѣ забѣгаютъ. Я и въ куть, за занавѣску уйду, а мнѣ все кажется, что онъ и сквозь занавѣску видитъ меня. Да вотъ еще нынче онъ сталъ частенько испивать, почти-что весь праздникъ пилъ, рѣдкій день безъ водки. Пьянаго его я еще больше боюсь: Правда, съ тѣхъ поръ, какъ помирился онъ съ батюшкой, со мной онъ сталъ ласковѣе, не ругается на каждомъ шагу, а все-таки одной съ нимъ оставаться какъ-то страшно.

— Ничего, дитятко, Богъ милостивъ! Я буду почаще ѣздить къ тебѣ, а ты не гляди на него, когда онъ смотритъ на тебя. Можетъ, тебѣ только такъ кажется, а онъ ничего дурнаго и не думаетъ. А то зачѣмъ бы онъ раньше, до мировой, лаялъ тебя на каждомъ шагу?

— А сонъ-то, мама?

— Праздничный сонъ до обѣда, будничный на три дня, а сегодня съ новаго года шестой день! внушительно замѣтила Марья Петровна. — Пойдемъ къ Тимофѣевнѣ, осердится старуха-то!

— Сердись, пожалуй! кто-то смотритъ на ея сердце! съ презрѣніемъ отозвалась Аксинья.

— Полно, полно, не хорошо, она свекровка тебѣ—вторая мать, уважать надо; неравно самъ пріѣдетъ, опять грѣхъ выйдетъ. Пойдемъ!

Вошли въ избу. Тимофѣевна дремала за двумя зыбками, попеременно покачивая то ту, то другую.

— Здравствуй, сватьюшка, съ праздникомъ! начала Марья Петровна.

— Ась!? отозвалась Тимофѣевна, не открывая глазъ.

— Зравствуй, я говорю, съ праздникомъ, не узнала, что-ли?

Тимофѣевна открыла глаза, и пристально вглядывалась въ гостью, какъ будто припоминая что-то, наконецъ поднялась съ лавки, и бросилась обнимать Петровну.

— Сватьюшка, Петровна, ты-ли это? сколько времени я тебя не видала! Никто-то не зайдетъ ко мнѣ, совсѣмъ забыли старуху.

На глазахъ ея навернулись слезы.

— Какія мы съ тобой старухи, вѣдь мы одногодки! отшучивалась Марья Петровна.

Да, дѣйствительно онѣ были одногодки, но какая разница! Одна—бодрая, здоровая женщина, полная хозяйка въ дому, правая рука мужа, какъ отзывался объ ней Павелъ Павлычъ; другая—хворое, хилое, забитое существо, болѣе половины своей жизни проведшее подъ игомъ суроваго деспотизма и самодурства Семена Иваныча, и теперь не достигши еще и 50 лѣтъ—сморщившееся, сгорбленное и полуоглохшее.

Раздался скрипъ воротъ,—пріѣхалъ самъ съ какимъ-то полуоборваннымъ мужикомъ лѣтъ подъ тридцать. Дверь съ шумомъ отворилась, густой паръ повалилъ изъ сѣней въ избу. Вошелъ Семенъ Иванычъ со своимъ спутникомъ.

— Вотъ работника нанялъ, Степаномъ зовутъ. Можете распоряжаться, Аксинья Павловна! Давайте намъ обѣдать.

Онъ устремилъ глаза на Аксинью. Со свѣту, и за густымъ паромъ, онъ не замѣтилъ присутствія сватьи въ избѣ, тѣмъ болѣе, что былъ изрядно выпивши.

— Здравствуйте, Семенъ Иванычъ; съ праздникомъ!

— Марья Петровна, сватьюшка! за угощеніе покорно благодаримъ. Ну, и угостила! не помню, какъ домой прі-

ѣхалъ: съ провожатымъ, съ Кирилычемъ, говорятъ. За то сегодня я самъ поѣду тебя провожать; поѣду вѣдь!

— Благодарствую, я и одна дорогу знаю; теперь день, свѣтло, бояться некого.

— Ну, нѣтъ, безпремѣнно поѣду!

— Тогда мнѣ опять придется провожатаго наряжать; эдакъ мы и будемъ ѣздить взадъ — впередъ! шутила Марья Петровна.

— Безпремѣнно поѣду! твердилъ Семенъ Иванычъ!—А гдѣ ребята? обратился онъ къ Аксиньѣ!

— Да не бывали еще отъ обѣдни.

— Шляются только! проворчалъ онъ.—А что жь ты мать не угощаешь? давай чаю, наливки, закуски. Ну, и угостила, сватья, ахъ, какъ угостила! безсвязно бормоталъ онъ, совершенно опьянѣвъ.

— Вы-бы отдохнули, тятенька, сегодня праздникъ! замѣтила Аксинья.

— Знаю, знаю! отдохну, лягу, сейчасъ лягу, голубушка ты моя, Аксиньюшка ты моя! укладывался на постель Семенъ Иванычъ, и черезъ двѣ минуты сильный храпъ возвѣстилъ, что онъ дѣйствительно отдыхаетъ.

— Вотъ эдакъ съ самаго рождества, шептала Аксинья матери, наливая ей чашку чая.—И чего съ нимъ подѣлалось, не могу придумать; третій годъ за мужемъ, а такъ никогда не бывало, Какъ-то я останусь съ нимъ одна?

И дѣйствительно съ Семеномъ Иванычемъ происходило что-то особенное, чего ранѣе не случалось, какъ выражалась Аксинья. Обыкновенно трезвый, выпивавшій только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, въ время престольныхъ или годовыхъ праздниковъ, именинъ и т. под., въ послѣднее время онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ чтобы выпить. Зайдетъ или заѣдетъ кто къ нему; прежде подобный визитъ ограничивался обыкновенно однимъ чаепитіемъ,—теперь же непремѣнно выпивка и закуска. Уйдетъ-ли онъ самъ куда,—во-

воротится пьяный. Даже, къ удивленію своихъ односельцовъ, его видѣли раза три выпивавшимъ въ деревенскомъ кабакѣ. Никто, конечно, не рѣшался замѣтить Семену Иванычу о происшедшей въ немъ перемѣнѣ, только одинъ Андрей косо посматривалъ на пьяныя выходки отца, хотя, по обыкновенію, не говорилъ ничего. — Глубоко религіозный, какъ вообще всѣ крестьяне Прибайкалья, Семенъ Иванычъ въ послѣднее время началъ пренебрегать и обрядовыми обычаями. Бывало, въ праздники, до окончанія обѣдни, никто въ домѣ не смѣлъ выпить чашки чая, или съѣсть кусочекъ хлѣба, а теперь, не успѣетъ еще разсвѣтать, а уже на столѣ шипитъ омулевая селянка, и стоитъ знакомый синенькій графинчикъ и распохмѣляется Семенъ Иванычъ, не смотря ни на праздникъ, ни на такой великій день, какъ крещенскій сочельникъ, когда до вечерней звѣзды добрые люди даже и воды въ ротъ не берутъ.

Вскорѣ воротились Иванъ и Андрей, бывшіе у обѣдни въ какомъ-то дальнемъ селѣ, гдѣ былъ храмовой праздникъ. Марья Петровна упрекнула Ивана за то, что онъ не побывалъ у нихъ о святкахъ.

— Некогда было! отзывался Иванъ;—вотъ «въ верхъ» за хлѣбомъ «схожу» (съѣзжу), такъ вмѣстѣ съ женой и ребятами пріѣду.

— Ну, а вы, Андрей Семенычъ? вѣдь какъ ни на есть, а тоже родня приходитесь. Можно бы побывать?

— Никуда я не хожу и не ѣзжу! коротко отозвался Андрей и обратился ка работнику, смиренно сидѣвшему въ углу у дверей,

— Ты кто таковъ? чего тебѣ надо?

— Степанъ, работникъ, хозяинъ нанялъ.

— Сѣти умѣешъ чинить, али вязать?

— Не пробовалъ. Хозяинъ наймовалъ хлѣбъ молотить, да за дворомъ «настовать» (наблюдать),

Андрей съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Степана и отошелъ.

Для него—человѣкъ, не умѣвшій вязать, чинить и «садить» неводовъ и сѣтей,—былъ самый послѣдній человѣкъ. Рыбопромышленность обратилась у него въ страсть: онъ тосковалъ, сидя дома, его такъ и тянуло къ водѣ, и чуть только распалялись рѣки, или раскрывался отольда Байкалъ, Андрей съ сѣтями и неводами исчезалъ изъ дому, и возвращался назадъ глубокой осенью, присылая, во время промысла съ попутными отцу деньги, вырученныя отъ продажи рыбы, и требуя только присылки ему хлѣба, кирпичнаго чаю, соли и посуды для засола.

Послѣ обѣда Марья Петровна, поняньчившись и «побаловавшись» съ Ванчуркой, которому привезла въ гостинцы какую-то приторно-сладкую сосульку иркутскаго производства, поторопилась уѣхать домой, опасаясь скораго пробужденія свата и его неотвязчивыхъ проводовъ. Но Семенъ Иванычъ проснулся въ сумерки, ходилъ въ горницу, отомкнулъ сундукъ, досталъ оттуда денегъ, заглянулъ въ шкапчикъ, гдѣ освидѣтельствовалъ синенькій графинчикъ, въ которомъ ничего не оказалось, наскоро одѣлся, и не говоря никому ни слова, ушелъ со двора прямо въ кабакъ. Андрей мрачно посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Поздно вечеромъ привели сосѣди Семена Иваныча домой совершенно пьянаго, подобравши его у воротъ собственнаго дома.

IV.

Съ окончаніемъ праздниковъ кончился и небывалый ранѣе загулъ Семена Иваныча, а съ прекращеніемъ послѣдняго, къ нему возвратилась его прежняя энергія. Послѣ отправки сыновей съ рыбой, одного—«въ городъ», другаго—«къ семейскимъ», оставшись одинъ съ работникомъ, Семенъ Иванычъ повелъ чрезвычайно дѣятельную жизнь: вставалъ съ пѣтухами, будилъ Степана, мылся, молился Богу и отправлялся на гумно, гдѣ принималъ самое оживленное участіе въ молотьбѣ; съ разсвѣтомъ приходилъ завтракать, и потомъ, вплоть до обѣда, занимался вѣяніемъ хлѣба, уборкою въ скирды соломы и расчисткой гумна подъ молотьбу на слѣдующій день. Работникъ, разсчитывавшій на болѣе вальготную жизнь, морщился, но дѣлать было нечего: деньги забраны впередъ, самъ постоянно на глазахъ у хозяина—никуда не увернешься, только въ воскресенье и свободенъ. Да что толку и въ свободѣ, когда нѣтъ ни гроша за душой. Послѣ-обѣденнымъ отдыхомъ вознаграждалъ себя Семенъ Иванычъ за раннее вставанье съ пѣтухами. Долгій январскій вечеръ также не пропадалъ даромъ: при свѣтѣ смолья, ярко пылавшаго на очагѣ, вдѣланномъ въ углу печи, Семенъ Иванычъ вязалъ и починивалъ невода и сѣти, или приспособливалъ къ этому занятію своего работника. Аксинья въ кути пряла моты для неводовъ и нитки для сѣтей; полуглухая Тимофѣевна пяньчилась съ внучатами, а Феклушка, вмѣстѣ съ сумерками, заби-

ралась на полати, и до разсвѣта слѣдующаго утра ничѣмъ уже нельзя было разбудить ее. Тишина въ избѣ изрѣдка прерывалась только плачемъ ребятъ.

Измѣнились и отношенія Семена Иваныча къ Аксиньѣ: онъ какъ будто не замѣчалъ ея, не придирался, по привычкѣ, ко всякой мелочи. Аксинья, сначала, послѣ отъѣзда братьевъ, сильно опасавшаяся за свою личность, вскорѣ успокоилась; даже въ наружности ея произошла замѣтная перемѣна къ лучшему: припухшія отъ частыхъ слезъ вѣки приняли нормальный видъ, отеки подъ глазами прошли, впалость лица исчезла, легкій румянецъ показался на щекахъ. Марья Петровна, въ отсутствіе братьевъ два раза побывавшая въ гостяхъ у дочери, не могла нарадоваться, глядя на нее. «Дай-то Богъ всегда такъ! Сотвори Господи!» набожно крестилась она, и просиживала у дочери цѣлый день, забывая, что собственное хозяйство ея осталось на рукахъ неуклюжей Палашки. Спокойствіе дочери для нея было дороже всего.

— Ты, Аксинья, вызвался разъ за ужиномъ въ субботу Семенъ Иванычъ,—хоть бы завтра къ обѣдни съѣздила, вѣдь о праздникахъ ни разу не была, да кстати и ребятишекъ бы причастила. Грѣшно—на мнѣ грѣхъ: всему я причиной. Ты ужь не взыщи съ пьянаго дурака.

— Что вы, тятенька, какъ можно?!.

Она взглянула на свекра: невольно пришелъ ей на память вѣщій сонъ, и вдругъ сдѣлалось почему-то страшно; она поблѣднѣла. Ее поразила рѣзкая перемѣна въ обращеніи свекра: бывало, съ большимъ трудомъ и то при посредствѣ мужа, выпроситъ она позволеніе на отлучку къ роднымъ, или въ церковь, а тутъ вдругъ Семенъ Иванычъ самъ дѣлаетъ ей предложеніе, и это въ первый разъ въ теченіи трехъ лѣтъ, да кромѣ того извиняется еще, и передъ кѣмъ же? — передъ невѣсткой, извиняется онъ, Семенъ Иванычъ, считающій себя въ домашнемъ распорядкѣ непогрѣшимымъ. Странно!

*

Свекоръ замѣтилъ блѣдность Аксиньи.

— Чего ты испужалась, дурочка? думаешь одну отправлю? какъ бы не такъ! Куда ты одна поѣдешь съ двумя ребетенками? еще опрокинешься въ ухабъ гдѣ-нибудь; вишь, дорога-то суметь на суметѣ, всю перемело, того и гляди — «въ нырокъ» попадешь. Нѣтъ, запряжемъ пару: бурку въ корень, кобылу въ пристяжки, я самъ сяду проводничать, небойсь, не вывалю, духомъ докатимъ. Феклушка туть безъ насъ накормитъ Степана.—Феклушка, а Феклушка!

Но Феклушка давно уже спала самымъ крѣпкимъ сномъ.

— Дрыхнетъ, каналья! И во что это спитъ человѣкъ? работы не робитъ, дѣла не дѣлаетъ,—а спать дюжа! А ты, кажется, въ день-то какъ намаешься, а все сна нѣтъ: вертишься, вертишься съ боку на бокъ, насилу заснешь! удивлялся Семенъ Иванычъ.

— Такъ готовься утре, Аксинья, пораньше — путь не близкій.

— Хорошо, тятенька! отвѣчала она, собирая со стола остатки ужина.

Плохо спалось въ эту ночь Аксиньѣ: она не знала, какъ и чѣмъ объяснить неожиданную перемѣну въ характерѣ свекра. Но послѣдующія обстоятельства окончательно сбили ее съ толку.

Уже разсвѣло, когда Аксинья вошла изъ горницы въ избу, одѣтая по праздничному. На ней была бѣличья шубка, крытая шелковымъ гарнитуромъ, съ какимъ-то темной шерсти дорогимъ воротникомъ съ просѣдью. Голова, сверхъ малиновой, шелковой косынки, была повязана огромнымъ гаруснымъ платкомъ, концы котораго затянуты были за спиной за креповый китайскій кушакъ. Коричневое шерстяное платье и теплые «уиты» *) виднѣлись изъ подъ шубы. Дѣйствительно, Аксинья была хороша въ этомъ нарядѣ съ своими свѣтло-сѣ-

---

*) Уиты—теплые сапоги изъ козульей шкуры, переда которыхъ большею частію вышиты разноцвѣтнымъ шелкомъ.

рыми кроткими глазами, правильными чертами лица, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ. Семенъ Иванычъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ осмотрѣлъ ее, искорки на мгновеніе блеснули въ глазахъ его, но такъ же быстро исчезли,

— Ты, Феклушка, вынеси Ванчурку, да не урони, дура, чего ротъ-то разинула? А ты, Аксинья, закутай потеплѣе дѣвчонку, да и съ Богомъ. Господи благослови! крестился онъ, выходя изъ избы.

Въ сѣняхъ накинулъ онъ на Аксинью «барловую (козулью доху», и помогъ натянуть на ноги безобразные «пимы» *). Во дворѣ работникъ держалъ подъ уздцы горячившагося бурку, запряженнаго въ широкія «розвальни», покрытыя тюменскимъ ковромъ, Аксинья усѣлась на коверъ: запрятала и безъ того теило укутанныхъ дѣтей подъ доху, и ожидала, что свекоръ сядетъ рядомъ съ ней, но послѣдній, къ удивленію ея, забравъ возжи, помѣстился въ передокъ.

— Смотри-же, Феклушка, не балуй! наказывалъ онъ; — не забудь накормить Степана.

Но Феклушка не утерпѣла: вскочила сзади на полозья розвальней и, придерживаясь за задокъ, прокатилась по улицѣ саженъ съ полсотни; затѣмъ, отдувая ртомъ иззябшіе пальцы, на рысяхъ побѣжала въ избу, гдѣ прыгала, скакала и вертѣлась до тѣхъ поръ, пока выведенная изъ терпѣнія Тимофѣевна не разразилась ворчаніемъ и не схватила голикъ, отъ котораго Феклушка ловко увернулась и устригнула въ горницу, гдѣ на просторѣ и могла дѣлать все, что ей заблагоразсудится.

Крупной рысью и безъ всякихъ приключеній доѣхали Семенъ Иванычъ съ невѣсткою до приходскаго села, и поспѣли какъ-разъ къ самаму началу обѣдни. Поставивъ свѣчи празднику и мѣстнымъ иконамъ, Аксинья отошла въ лѣвую сто-

---

*) Пимы—въ родѣ мѣховыхъ калошъ изъ телячьей шкуры, шерстью снаружи и внутри.

рону, занятую преимущественно однѣми женщинами, встала на колѣни, посадивъ около себя Ванчурку, и начала молиться. Усердно молилась она о предотвращеніи и защитѣ отъ какой-то невѣдомой бѣды, еще не наступившей, но уже предчувствуемой ею. По окончаніи обѣдни, подошелъ къ ней Семенъ Иванычъ; поцѣловалъ дѣтей, проговоривъ: «съ принятіемъ!» поздравилъ Аксинью съ причастниками, и вышелъ на улицу, предоставивъ ей укутывать ребятъ. Здѣсь отбилъ онъ на мордахъ у лошадей намерзшія сосульки, обтеръ съ нихъ мохнатой волчьей рукавицей заиндевѣвшій потъ, усадилъ Аксинью и съ вопросительнымъ видомъ лукаво посмотрѣлъ на нее.

— Знаешь, Аксинья, что я придумалъ, началъ Семенъ Иванычъ. — Вотъ насмѣшимъ-то бѣлый свѣтъ! Поѣдемъ-ка къ вашимъ, здѣсь недалеко, всего пять верстъ. То-то обрадуются.

Лицо Аксиньи вспыхнуло отъ удовольствія и неожиданности предложенія.

— Не знаю, тятенька, какъ сами знаете. Не пріѣхалъ бы Иванъ,—дома никого нѣтъ.

— А что Иванъ, укажетъ мнѣ, что ли? куда хочу, туда и ѣду—и кончено! Ѣдемъ!—Эхъ вы, родимыя! крикнулъ онъ на лошадей, и понесся по улицамъ села во весь духъ.

Черезъ полчаса они уже въѣзжали во дворъ Павла Павлыча. Первая изъ окна увидала ихъ Марья Петровна, схватила второпяхъ вмѣсто шали скатерть, накинула ее на голову, и черезъ полминуты была уже у розвальней, цѣлуя свою ненаглядную дочку, и въ то же время помогая ей вытащить изъ-подъ дохи Ванчурку, которымъ тотчасъ и завладѣла, не смотря на его крикъ. Если-бы была возможность, то, кажется, она и Аксинью со внучкой взяла-бы тоже на руки, — такъ велика была ея радость при неожиданномъ пріѣздѣ дочери!

— Золото мое пріѣхало! приговаривала она, цѣлуя то Ванчурку, то Аксинью, и тутъ только замѣтила Семена Иваныча, который никакъ не могъ развязать наушники у своей лисьей

шапки, отороченной спереди бобромъ.—Здраствуй сватушка здравствуй Семенъ Иванычъ! Сорокъ грѣховъ Господь проститъ тебѣ за сегодняшнюю мою радость.

— Иди, мама, въ избу; холодно, простудишься! Вишь, какъ ты выскочила, въ одной скатеркѣ! освобождаясь отъ дохи и пимовъ, убѣждала Аксинья свою мать, но та все-таки дождалась ее.

— Проходи, сватушка, милости просимъ, примо въ горницу, я сейчасъ за Павломъ Павлычемъ пошлю, онъ гдѣ-то въ зимовьѣ, ямщиковъ разсчитываетъ.

Но сватушка никакъ не могъ поправиться съ своею шапкою. «Э, лядъ тебя побери!» ворчалъ онъ осердясь, и разорвалъ наушники: Потомъ провелъ лошадей подъ навѣсъ, привязалъ ихъ къ кольцу, вбитому для этой цѣли нарочно въ стѣну, сбросилъ въ розвальни доху, пимы и рукавицы, и затѣмъ направился въ горницу. Неуклюжая Палашка уже успѣла скипятить самоваръ, а догадливая Петровна слазила «на вышку» и воротилась оттуда съ зыбкою, въ которой, кажется, качалась еще сама Аксинья,—куда и уложили маленькую безпокойную внучку.

Вошелъ Павелъ Павловичъ, поздоровался со сватомъ, поцѣловалъ Ванчурку и дочь, поздравилъ съ причастниками, заглянулъ въ зыбку ко внучкѣ, погладилъ ее по головкѣ, и затѣмъ завелъ съ Семеномъ Иванычемъ солидный разговоръ о разныхъ предметахъ, болѣе или менѣе интересовавшихъ ихъ обоихъ: о цѣнахъ на хлѣбъ, на рыбу, о происшествіяхъ по волости, о мѣстныхъ новостяхъ и т. п. Послѣдовало обычное угощеніе чаемъ, закускою, потомъ обѣдъ. Не смотря на настоятельныя подчиванья се стороны Петровны, Семенъ Иванычъ выпилъ передъ обѣдомъ только одну рюмку, и больше пить отказался на отрѣзъ «Будетъ, побаловалъ о праздникахъ!» отозвался онъ. Послѣ обѣда, по предложенію хозяина, онъ прилегъ отдохнуть, и проспалъ до вечерняго чая. Наконецъ, стали собираться домой.

Аксинья могла назвать проведенный ею день однимъ изъ самыхъ счастливыхъ со времени выхода своего замужъ.

Домой вернулись въ сумерки. На полдорогѣ Семенъ Иванычъ пересѣлъ рядомъ съ Аксиньей, отзываясь, что на передкѣ холодно, «продуваетъ», но послѣдняя, полная воспоминаній о счастливыхъ часахъ, прожитыхъ ею дома, не обратила вниманія на перемѣщеніе свекра. Въ избѣ встрѣтилъ ихъ Иванъ, воротившійся съ хлѣбомъ «отъ семейскихъ», совершенно трезвый (чего Семенъ Иванычъ никакъ не ожидалъ), поздоровался съ отцемъ, поцѣловалъ жену и дѣтей, и вынулъ изъ-за пазухи гостинцы, купленные на попутьи въ Верхнеудинскѣ, состоявшіе изъ леденцовъ для Ванюшки, и китайскихъ стеклянныхъ желтенькихъ бусъ для Аксиньи. Отецъ распросилъ его о дорогѣ, о цѣнахъ, попробовалъ на вкусъ привезенный зерновый хлѣбъ, и вообще остался доволенъ поѣздкою и поведеніемъ сына: довольна была и Аксинья проведеннымъ днемъ; хмурился только одинъ Иванъ. Въ немъ почему-то зародилось, нельзя сказать, чтобы чувство ревности, но какое-то предубѣжденіе противъ отца за его измѣнившіяся отношенія къ Аксиньѣ. Для него непонятнымъ казалось, почему отецъ—деспотъ, врагъ всякихъ удовольствій, рѣшился, вмѣстѣ съ невѣсткой, ѣхать къ недавнему своему врагу и пробыть тамъ цѣлый день, — почему онъ изъ самодура-волка вдругъ сдѣлался въ отношеніяхъ къ Аксиньѣ кроткимъ ягненкомъ.

Поужинали и улеглись.

— Аксинья! прошепталъ Иванъ.

— Ну! отвѣчала она тоже шопотомъ.

— Ты съ чего это взяла разъѣзжать по гостямъ съ тятькой?

— Тебя не спросилась! рѣзко отвѣчала она.

— Смотри у меня, не вышло бы шашней какихъ!

— Спи, коли легъ! не думай много худаго на ночь!

Аксинья притворно захрапѣла. Ей жаль было портить впечатлѣнія дня.

На завтра пріѣхалъ изъ города Андрей. Неторопливо выпрягъ онъ лошадей, поставилъ ихъ на выстойку, задвинулъ порожнія «дровни» подъ навѣсъ, повѣсилъ сбрую въ сѣняхъ и вошелъ въ избу, держа подъ мышками мѣшокъ съ иркутскими покупками. Помолившись въ передній уголъ, и сказавъ общее «здравствуйте!» онъ распоясался, досталъ изъ внутренняго жилеточнаго кармана засаленный въ рыбьемъ жиру бумажникъ, и подалъ отцу.

— Вотъ, тятька, деньги, считай.

Семенъ Иванычъ вынулъ оттуда пачку ассигнацій, высыпалъ серебрянную мелочь на столъ, пересчиталъ, потомъ отвязалъ съ пояса тяжелый ключъ отъ сундука и кивнулъ головой Андрею.

— Пойдемъ въ горницу, тамъ сочтемся. Феклушка, пошла, отопри ставни!

Между тѣмъ привезенный мѣшокъ съ покупками интересовалъ всѣхъ, но развязать его въ отсутствіе Семена Иваныча, и посмотрѣть что въ немъ находится, никто не рѣшался, Феклушка попробовала было провертѣть пальцемъ по шву въ мѣшкѣ маленькую дырку, но получивъ энергическій тычекъ отъ Ивана, спряталась за печку. Даже Тимофѣевна приплелась изъ кути, и усѣлась на лавку около стола.

Вошелъ Семенъ Иванычъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, какихъ гостинцевъ понавезъ ты намъ изъ городу? говорилъ Семенъ Иванычъ Андрею, подтаскивая мѣшокъ къ столу. — А ты, старая карга, зачѣмъ изъ своего гнѣзда вылѣзла? обратился онъ къ своей «старушенкѣ».—Ну, ну, сиди, сиди, не мѣшаешь; и на твою долю въ мѣшкѣ пай есть.

Семенъ Иванычъ находился въ самомъ благопріятномъ расположеніи духа: онъ былъ чрезвычайно доволенъ результатами поѣздокъ обоихъ сыновей. Развязавъ мѣшокъ, онъ началъ выкладывать содержащееся въ немъ на столъ.

— Это бѣлый сахаръ; китайскаго краснаго послѣ «на яр-

монкѣ въ Удинскѣ» возьмемъ—дешевле. Убери, Аксинья! Это—«тенерифъ». на случай, сватъ когда пріѣдетъ. Это—«померанцовка»; батюшка—попъ опричь ее никакой не употребляетъ. А вотъ тебѣ, Феклушка, полушалокъ, да на «запонъ» братъ привезъ. Вотъ старушонка, и твоя доля: вишь какой большущій головной платокъ, можно тебя всю окутать. А это... это...

Семенъ Иванычъ замялся, притворно закашлялся, и замѣтно покраснѣлъ, вынувъ изъ мѣшка свернутый цилиндромъ яркаго цвѣта ситецъ.

— Это тебѣ, Аксинья, я на платье къ празднику заказалъ, продолжалъ онъ, оправившись, и не смотря на невѣстку.

Иванъ подозрительно взглянулъ на отца. Аксинья не брала подарка.

— Бери, коли дарятъ! заворчалъ онъ на жену;—вишь, тятька нынче больно щедрый сталъ, на платья даритъ! злобно добавилъ онъ.

— Я тебѣ укорочу языкъ-то; будешь знать край, да оглядываться! зашипѣлъ на него Семенъ Иванычъ.—Что ты мнѣ укажешь что-ли чего подарить? ты вонъ, копѣечные бусы женѣ привезъ,—развѣ тебѣ говоритъ кто?

— Мое дѣло другаго рода!

— Поворчи еще!.. Какой зубастый сталъ! Али, у семейскихъ понавадился? говорилъ Семенъ Иванычъ, собирая вина и уходя въ горницу,

— Ты у меня спрячь ситецъ въ ящикъ! Обратился Иванъ къ женѣ,—и не смѣй изъ него платья шить, чтобъ не видали мои глаза, коли добра хочешь!

— Вотъ-те разъ! одинъ говоритъ—шей, другой говоритъ—не надо. Сошьешь—худо, а не сошьешь—того хуже. Котораго-же изъ васъ слушаться!

— Да ты чья жена? вдругъ приступилъ къ ней Иванъ съ поднятымъ кулакомъ.

— Извѣстно чья,—твоя! Не драться-ли хочешь? давно

грѣха-то да содому не было, такъ заводи снова. Какъ уѣзжалъ, тогда и спокой видѣла.

— Видѣла, видѣла!..—вижу, что видѣла. Не даромъ по гостямъ только шлялась, не даромъ на платья дарятъ, не даромъ отецъ ласковый такой сталъ.

Иванъ отъ злости самъ не зналъ, что говорилъ.

— Господи, Боже мой! этого только не доставало, всплеснувъ руками, воскликнула Аксинья:—онъ меня къ отцу родному ревнуетъ. Да въ умѣ-ли ты, не рехнулся-ли?

— Молчи, анефема, убью!.. замахнулся на нее снова Иванъ, но въ эту минуту вошелъ отецъ и рука его невольно опустилась.

— Это еще что за исторіи? что вы, сдурѣли, что-ли? изъ-за чего у васъ вышло, чего дѣлите? грозно крикнулъ на нихъ Семенъ Иванычъ.

— Да вотъ, тятенька, изъ-за платья все дѣло вышло: онъ говоритъ, что «безъ фалбары» (безъ оборки) шей, а я хочу «съ фалбарой»;—вотъ и повздорили! оправдывала Аксинья мужа.

— Такъ и нужно драться изъ-за такихъ пустяковъ? съ укоризной обратился онъ къ Ивану.—Выросъ то выше Ивана великаго, а ума въ тебѣ что въ маломъ ребенкѣ!

— Вретъ, тетя, тятька! вдругъ раздался съ полатей голосъ Феклушки, безмолвно наблюдавшей всю сцену ссоры:—братецъ осердился на тетю за то, что ты ей ситцу на платье подарилъ, да къ обѣдни вчерась возилъ; платье шить не велитъ, прибить хочетъ.

Семенъ Иванычъ побагровѣлъ.

— Вотъ какъ!.. проговорилъ онъ, и больше не сказавъ ни слова, присѣлъ на лавку къ столу и глубоко задумался. Молчаніе длилось съ четверть часа.

— Слушай, Иванъ! нѣсколько торжественно началъ онъ.— Выдѣлилъ-бы я тебя, не мотался-бы ты, какъ бѣльмо, у меня на глазахъ, да вотъ бѣда, неудачникъ ты. Вѣдь у тебя

семья—жена дѣти. Ну, а какъ на тебя вдругъ блажь найдетъ, да ты пропадешь на недѣлю, на двѣ, али болѣе; куда тогда дѣнется жена твоя? къ своимъ, што-ли, поѣдетъ? бросить домъ, хозяйство, все обзаведеніе; али сосѣдей станетъ просить: коня запречь, воды привезти, дровъ нарубить, да мало-ли по домашности найдется мужичьей работы? Вотъ ты теперь и на глазахъ, а на тебя удержу нѣту, а тогда самъ голова,—и подавно. Я на часокъ въ горницу не успѣлъ выйти, а ты ужъ завелъ катавасію съ женой, чуть до драки не дошло, а выдѣли-ка тебя, такъ у васъ каждый день будетъ содомъ да гомора. Эхъ, Иванъ, Иванъ! бить тебя—не приходится, большой ты, у тебя у самого дѣти; добрыхъ словъ ты слушать не хочешь, а на безтолковое озорничество всегда готовъ. Ну, скажи, съ чего ты затѣялъ теперь эту дурацкую ссору? Отецъ подарилъ невѣсткѣ на платье; да развѣ я не воленъ дарить, что мнѣ вздумается? или прежде у тебя нужно спроситься: «дозвольте, молъ, Иванъ Семенычъ?» Дурень, ты дурень! Помни, братъ, не забудь, что ты изъ моей воли еще не вышелъ, что пока я живъ-здоровъ, *я* здѣсь полный хозяинъ, а ты—ничто. Слышишь?

Иванъ молчалъ.

— Аксинья! крикнулъ Семенъ Иванычъ: - чтобъ къ моимъ именинамъ платье было безпремѣнно готово, съ фалбарой, али безъ фалбары,—это твое дѣло. А ты у меня, обратился онъ опять къ Ивану, если только тронешь ее за это пальцемъ, ну, тогда, братъ не погнѣвайся! я еще поправлюсь съ тобой.

Онъ сердито хлопнулъ дверью и ушелъ въ горницу.

— Что, грибъ съѣлъ? смѣясь, замѣтила изъ кути Аксинья;—тебѣ, видно, только съ женой воевать въ пору?

— Молчи, злыдарная, хоть ты не досаждай! изъ-за тебя постоянно достается.

— И по дѣломъ не ревнуй къ отцу. А платье я все-таки сошью, да еще съ двумя фалбарами! поддразнивала она Ивана.

— Хоть съ десятью, по мнѣ все равно! А тебѣ, сплетница, я припомню! пригрозилъ онъ Феклушкѣ. Та высунула ему языкъ, и скрылась въ дальнемъ углу полатей.

Наступило 3 февраля, день имянинъ Семена Иваныча, который онъ справлялъ съ особеннымъ торжествомъ. До первыхъ пѣтуховъ поднялась Аксинья, затопила печь, и началась стряпня при помощи сосѣдки, нарочно приглашенной для этой цѣли. Хлопотъ было куча; нужно было въ одно время варить, печь, жарить, мясо рубить, рыбу чистить, смотрѣть, чтобы «тѣсто не ушло», а тутъ безпокойный ребенокъ пищитъ, и Тимофѣевна никакъ не можетъ управиться съ нимъ.

Часовъ въ десять начали собираться гости. Первымъ пріѣхалъ батюшка съ дьячкомъ, и отслужилъ молебенъ. Семенъ Иванычъ, еще наканунѣ, въ Срѣтенье, бывши у обѣдни, пригласилъ ихъ «хлѣба соли откушать у имянинника». Потомъ пришелъ кумъ—старшина съ женой, поздравилъ съ днемъ ангела, подошелъ на благословеніе къ священнику, и объявилъ, что слѣдомъ за нимъ будетъ волостной кандидатъ, прибывшій въ деревню по какому-то порученію отъ участковаго засѣдателя. Пріѣхалъ Павелъ Павлычъ со сватьей, собралось еще нѣсколько человѣкъ крестьянъ-односельцевъ изъ болѣе или менѣе зажиточныхъ; или пользующихся вѣсомъ и значеніемъ. Тимофѣевнѣ, за недосугомъ Аксиньи, было предоставлено въ этотъ день ея старое право—принимать и угощать женщинъ. Наряженная въ новый головной платокъ, привезенный Андреемъ, въ парчевой «телогрѣйкѣ,», шерстяной юбкѣ, новенькихъ «ичигахъ», она засѣдала съ гостьями за перегородкой, отвѣчая на всѣ вопросы первоначально словомъ: «ась?» до тѣхъ поръ, пока окончательно не вслушивалась въ смыслъ спрашиваемаго. Вообще она имѣла очень благообразный старушечій видъ. Феклушку отецъ насильно усадилъ нянчится съ ребятами, пригрозивъ ей ремнемъ. Ан-

дрей, нелюбившій никакихъ торжествъ и церемоній, съ утра куда-то скрылся, а Иванъ смиренно сидѣлъ въ уголкѣ, откланиваясь гостямъ на поздравленія его «съ имянинникомъ».

Сватья Петровна не утерпѣла, чтобъ не юркнуть въ избу повидаться со своимъ сокровищемъ—дочкой.

— Здраствуй, Оксинька! цаловала она дочь.—Съ имянинникомъ! А!.. да ты въ обновѣ, съ обновой тебя!

— Свекоръ подарилъ! шепнула Аксинья.

— Не-у-же-ли? вотъ оказія-то!

— Чистая оказія! Мужъ чуть не прибилъ—приревновалъ къ отцу.

— Ахъ онъ негодный! Да что онъ, сдурѣлъ, что-ли?

— Кто его знаетъ? Иди, мама, въ горницу, нѣкогда,—послѣ обѣда поговоримъ. Хватятся тебя тамъ,—мнѣ опосля достанется.

— Иду, иду! И Петровна, еще разъ на лету чмокнувъ дочку, быстро скрылась изъ избы.

Угощеніе началось, по обыкновенію, «байховымъ» чаемъ. Аксинья, какъ-будто чутьемъ, угадывала положеніе въ обществѣ и значеніе гостей, и обносила чаемъ съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ мѣстничества, которое до сихъ поръ не вывелось въ Прибайкальи; да впрочемъ и сами гости старались садится по рангамъ и занимаемому ими положенію, а если кто затруднялся въ выборѣ мѣста, то къ услугамъ его являлся тотчасъ-же хозяинъ, и усаживалъ, куда подобаетъ, по чину или состоянію.—Передъ обѣдомъ Семенъ Иванычъ предложилъ всѣмъ выпить: батюшкѣ поднесъ «померанцовки», кандидата угостилъ «наливочкой», Павлу Павлычу предложилъ «теперифцу», остальнымъ гостямъ поднесъ обыкновенной очищенной. Взявши рюмку, гость вставалъ, кланялся хозяину, и проговоривъ обычное: «со днемъ ангела», или просто—«съ ангеломъ!» выпивалъ, и непремѣнно до чиста, потому что не допить поздравительную рюмку у имянинника,—считается неприличнымъ. За перегородкой Тимофѣевна тоже

занималась угощеніемъ, но тутъ хлопотъ было гораздо больше, такъ какъ гостьи оказались гораздо церемоннѣе своихъ сожителей. Наконецъ, начался и самый обѣдъ. Разнообразныя кушанья, которыхъ было въ теченіи обѣда перемѣнъ до пятнадцати, подавались всѣ заразъ: сначала разныя холодныя: студень, бужанина (свинина), разварная рыба, окрошка, похлебки изъ говядяны, баранины, козулины, потроховъ, рубцовъ, дикихъ гусей и утокъ, запасенныхъ еще съ прошлой осени; затѣмъ не менѣе разнородныя жаркія и въ заключеніе каши и кисель съ молокомъ и медовой сытой. Семенъ Иванычъ не садился за столъ, но передъ каждой перемѣной обносилъ гостей по «рюмочкѣ».

— Померанцовки-то, батюшка! кланялся онъ; — нарочно съ парнемъ «въ городъ» заказывалъ. — Наливочки, ваше почтеніе! обращался онъ къ волостному кандидату. — Сватушка, тенерифцу-то! вы вѣдь окромя винограднаго не употребляете — городской житель! Пожалуйте, гости, прошу покорно! безразлично обращался Семенъ Иванычъ къ прочимъ гостямъ.

По окончаніи обѣда послѣдовало опять обычное угощеніе чаемъ «на верхосытку», и гости, распрощавшись съ имянинникомъ и его семействомъ, начали расходится и разъѣзжаться всѣ за разъ. Остался только по усиленной просьбѣ Аксиньи сватъ съ Марьей Петровной.

Послѣ отъѣзда гостей усѣлись за домашній, семейный, обѣдъ, за который, но смотря на продолжительныя отнѣкиванія и пренирательства, опять усадили сватью Петровну. Ради именинъ, — все женское населеніе избы участвовало за общимъ столомъ, тогда какъ въ обыкновенное время женщины обѣдали и пили чай отдѣльно «въ кутѣ». Даже Феклушку помѣстили между Тимофѣевной и сватьей, но она никакъ не могла управится съ вилкой, а потому и начала отправлять въ ротъ куски холоднаго и жаренаго запросто руками. Семенъ Иванычъ, воздерживавшійся при гостяхъ къ концу обѣда замѣтно «пересолилъ», да на грѣхъ, вскорѣ послѣ обѣда, прі-

ѣхалъ сельскій учитель, нѣкогда бывшій менторомъ Андрея, лицо не послѣднее въ циклѣ мѣстной арстократіи, любившій «изрѣдка курнуть горячаго до слезъ», но впрочемъ весьма усердно исполнявшій свою обязанность, и пріобрѣвшій любовь крестьянъ за простоту обращенія съ ними. «Смиренъ только больно!» отзывались они о немъ; «ребятишки совсѣмъ избаловались; бывало старый учитель безъ розги въ рукахъ въ училище не войдетъ, а этотъ—пальцемъ никого не тронетъ». Именинникъ, прилегшій было послѣ обѣда отдохнуть не много, услыхавъ о пріѣздѣ учителя быстро соскочилъ съ постели, надѣлъ плисовую куртку и вышелъ въ сѣни встрѣчать нежданнаго гостя. Впрочемъ, онъ не столько радъ былъ прибытію гостя, сколько представлявшемуся удобному случаю выпить съ кѣмъ-нибудь, такъ какъ напиться одинъ Семенъ Иванычъ все-таки совѣстился и сватьи Петровны, и собственной семьи.

— Дорогому гостю! раскланивался онъ на поздравленія учителя;—а что-же къ обѣду не пожаловали?

— Нельзя, батюшка, обязанность, занятія. Начальство взыщетъ, да и самому грѣхъ! внушительно проговорилъ учитель.

— Пожалуйте, проходите! Аксиньюшка!

Но Аксиньюшка и безъ зова знала свое дѣло. Вскорѣ на столѣ опять появились разныя яства и напитки, и началось дружеское угощеніе и бесѣда, на которую вскорѣ заявился и сельскій писарь въ сопровожденіи кандидата по сельскомъ старшинѣ. Семенъ Иванычъ былъ радъ гостямъ.

Уже совершенно стемнѣло, когда разъѣхались гости, оставивъ Семена Иваныча порядочно охмѣлѣвшимъ. Аксинья зажгла фонарь и ушла въ погребъ, уложить остатки имянинпаго обѣда. Ивана не было дома. На обратномъ пути въ избу, она задула свѣчу, и вошла въ темныя сѣни. Вдругъ она почувствовала, что кто-то крѣпко схватилъ ее за талію: въ воображеніи ея мелькнули разбойники, и она вскрикнула отъ

ужаса. Въ отвѣтъ на крикъ ея изъ избы раздался только плачъ ребенка и ворчливое убаюкиванье Тимофѣевны.

— Кто тутъ? едва могла прошептать она, дрожа отъ страха всѣмъ тѣломъ.

— Это я, свекоръ... Не бойся, Аксиньюшка!

— Что вы тутъ шарите? перепужали до смерти! освобождалась Аксинья отъ его желѣзныхъ объятій.—Я мужу пожалуюсь, что вы проходу не даете! я завтра домой уѣду!

— Не ѣзди, Аксинья, ради Бога не ѣзди! Я... я... я тутъ доху искалъ! бормоталъ полупьяный Семенъ Иванычъ.

— Какая тутъ доха, да и куда теперь въ дохѣ? Идите, ложитесь спать. Какъ вамъ не совѣстно!

Въ Аксиньѣ изчезла вся ея прежняя робость; она даже почувствовала презрѣніе къ свекру. Въ сердцахъ она напустилась на Тимофѣевну.

— Вы, маменька, только, спите, а ребяты голосятъ на всю деревню. Когда это вы выспитесь?

— И такой-то неспокойный ребенокъ, твердила свое Тимофѣевна;—брюшко что-ли болитъ али грыжа!?

— У самой-то у тебя грыжа! сердито проворчала Аксинья, оттѣсняя старуху отъ зыбки, и взявъ ребенка на руки, который тотчасъ и умолкъ.

— И куды это могла доха дѣваться? слышалось изъ избы безсвязное бормотанье укладывавшагося спать Семена Иваныча.—Удивительно! искалъ, искалъ, а все нѣтъ дохи.

Вскорѣ онъ захрапѣлъ. Аксинья рѣшила никому не говорить о происшедшемъ.

Тяжело было на завтра похмелье Семена Иваныча, тяжело не тѣмъ, чтобы у него голова особенно трещала,—а воспоминаніемъ о вчерашнемъ вечерѣ. Онъ не могъ поднять глазъ на Аксинью, да и та не смотрѣла на него. «Сказала она мужу или нѣтъ?» не отступно вертѣлся вопросъ въ головѣ у Се-

мена Иваныча,—но Иванъ пилъ чай съ такимъ смиреннымъ видомъ, безъ всякой тѣни подозрѣнія на лицѣ, что отецъ понемногу успокоился. Унизиться до интимнаго объясненія съ сыномъ, да еще о такомъ щекотливомъ предметѣ, какъ вчерашнее происшествіе—это было выше силъ Семена Иваныча. «Ну, а если разскажетъ матери!» думалъ онъ; «это еще хуже!» Онъ зналъ хорошо характеръ сватьи, ея безграничную любовь къ дочери, зналъ, что она не поцеремонится при постороннихъ высказать въ глаза всю матку-правду, если только дѣло коснется ея дорогой дочки, и рѣшился не пускать пока до масляницы Аксинью домой. «Авось забудется: до масляницы, почитай цѣлый мѣсяцъ остается!» думалъ онъ. «И сунуло-же меня вечоръ стараго чорта съ пьяныхъ глазъ? Ахъ дуракъ, дуракъ!» шепталъ онъ про себя, запуская съ досады пальцы въ волосы.

«Что мнѣ дѣлать! Господи, что я стану дѣлать?» тосковала въ свою очередь Аксинья! «Сказать мужу—проку не будетъ, еще запьетъ пожалуй; мамѣ сказать, та не утерпитъ, непремѣнно исторію заведетъ. Нѣтъ, ужь лучше молчать посмотрю, что дальше будетъ».

Но дальше, вплоть до самой масляницы ничего особеннаго не было. Только отношенія свекра къ Аксиньѣ сдѣлались замѣтно серьезнѣе и холоднѣе. Онъ уже не называлъ ее по прежнему Аксиньюшкой, а говорилъ или приказывалъ просто: «эй, подай, или принеси то-то, или сдѣлай то-то!» Аксинья даже рада была этой перемѣнѣ. «Видно, тогда пьяному ему на умъ-то дурь пришла!» думала она. Зорко слѣдилъ Семенъ Иванычъ, во время пріѣздовъ Петровны, за Аксиньею, опасаясь, не проговорится-ли она о прошломъ, но Аксинья молчала, а сватья, не подозрѣвавшая ничего, беззаботно проводила у дочки день, и прощалась съ такимъ радушіемъ, что Семенъ Иванычъ къ масляницѣ совершенно успокоился. «А соколъ—невѣстка, не выдаетъ!» заключилъ онъ. Иванъ втихомолку, началъ наблюдать за отцемъ. Въ немъ зароди-

лось еще неиспытанное имъ чувство—ревность, да и къ женѣ своей онъ почувствовалъ какое-то особое влеченіе, не то чтобы любовь, а скорѣе нѣжность.

Дождались масляницы. Въ послѣдній прощеный день, въ воскресенье, Аксинья наконецъ получила разрѣшеніе Семена Иваныча на побывку къ своимъ—проститься. Иванъ, не смотря на нежеланіе ея, вызвался сопутствовать женѣ, представляя въ резонъ тѣ причины, что онъ давнымъ-давно обѣщался тещѣ побывать у нихъ, что наступаетъ великій постъ, и что если не съѣздить теперь, то до пасхи врядъ-ли придется.

— Въ кои-вѣки отпросишься, ворчала Аксинья,—и то съ провожатымъ. Какъ же, бѣда какъ тамъ будутъ ряды дорогому гостю!

— А съ отцомъ ѣздила—такъ рады были? Видно отецъ-то дороже мужа? присталъ къ ней Иванъ.—Что ты фанаберію на себя напускаешь, зазналась больно! Я тебѣ для прощенаго дня такую таску задамъ, что до пасхи не забудешь! Не посмотрю на отца: я тебѣ хозяинъ, а не отецъ. Понимаешь?

Однако тѣмъ ссора и кончилась. Всю дорогу ѣхали молча. Разсерженный Иванъ то и дѣло понукалъ и безъ того бойко бѣжавшую пару лошадей, такъ что часа черезъ полтора они уже подъѣзжали къ воротамъ дома Павла Павлыча. Аксинья, какъ оказалось, ошиблась въ своемъ разсчетѣ: пріѣзду Ивана обрадовались почти столько же, какъ и ей самой. Разцѣловавъ дочку, Петровна исключительно занялась рѣдкимъ гостемъ, осмотрѣвъ предварительно со вниманіемъ его нарядъ. А одѣтъ Иванъ былъ щеголевато? распоясавшись и снявъ шинель крестьянскаго сукна и теплую шапку, съ широкимъ бобровымъ околомъ, онъ остался въ плисовой курткѣ, изъ подъ которой шла на выпускъ до колѣнъ красная кумачная рубаха, обшитая по подолу чернымъ шнуркомъ; цвѣтной однобортный жилетъ съ блестящими металлическими пуговками

былъ застегнутъ подъ самымъ подбородкомъ, плисовые шаровары запущены за длинные голенищи новыхъ кунгурскихъ сапогъ; шелковый голубаго цвѣта поясокъ завязанъ на боку бантомъ. Вообще Петровна осталась вполнѣ довольна и нарядомъ, и наружностію зятя.

— Ужь больно спѣсивы, Иванъ Семенычъ, о праздникахъ не пожаловали! начала она:—да вотъ и женушку-то не пускаете.

— Я не держу ее! оправдывался Иванъ! — и сегодня къ вамъ силкомъ пріѣхалъ, чуть не подрался съ ней: не беретъ, да и только!

— Вретъ онъ, мама! я его насилу вытащила. Говорю ему: «если теперь не поѣдешь, такъ когда-же? въ чистый понедѣльникъ что-ли, али на страстной недѣли? шутила Аксинья, сдѣлавшаяся у «своихъ» совершенно развязною, такъ какъ здѣсь она не боялась ни выговоровъ, ни побоевъ.—Чего-же, мама, не подчуешь гостей-то, али «хворосты» *) бережешь? завтра постъ, кто ихъ будетъ ѣсть?

— А «братскіе-то» **) на что? придутъ не бойсь! «Дай скажутъ, Петровна, въ рукахъ много, во рту мало!» У Павла Павлыча «дружковъ-то» мало-ли изъ братскихъ?

Толстая Пелагея, пыхтя и отдуваясь, принесла громадный самоваръ, шумѣвшій и пыхтѣвшія пары, какъ маленькій пароходъ, поставила чайникъ и чашки, и скрылась за перегородкой въ кути. Петровна, второпяхъ, приняла Ивана по родственному, за-просто въ избѣ, и только теперь спохватилась, что не соблюла должныхъ церемоній при рѣдкомъ для нея визитѣ зятя.

---

*) Хворосты и розочки — особый родъ сдобнаго печенья, изготовляемаго въ маслѣ изъ крупчатки или пшеничной муки, исключительно на масляницѣ.

**) Бурятъ въ просторѣчіи зовутъ „братскими“. „Дружки“—знакомые, пріятели.

— Палашка! кликнула она:—неси самоваръ въ горницу! Ахъ, я, слѣпая, обрадовалась, да и не вижу, что гости-то въ избѣ сидятъ.—Неси, неси.

— Полно, мама, что за церемоніи? Не велики гости, и въ избѣ посидимъ. Не тронь Пелагея, самоваръ не шевель! Пусти, мама, я сама буду чай наливать; поди лучше, неси хворосты.

Черезъ минуту на столѣ появилась тарелка, наполненная на полъаршина вышины, «хворостами и розками», а когда окончилось чаепитіе, то тарелка оказалась пустою, и Петровна даже предложила принести другую, но гости благоразумно отказались, отзываясь, что «тогда обѣдать будетъ не во что!» Видно, правду бурята говорятъ, что «въ рукахъ много, а во рту мало», если въ какіе-нибудь полчаса невзыскательные гости истребили чуть не полсотни хворостовъ, позавтракавъ предварительно дома, да еще кромѣ того расчитывая на предстоящій обѣдъ.

Къ обѣду пріѣхалъ Павелъ Павлычъ, не упускавшій и въ праздники случая завершить какую-нибудь выгодную сдѣлку, или заключить подрядъ. Онъ поцѣловалъ дочь, чинно раскланялся съ Иваномъ, спросилъ о здоровьѣ свата и домашнихъ, и велѣлъ подать что нибудь закусить передъ обѣдомъ; но зять, къ удивленію всѣхъ, отъ закуски и выпивки отказался.

— Доброе дѣло, не неволю! ну, такъ давайте обѣдать? проговорилъ Павелъ Павлычъ.

Обѣдъ состоялъ изъ холоднаго рыбнаго «тѣльнаго», налимьей ухи, хайрюзовъ, зажаренныхъ на скоромномъ маслѣ и облитыхъ яйцами, и неизбѣжныхъ во время масляницы блиновъ. Не смотря на недавнее истребленіе хворостовъ, гости не отказывались ни одного изъ подаваемыхъ Пелагеею блюдъ, и поѣли вплотную, такъ что Ивана вскорѣ началъ клонить сонъ. Петровна замѣтила это.

— Ты бы, Иванъ Семенычъ, прилегъ на часокъ, отдох-

нулъ; у меня Павелъ Павлычъ постоянно послѣ обѣда отдыхаетъ. Проходи въ горницу, тамъ и постель постлана, а я, покамѣстъ спишь, съ Аксинькой потолкую.

Иванъ отнѣкивался, увѣряя, что ему спать нисколько не хочется, хотя слипавшіеся глаза доказывали противное.

— Полно, перестань врать-то, вишь, глазки-то на сѣдало садятся. Проходи, а не то вѣдь я по-свойски!—И безъ дальнихъ разговоровъ, она, взявъ его за руку, выпроводила изъ избы въ горницу, и почти насильно уложила «отдохнуть». Павелъ Павлычъ уже храпѣлъ.

Возвращаясь въ избу, Петровна завернула въ «казенку» (чуланъ), нагребла изъ мѣшка на одну тарелку кедровыхъ орѣховъ, а на другую, изъ лукошка, мерзлой брусники, пересыпала послѣднюю толченымъ сахаромъ, и начала угощать свою милую дочку.

— А у меня курицы начали нестись! сообщила она въ родѣ новости Аксиньѣ. Та съ своей стороны, тоже передала ей какую-то хозяйственную новость, и въ подобномъ тонѣ разговоръ продолжался до пробужденія «отдыхавшихъ», и до подачи Пелагеею самовара. Аксинью такъ и подмывало разсказать матери о вечерней встрѣчѣ со свекромъ, въ темныхъ сѣняхъ, но она сдержалась. «Нѣтъ, промолчу лучше», подумала она: «посмотрю, что дальше будетъ!» — и промолчала, хотя молчаніе стоило ей чрезвычайныхъ усилій.

Послѣ чаю стали прощаться. Аксинья поклонилась родителямъ въ ноги, и по три раза поцѣловала каждаго. Иванъ раскланялся просто безъ колѣнопреклоненія и поцѣлуевъ' проговоривъ только: «простите меня, грѣшнаго»! на что получилъ отвѣтъ, сопровождаемый тоже поклономъ: «и насъ грѣшныхъ прости!» Затѣмъ, снарядившись окончательно и распрощавшись обыкновеннымъ порядкомъ, то есть, поблагодаривъ за угощеніе, и пригласивъ жаловать къ себѣ, гости выѣхали во свояси, провожаемые до воротъ Петровной.

— Свату, сватьѣ поклонъ! кричала она имъ вслѣдъ:—ребятишекъ поцѣлуй за меня.

— Вѣдь чѣмъ не мужикъ, молодецъ—молодцомъ, ужь никакъ не чета рыжему своему братцу, — да вотъ поди ты! одинъ грѣхъ все дѣло путаетъ... задумчиво говорилъ про зятя Павелъ Павлычъ.

— Да, вотъ поди ты! вторила ему Петровна;—что станешь дѣлать? ничего не подѣлаешь...

Пріѣхали домой засвѣтло. Семенъ Иванычъ былъ «навеселѣ», и встрѣтилъ пріѣхавшихъ на крыльцѣ.

— Ай, да гуляки, можно впередъ «отпускать». Шутка-ли, цѣлый день съ самаго утра! Стой, не выпрягай коней! Андрюха! кликнулъ онъ.

— Ну, послышался голосъ изъ избы.

— Экой медвѣдь! ну!.. передразнилъ его отецъ. — Чего сиднемъ сидишь? поѣзжай, прокати Феклушку, теперь масляница; вонъ сколько народу по рѣчкѣ катается.

— Не поѣду я, чего коней даромъ гонять, и безъ того на нихъ два конца сдѣлали! угрюмо отозвался Андрей.

— Не поѣдешь?.. ну, такъ я самъ поѣду. Феклушка, одѣвайся, живо!

Какъ стрѣла соскочила Феклушка съ полатей, обвязала голову братнинымъ иркутскимъ подаркомъ, надѣла Тимофѣевнину «кацавейку» (коротенькая шубка на заячьемъ мѣху), подпоясалась «запономъ», и минуты черезъ двѣ катила уже съ Семеномъ Иванычемъ на вспаренныхъ лошадяхъ во весь духъ по начавшимъ чернѣть отъ мартовскаго солнышка кривымъ улицамъ селенія. Семенъ Иванычъ строго соблюдалъ обычаи старины, и не прокатиться на масляницѣ считалъ почти грѣшнымъ дѣломъ. Стемнѣло, когда они воротились, поужинали, и начался финалъ масляницы—прощаніе. Андрей, косо смотрѣвшій на всѣ обычаи старины, послѣ ужина тотчасъ-же куда-то ушелъ; Феклушка, еще до ужина, забралась

на полати, и спала крѣпкимъ сномъ. Приплелась изъ кути Тимофѣевна и бухнула мужу въ ноги.

— Прости меня, грѣшную! послышался ея дребезжащій голосъ.

— Богъ проститъ! отвѣчалъ Семенъ Иванычъ, приложившись три раза губами къ ея сморщеннымъ щекамъ. Она усѣлась подлѣ мужа. Затѣмъ Иванъ поклонился отцу и матери, проговорилъ обычную фразу, по три раза приложился къ щекамъ родителей и отошелъ въ сторону. Наступила очередь Аксиньи. Робко поклонилась она свекру, проговоривъ: «простите тятенька»! потомъ свекрови, поднялась на ноги, и быстро направилась въ куть.

— Куда. Куда?.. загремѣлъ Семенъ Иванычъ.—Такъ, что-ли, прощаются, не видала развѣ? чтожь не поцѣловала?

Дѣлать было нечего; обычай требовалъ соблюденія извѣстныхъ формальностей. Бѣдная Аксинья подошла къ свекру, онъ всталъ. Раздались три звонкіе, крѣпкіе поцѣлуя, такъ что Аксинья невольно всыхнула, и забыла даже поцѣловаться со свекровью. Ивана такъ и покоробило, такъ и кольнуло подъ самое сердце; онъ поблѣднѣлъ.

— Ты, ужь, тятька, больно тово... крѣпко цѣлуешься? замѣтилъ онъ.

— А тебѣ, никакъ, «забѣдно» стало? Тебя, небойсь, не поцѣлуютъ такъ?

— Забѣдно, не забѣдно, а эдакъ чужую жену цѣловать не пристало. Вонъ мамку и цѣлуй.

— Было время, и мамку цѣловали, а теперь невѣстку цѣлуемъ. Эхъ, ты, глупая голова, туда же ерохорится. — Ну, простите и меня! вдругъ перемѣнилъ разговоръ Семенъ Иванычъ и направился спать.

Скоро и всѣ улеглись. Не спалось Аксиньѣ, поцѣлуи свекра такъ и горѣли у нея на губахъ, въ ушахъ еще раздавался отголосокъ отъ звонкаго чмоканья. Поворачивался съ боку на бокъ и Иванъ.

— Аксинья! прошепталъ онъ:—спишь, али нѣтъ?

— Нѣтъ, не сплю, а что?

— Ты не примѣтила? отецъ-то съ ума по тебѣ сходитъ.

— Да въ первый разъ, что-ли? Не въ перво́й!..

Она рѣшилась разсказать мужу о происшествіи на именинахъ.

— Какъ не въ перво́й?.. вскочивъ съ постели, дрожащимъ голосомъ прошепталъ Иванъ.—Отчего-жь ты раньше не сказала?

— Да тебѣ хоть говори, хоть нѣтъ, все одинъ толкъ, Помнишь, объ именинахъ вечеромъ, когда ты пошелъ писаря пьянаго провожать,—ходила я на погребъ. Иду назадъ, фонарь загасила, въ сѣняхъ темень такая. ничего не видать. Вдругъ меня кто-то ухватилъ; я думали — воры, задушатъ, перепужалась до смерти, закричала, слышу—тятинька, «доху, говоритъ, ищу», а самъ меня не пущаетъ. Насилу вырвалась.

— Ну, а больше ничего не говорилъ?

— Больше ничего. Только я давно боюсь его, съ самаго рождества, какъ онъ пить началъ. Прежде, бывало, все урви да подай, безъ браннаго слова часу не проходило, а теперь совсѣмъ другой! Позапрошлый разъ, какъ къ обѣдни безъ тебя ѣздили, я, бѣда, боялась.

— Чего?

— Да такъ... Кто его знаетъ, что у него на умѣ? неровенъ часъ, долго-ли до грѣха! Вишь, какой онъ здоровякъ.

— Ну, ладно, спи; спасибо, что сказала; завтра узнаемъ все дѣло.

Но ни онъ, ни Аксинья, не могли уснуть всю ночь. Только одинъ Семенъ Иванычъ спалъ богатырскимъ сномъ, да безпокойный ребенокъ изрѣдка плачемъ своимъ нарушалъ ночную тишину, причемъ раздавалось ворчанье Тимофѣевны.

— Да уснешь-ли ты? ахъ, ты, Господи Боже мой! Брюшко, что-ли, у тебя болитъ, али грыжа? о-о-о-о-о! укачивала

она, при чемъ тонкій шестъ, къ концу котораго была прикрѣплена зыбка, издавалъ жалобный скрипъ, какъ-бы вторя убаюкиванью Тимофѣевны.

Съ наступленіемъ великаго поста и домашняя обстановка измѣнилась, приняла дѣловой озабоченный видъ. Каждый былъ занятъ чѣмъ нибудь: Семенъ Иванычъ «садилъ» сѣть; Иванъ разбиралъ громадный неводъ, раздѣляя его по частямъ «на столбы»; Феклушку усадили навязывать чулки, Аксинья топила баню: даже Тимофѣевна, не оставляя своего прямаго занятія—няньчится съ внучатами,—сучила моты изъ домашняго конопля. Андрей, задолго до свѣту, уѣхалъ верстъ за десять устанавливать ямы для ловли козъ и изюбрей. Иванъ нѣсколько разъ прокашливался, но затруднялся, какъ начать ему разговоръ съ отцомъ. Находясь съ колыбели подъ суровымъ гнетомъ родительской власти, въ постоянномъ опасеніи дикихъ порывовъ неограниченнаго семейнаго деспотизма отца,—Иванъ никогда не дѣлалъ попытокъ выйти на самостоятельно-независимую дорогу, и теперь, въ виду предстоящаго щекотливаго объясненія, даже просто трусилъ. Семенъ Иванычъ замѣтилъ его возбужденное состояніе, и самъ вывелъ изъ затруднительнаго положенія, начавъ разговоръ первый.

— Ты чего ежишься? нездоровъ, что-ли?

— Нѣтъ, здоровъ, такъ что-то. Послушай, тятька, мнѣ поговорить съ тобой надо.

— Говори, что за секреты; здѣсь никого лишняго нѣтъ: старуха глуха, Феклушка глупа, никто не услышитъ. Да и что тамъ у тебя за секреты.

— Послушай тятька!.. нерѣшительно началъ Иванъ, и опять замолчалъ.

— Ну, нетерпѣливо отозвался Семенъ Иванычъ.

— Ты... брось мою бабу, оставь, не тронь, не хорошо, грѣхъ! Люди смѣяться станутъ, да и тебѣ не пристало, а мнѣ срамъ!

Слезы дрожали у него въ голосѣ, онъ былъ блѣденъ,

какъ полотно, неводная иголка такъ и тряслась у него въ рукахъ.

— Что, что?!.. Да ты съ чего это взялъ? со сжатыми кулаками подступилъ къ нему Семенъ Иванычъ;—веревку видно забылъ, или совсѣмъ съ ума спятилъ...

— Нѣтъ, тятька, не я съ ума спятилъ, а ты съ ума сходишь. Ты думаешь, что я ничего не вижу, ничего не примѣчаю? ты думаешь, что я не знаю какъ ты ее въ темныхъ сѣняхъ ловилъ? Не зазрясь нисколько—цѣлуешь такъ, какъ и мужъ не цѣлуетъ! Не вижу развѣ я, что вдругъ ты къ ней перемѣнился: и ласковый сталъ, и въ гости пускаешь, и къ обѣдни самъ съ ней ѣздишь, и на платье даришь; а прежде, бывало, и слова путнаго она отъ тебя не услышитъ. Развѣ я слѣпой? а что мнѣ веревка? бей, пожалуй, только было-бы за что. Эхъ тятька, грѣшно, видитъ Богъ, грѣшно!

Семенъ Иванычъ молча отошелъ отъ него; упреки сына были настолько справедливы и такъ неожиданны, что онъ сразу не нашелся, чѣмъ отвѣчать на нихъ. «Прибить его, шельмеца!», думалъ онъ; «въ деревнѣ услышатъ, скажутъ изъ-за невѣстки подрался, сраму одного не оберешься. И откуда онъ узналъ все это?—непремѣнно Аксинья сказала. Ну а если она еще матери дома разсказала?» почесалъ онъ себѣ затылокъ, и крѣпко призадумался. Объясняться со сватьей Петровной, но то, что съ Иваномъ: тамъ веревкой не припугнешь. «Надо допытаться, не проболталась-ли невѣстка своимъ?» рѣшилъ онъ.

— Вошла Аксинья, и по разстроенному виду Ивана тотчасъ сообразила, что вѣроятно произошло объясненіе. Объявивъ, что баня готова, она занялась приготовленіемъ постнаго обѣда изъ разныхъ овощей. На первой, четвертой и седьмой недѣлѣ великаго поста крестьяне не ѣдятъ рыбы.

— Такъ вотъ какъ, Аксинья Павловна, вотъ и пущай васъ къ своимъ! ядовито началъ Семенъ Иванычъ: — только хвосты переносите, да разныя сплетки выдумываете. Вы съ

чего это взяли говорить, что я преслѣдую васъ. ловлю по сѣнямъ, цѣлую крѣпко. ласковый сталъ? Звѣремъ. что-ли, я долженъ быть? Вонъ и мужeнька-то настроили, и онъ ту же пѣсеньку поетъ. Нѣтъ съ вами, видно, добромъ жить нельзя, постоянно васъ надо въ ежевыхъ рукавицахъ держать; чуть только ослабь немного возжи—ну. и пошла писать: и сплетки, и пересуды, и разстройство...

— Да я. тятенька, ей богу. своимъ ничего не говорила, да и чего я буду говорить? оправдывалась Аксинья.

Семену Иванычу только этого и было нужно. Онъ успокоился. «Съ сыномъ еще можно какъ нибудь сладить, ну. а со сватьей—дѣло другаго рода; тамъ ни крестомъ, ни пестомъ не отпенѣгаешься, а ссориться изъ-за невѣстки съизнова—нѣтъ никакого разсчета». Однако. все-таки онъ почелъ не лишнимъ сдѣлать Аксиньѣ приличное внушеніе, чтобы обезопасить себя отъ пересудовъ и неосновательныхъ будто-бы подозрѣній на будущее время и оправдаться нѣсколько въ глазахъ сына.

— То-то не говорила! продолжалъ онъ. — А съ чего же парень-то взялъ? съ вѣтру. что-ли? мало-ли что случается промежъ себя, такъ сейчасъ и нужно всѣмъ и каждому трезвонить. Хоть-бы и тогда, объ именинахъ: я. съ пьяна, въ сѣняхъ доху искалъ. а ты выдумала Богъ знаетъ что. Али къ обѣдни, да къ своимъ свозилъ. такъ и это мнѣ въ вину поставили. У меня чтобы впередъ этого не было. Слышите!— Ну собирай обѣдъ. да надо въ баню идти, масляничные грѣхи обмыть съ себя.

Незамѣтно безъ всякихъ происшествій, протянулось время до пасхи. Ровно и спокойно, какъ заведенные часы, текла обыденная жизнь. Семенъ Иванычъ не придирался къ мелочамъ, не кидалъ на Аксинью огненныхъ взглядовъ, да и она какъ будто забыла о прошломъ, не боялась уже его, какъ прежде. Только одинъ Иванъ мучился тайною ревностью, наблюдалъ скрытно каждый шагъ отца. слѣдилъ за каждымъ его словомъ и взглядомъ. обращеннымъ къ Аксиньѣ. и не замѣ-

чалъ ничего особеннаго. «Невѣсткѣ на отмѣстку!» думала Аксинья, смотря иной разъ, какими подозрительными глазами Иванъ поглядывалъ на отца, при отдачѣ ей послѣднимъ какихъ нибудь хозяйственныхъ распоряженій; «пускай помучится, я два года мучилась!» Ей нравилось и раждающееся расположеніе къ ней мужа, и наружная холодность свекра; она съ искренней материнской любовью проводила цѣлые часы, няньчась со своимъ Ванчуркой, начавшимъ уже бойко ходить, не цѣпляясь за столы и лавки.

— Мама, па! лепечетъ ребенокъ, что на его жаргонѣ означало: «мама, хлѣба!»

— Бѣги къ дѣдушкѣ, онъ дастъ па! отвѣчаетъ мать, спуская его съ рукъ.

— Дѣда па! подбѣгаетъ ребенокъ къ Семену Иванычу.

— Ахъ, ты пузыренокъ! а поцѣлуй, такъ дамъ па! И Семенъ Иванычъ протягиваетъ къ нему свою волосатую щеку; ребенокъ отрицательно мотаетъ головой.

— Ну, такъ нѣтъ тебѣ па! ступай къ отцу.

Иванъ беретъ сына на руки и отправляется съ нимъ въ куть.

— Накорми его, не видишь, что-ли? мѣшаетъ только.

— Тебѣ вѣчно мѣшаютъ! важнымъ дѣломъ занятъ, какъ-же—письмо пишетъ! ворчитъ Аксинья, недовольная тѣмъ, что отецъ не приласкалъ ребенка. Но за то ласки бабушки Петровны, пріѣхавшей въ благовѣщеніе, превосходили всякую мѣру. Она, въ припадкѣ нѣжности чуть не задушила Ванчурку въ своихъ объятіяхъ.

Съѣмъ тебя, такъ-таки и проглочу! говорила она, крѣпко сжимая ребенка. Тотъ барахтался, къ неописанному удовольствію бабушки, на сколько позволяли ему его слабенькія силы, и наконецъ поднялъ ревъ на всю избу.

— Ты, сватья, эдакъ когда нибудь на тотъ свѣтъ спровадишь у меня внука! смѣясь, замѣтилъ Семенъ Иванычъ.— Вишь какой онъ, сталъ какъ ракъ, красный отъ твоихъ нѣжностей!

— Ничего, здоровѣе будетъ; онъ баньки хочетъ! на, мать, бери сына, усыпляй! передавала она ребенка на руки матери.

Пришла и пасха. Еще съ вечера отправился Семенъ Иванычъ съ сыновьями въ приходское село, къ христовской заутрени. Женщины, по обычаю, не ложились всю ночь. По возвращеніи домой отъ заутрени и ранней обѣдни, началось христосованье; Иванъ во всѣ глаза глядѣлъ на отца, когда тотъ, троекратно, самымъ равнодушнымъ образомъ приложился холодными губами къ щекамъ Аксиньи, проговоривъ предварительно: «христосъ воскресе!» и получивъ въ отвѣтъ: «воистину воскресе!»—подалъ въ обмѣнъ красное яичко. «Пропала видно дурь-то!» подумалъ Иванъ, и успокоился, тѣмъ болѣе, что Семенъ Иванычъ въ тотъ же день отправился къ Павлу Павлычу, а на завтра и Аксинья получила разрѣшеніе ѣхать «къ своимъ»—христосоваться.

— Не возьму я тебя! шутила она съ мужемъ, снаряжаясь домой:—ты опять объѣшься да спать завалишься. Теперь хоть хворостовъ нѣтъ, за то яицъ много. Впрочемъ, я спрошу у мамы, не осталось-ли у ней хворостовъ отъ масляницы, можетъ «братскіе» и не всѣ поѣли.

— Давно бы такъ! улыбался на нихъ Семенъ Иванычъ;— а то живутъ, какъ волчата!

— Къ бабушкѣ поѣдемъ! говорила Аксинья, одѣвая Ванчурку въ длинную шерстяную рубашку, поверхъ нижней ситцевой, и натягивая на него самодѣльныя сапожки.

— Тпруа... лепеталъ съ улыбкой ребенокъ, понявшій въ чемъ дѣло.

— Тпруа, голубушка, къ бабѣ—тпруа! И тятю возьмешь съ собой.

— Тятя тпруа... отвѣчалъ онъ.

Собрались, усѣлись въ двухколесную телѣжку и поѣхали. Весна уже повсюду давала себя чувствовать: теплый воздухъ потоками лился съ голубаго неба, яркая зелень пробивалась

вездѣ, гдѣ только стаялъ снѣгъ, да и изъ-подъ снѣга въ иныхъ мѣстахъ выглядывали блѣдно-желтые и лиловые цвѣты «пострѣла» или подснѣжника; жаворонки, стрѣлой падавшіе съ высоты, заливались веселою пѣснею; вереницы дикихъ гусей и утокъ неслись по направленію къ Байкалу; въ воздухѣ пахло какимъ-то особеннымъ весеннимъ здоровымъ запахомъ. Вліяніе-ли пробуждающейся природы, близость-ли свиданія съ родными, только Аксинья была весела, какъ рѣдко бывала, и всю дорогу шутила и трунила надъ мужемъ. По пріѣздѣ «къ своимъ»,—Петровна, по христосовавшись, тотчасъ же завладѣла внукомъ, не смотря на его не желаніе и отчаянный крикъ, а пріѣзжихъ проводила въ горницу, убранную по праздничному на городской манеръ: на полу тюменскіе ковры и дорожки, кровать скрыта подъ кисейнымъ пологомъ, зимнія рамы выставлены, на окнахъ цвѣты, на столѣ, покрытомъ камчатной скатертью, неубиравшаяся въ теченіи всей пасхи, закуска: куличъ, сыръ, яйца, окорокъ ветчины, сливочное масло, паюсная осетровая икра и разныя напитки. Павелъ Павлычъ любилъ щегольнуть хлѣбосольствомъ, поддерживать которое дозволяли ему довольно значительныя матеріальныя и денежныя средства, да и обширныя связи и знакомства заставляли вести жизнь и имѣть обстановку, далеко разнившуюся отъ обыкновенной крестьянской: къ нему и мѣстный исправникъ нерѣдко завертывалъ, и участковый засѣдатель частенько бывалъ, а про волостныхъ начальниковъ и говорить нечего: они при проѣздѣ черезъ село, въ которомъ жилъ Павелъ Павлычъ, считали какъ-бы обязательнымъ побывать у него, былъ ли онъ самъ дома или нѣтъ — это все равно: гостепріимная Марья Петровна никого не отпускала безъ обильнаго угощенія.

— У тебя, мама, не осталось-ли отъ масляницы хворостовъ? спросила Аксинья.

— На что тебѣ?

— Да вотъ мужа едва урезонила ѣхать съ собой! Не по-

ѣду, говоритъ, коли хворостами не накормятъ, да послѣ обѣда спать не уложатъ, какъ «опогдась» (прошлый разъ) въ прощенный день. Я ужь, туда, сюда: «теперь, молъ, не масляница, хвороста не ѣдятъ!»—такъ куда-ты! «не поѣду», да и только—едва уговорила. Пощи-ка, мама, не осталось-ли? можетъ братскіе-то не всѣ поѣли.

Она захохотала. Иванъ тоже смѣялся.

— Ахъ, ты, просмѣшница! надъ мужемъ смѣяться вздумала, безстыжая! Ты ее, Иванъ Семенычъ, хорошенько за это!

— Теперь пасха, драться грѣхъ, замѣтилъ Иванъ.

— Зачѣмъ драться, избави Богъ? съ испугомъ заговорила Петровна. — Меня Павелъ Павлычъ «отродясь» пальцемъ не трогалъ. Нѣтъ ты возьми, да безъ чаю ее завтра до конца обѣдни посади, вотъ и будетъ знать.

— Да я и сама, безъ его приказанья, не буду пить. Что я «братская», что-ли?

Павла Павлыча не было дома. Онъ провелъ дома только первый день праздника, и поспѣшилъ уѣхать «къ морю», торопясь отправить «по послѣднему пути» взятые имъ на доставку «въ городъ» товары, такъ какъ ледъ на Байкалѣ былъ уже плохъ, и даже ходили слухи «о разносахъ». Но привычные прибайкальцы, при переѣздѣ черезъ Байкалъ, бьются до послѣдней крайности, рискуя иногда утопить и лошадей, и кладь, что, впрочемъ, случается очень рѣдко.

День былъ проведенъ довольно весело; Аксинья давно уже не видывала такого дня. Даже не смотря на позднее возвращеніе, и «дома» обошлось безъ выговоровъ, только одна Тимофѣевна поворчала, что «бросать безпокойнаго ребенка, у котораго брюшко болитъ, али грыжа, на цѣлый день—не годится»; но на ворчанье ея никто не обратилъ вниманія.

Послѣ пасхи Семенъ Иванычъ, при содѣйствіи сыновей, и принанявъ двухъ работниковъ, дѣятельно занялся пахотой и посѣвомъ. Съ разсвѣтомъ, забравъ провизіи на цѣлый день,

уѣзжалъ онъ на поле, и возвращался только на ночлегъ. Право посѣва, по обычаю, исключительно принадлежало ему, какъ главѣ семейства, и онъ терпѣливо выжидалъ пока вспашутъ сохой полосу, затѣмъ разбрасывалъ сѣмена, и зорко наблюдалъ, чтобы Ѳеклушка, верхомъ по-мужски на смиренномъ буркѣ, съ привязанною къ боронѣ сзади другою лошадью, правильно заборанивала рыхлую землю, не оставляя прогалызинъ. Прибайкалье еще до сихъ поръ остается въ счастливомъ невѣдѣніи о возможности замѣны человѣческаго труда какими либо машинами: не знаютъ тамъ ни сѣялокъ, ни вѣялокъ, ни молотилокъ, и проч., а при разсказахъ о такихъ диковинкахъ обыкновенно отзываются, что «ихъ-де, молъ, нѣмецъ выдумалъ, такъ пусть онъ ими и орудуетъ; а мы-де, слава-те, Господи, и безъ нихъ хлѣбъ жуемъ, голодомъ не живемъ!»—Аксинья тоже не сидѣла безъ работы, и у нея хлопотъ было не мало: огородъ при домѣ былъ на ея рукахъ. Нужно было вскопать гряды, вырыть лунки, посадить капустную и огуречную разсаду и разные овощи, насѣять маку, бархатцевъ и подсолнечниковъ, устроить въ родѣ бесѣдки тыквенникъ, и все одной, безъ посторонней помощи, такъ какъ Тимоѳеевна нянчилась со внучатами, а Ѳеклушка ежедневно была на полѣ. Такъ, незамѣтно, въ постоянной работѣ протянулось у всѣхъ время до вешняго Николы, когда были получены первыя вѣсти, что «море» почти совсѣмъ очистилось ото льда, и Андрей съ сѣтями исчезъ изъ дому на неопредѣленное время, заказавъ посылать почаще съ попутными хлѣбъ, чай, соль и посуду. Недѣли черезъ полторы послѣ его отбытія, забравъ морскіе невода, выѣхалъ и Иванъ на «карлу» съ Ѳеклушкою и нанятыми работниками. Изъ мужскаго населенія дома остался только Семенъ Иванычъ со внукомъ Ванчуркою.

V.

Однообразно-скучно потянулись длинные лѣтніе дни. Невыносимая духота въ избѣ отъ ежедневно топившейся печи, и тысячи мухъ, не дававшихъ покою, выжили Семена Иваныча въ темныя сѣни, гдѣ было гораздо прохладнѣе и мухъ значительно меньше, да и Аксинью съ Тимоѳеевной и ребятами заставили перебраться въ одинъ изъ порожнихъ амбаровъ. Ничего особеннаго не произошло въ обращеніи свекра съ невѣсткой, только чаще началъ онъ засматриваться на нее, по-долгу неподвижно устремлялъ онъ на нее пронзительный съ огоньками взглядъ, и опять Аксинья чувствовала прежнюю робость, и опять сжималось ея сердце отъ этого огненнаго взгляда. Пойдетъ-ли она въ огородъ поливать капусту и огурцы, огоньки идутъ слѣдомъ за ней, хотя Семенъ Иванычъ безмятежно спитъ въ прохладныхъ сѣняхъ; усадится-ли за зыбку укачивать ребенка, — и опять мучатъ ее эти огоньки. «Господи, думаетъ она въ отчаяніи, хотя бы Иванъ, али мама пріѣхали—все бы легче!» Но Иванъ пріѣзжалъ разъ въ недѣлю, привозилъ отцу свѣдѣніе о ходѣ промысловъ и вырученныя отъ продажи омулей деньги, спрашивалъ Аксинью: «каково живешь?» и получивъ обыкновенный отвѣтъ: «ничего, слава Богу!» забиралъ печеный хлѣбъ, соль, посуду для засола, и уѣзжалъ опять на цѣлую недѣлю, а у мамы Петровны былъ свой огородъ и своя поливка, да и ѣздить ей часто въ такую жару—не приведи Богъ!

Наступилъ Петровъ день, — день именинъ Павла Павлыча. Аксинья, по обыкновенію, послѣ обѣдни начала собирать обѣдъ.

— Напрасно безпокоишься: одѣвайся-ка лучше, да поѣдемъ къ свату на именины, какъ-разъ къ обѣду поспѣемъ, тамъ и разговѣемся! проговорилъ Семенъ Иванычъ.

— Боюсь я, тятенька, не сталъ-бы мужъ ругаться, неравно пріѣдетъ.

— Это еще съ чего выдумала? Смѣетъ-ли? Будь у меня родная дочь, хоть и замужемъ, да не пріѣзжай она ко мнѣ съ поздравкой—съ ангеломъ, такъ я бы ее живую на части разорвалъ. Нечего много разсуждать—одѣвайся, а я пока коня въ сидѣйку запрягу.

Онъ снялъ висѣвшіе на стѣнкѣ въ сѣняхъ хомутъ и крашеную дугу, и вышелъ. Дѣлать было нечего: приходилось одѣваться.

— Ну, что, готова? спросилъ онъ, возвратившись.

— А вотъ, сейчасъ, только Ванчурку одѣну.

— На что Ванчурку?—я его не возьму. Тамъ сегодня народу всякаго будетъ, неравно засѣдатель пріѣдетъ, а можетъ кто изъ купечества завернетъ,—а онъ вдругъ ревъ подыметъ; не нужно Ванчурку, не бери, пусть съ бабушкой домовничать остается. Ну, ѣдемъ.

Онъ осмотрѣлъ запоръ у сундука, обитаго желѣзомъ, въ которомъ хранились деньги и цѣнныя вещи, заперъ ставни на болты и заткнулъ послѣдніе чеками, замкнулъ перегородку у горницы тяжелымъ замкомъ. На домовничанье Тимоѳеевны и Ванчурки надежда была плоха, и вообще Семенъ Иванычъ принималъ подобную предосторожность даже при бытности дома Аксиньи.

Крѣпко не хотѣлось ѣхать ей со свекромъ, но по пословицѣ: «плетью обуха не перешибешь», отказаться было никакъ нельзя, а онъ, какъ нарочно, запрегъ бурку въ тѣсную

«сидѣйку», занявъ при своей значительной тучности довольно порядочно мѣста, такъ что Аксинья, по необходимости, должна была придерживаться за него, изъ опасенія чтобы гдѣ-нибудь при толчкѣ при неровной проселочной дорогѣ не вылетѣть изъ сидѣйки. Впрочемъ, все-таки онъ счелъ не лишнимъ какъ-бы извиниться передъ Аксиньей въ неудобствѣ ея помѣщенія.

— Запрегъ бы я въ телѣжку, такъ тяжело въ одиночку на эдакой жарѣ, а остальные кони, сама знаешь, въ полѣ на пастбищѣ.

Весь дворъ Павла Павлыча былъ заставленъ самыми разнообразными экипажами: тутъ были и «пунктовыя» тройки въ легкихъ тарантасахъ, и тяжелыя телѣжки, и фаэтоны, запряженные парами, и легкія сидѣйки въ одиночку. Семенъ Иванычъ не ошибся въ своемъ предположеніи: гостей была полная горница, а потому кто попроще — стѣснявшіеся присутствіемъ засѣдателя, или не желавшіе почему либо быть на глазахъ у волостныхъ—расположились въ другой половинѣ—въ избѣ, и отчасти въ обширныхъ сѣняхъ. Семена Иваныча, послѣ произнесенныхъ имъ обычныхъ поздравленій, сообразно съ его значеніемъ, и какъ свата, усадили подлѣ волостнаго члена; Аксинья прошла въ другую комнату, гдѣ находились женщины.

— Кто это? спросилъ шепотомъ одного изъ волостныхъ засѣдателей страшный обожатель женщинъ, недавно поступившій на должность, слѣдя за Аксиньей масляными глазами.

— Хозяйская дочь, замужняя...

— Недурна, очень недурна!.. А не тово... не слыхать про нее ничего?

— Избави Богъ! отвѣчалъ шепотомъ волостной.—Чиста, какъ стеклышко!

Петровна «въ хлопотахъ по уши», какъ выражалась сама, наконецъ улучила свободную минуту, чтобъ расцѣловаться и поговорить съ дочерью.

— Каково поживаешь? Здоровы-ли ребятишки? спросила она.

— Все постарому... Ахъ, мама, я опять боюсь его: опять онъ смотритъ на меня также страшно, какъ и прежде; опять я одна съ нимъ дома, мужики всѣ на промыслу: на ночь нарочно крѣпче запираюсь.

— Полно, дурочка, тебѣ все такъ мерещится. Вонъ, посмотри какимъ онъ лазаремъ сидитъ!

Дѣйствительно, Семенъ Иванычъ имѣлъ самый степенный, приличный видъ: благообразное, съ едва замѣтною улыбкою на губахъ лицо, волосы примаслены и лоснятся, борода расчесана, сѣрые глаза не выражаютъ ничего; одѣтъ въ длинной суконной поддевкѣ, а не въ крестьянской шинели, какъ обыкновенно. На вопросы болѣе почетныхъ гостей онъ отвѣчаетъ съ подобающимъ почтеніемъ, даже привстаетъ немного со стула, а къ сидящимъ ниже его обращается не теряя собственнаго достоинства. Смотря на него, никакъ нельзя было подумать, чтобъ въ головѣ его могла таиться какая-нибудь грѣшная мысль.

Обѣдъ накрытъ былъ «съ приборомъ» передъ каждымъ гостемъ, съ настоящими серебряными ложками 84 пробы, хотя большая часть гостей, непривычная къ употребленію ихъ, частенько обжигала губы, и съ удовольствіемъ предпочла-бы простыя, деревянныя. Кушанья подавались не за разъ, а въ одиночку, и первымъ блюдомъ появился имянинный слоеный пирогъ, или, по мѣстному нарѣчію, «курникъ». Водкой по рюмочкѣ тоже не обносили, а каждому гостю предоставлено было подходить къ отдѣльно-стоявшему столику, установленному разнообразными напитками и сухою закускою. Вообще видно было желаніе хозяина придать домашней обстановкѣ городской характеръ, хотя это и не вполнѣ удавалось; такъ, послѣ курника съ цыплятами и мяснымъ фаршемъ, послѣдовалъ пирогъ изъ свѣжей осетрины, и невзыскательные гости, кромѣ засѣдателя и священника, покушали до сыта и курника и осетроваго пирога, и запили домашнимъ пивомъ, вполнѣ увѣренные въ благонадежности своихъ желудковъ.

Послѣ обѣда, не смотря на упрашиванья сватьи остаться, Семенъ Иванычъ тотчасъ-же началъ собираться домой, отзываясь тѣмъ, что дома осталась только старуха со внучатами, что онъ лучше на дняхъ отпуститъ одну Аксинью съ Ванчуркой къ матери. Въ воздухѣ сильно парило, нужно было ожидать грозы.—Не успѣли они проѣхать и половины пути, какъ изъ-за дальнихъ байкальскихъ «гольцовъ» *) начали надвигаться тяжелыя свинцовыя тучи, быстро обхватывая со всѣхъ сторонъ синеву горизонта; рванулъ, клубя по дорогѣ столбы пыли, сильный вѣтеръ; послышались глухіе, отдаленные раскаты грома—и началась гроза.

Аксинья, боявшаяся вообще грозы, и дома, въ избѣ, при первомъ ударѣ грома, обыкновенно прятавшаяся куда-нибудь за печку, въ самый темный уголъ, теперь должна была выдержать ее въ открытомъ полѣ: укрыться было положительно негдѣ, и она, при каждомъ блескѣ и вспыхиваніи молніи, и слѣдовавшемъ затѣмъ громовомъ раскатѣ, невольно жалась къ свекру. А тутъ хлынувшій ливень въ двѣ минуты не оставилъ на нихъ сухой нитки и промочилъ ихъ до костей. Семенъ Иванычъ отъ души жалѣлъ, что не согласился на предложеніе сватьи — остаться, но было уже поздно. Усталый и перемокшій, бурка тащился шагомъ по превратившейся въ лужу грязи дорогѣ, и въ самомъ жалкомъ видѣ, уже по минованіи грозы, пріѣхали они домой. Аксинья, перемѣнивъ одежду, тотчасъ же забилась на полати, укрылась шубой, но это не помогло нисколько; жестокая лихорадка мучила ее; она дрожала всѣмъ тѣломъ, ее попеременно кидало то въ жаръ, то въ ознобъ, зубы стучали у ней. На привычную натуру Семена Иваныча гроза не имѣла никакого вліянія; во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій, онъ прибѣгнулъ къ своему обыкновенному лекарству: выпилъ стаканъ водки съ перцемъ, и

---

*) Гольцами называются снѣтныя, голыя вершины горъ, окружающихъ Байкалъ

черезъ полчаса повторилъ пріемъ. Къ ночи у Аксиньи открылся сильный жаръ и бредъ: лихорадка превратилась въ горячку. Тимоѳеевна пробовала было нашептать на воду, очертила ее углемъ, но мѣра эта не принесла никакой помощи, жаръ и бредъ усиливался, и Семенъ Иванычъ, прогнавъ доморощенную лекарку обратно въ куть, осѣдлалъ отдохнувшую бурку и ночью же пригналъ съ пастбища пару свѣжихъ лошадей. Попросивъ сосѣдку, на время его отсутствія, присмотрѣть за больной, онъ, съ разсвѣтомъ, ускакалъ въ волость, и къ обѣду вернулся съ окружнымъ сельскимъ врачемъ. Неожиданная болѣзнь невѣстки имѣла и на него сильное вліяніе; за одну ночь лицо его сильно осунулось, глаза впали, губы поблѣднѣли,— какъ будто-бы онъ самъ прохворалъ цѣлую недѣлю,— Аксинья находилась въ сильномъ бреду, металась на постели, никого не узнавала.

— Ахъ, Господи—бредила она—да отойдите же, тятенька, что это вы все «жгете» меня? у!.. какіе страшные глаза, такъ огонекъ и блеститъ. Да и у тебя, Иванъ, тоже искорки? Мама, мама! вдругъ вскрикивала она:—дай мнѣ осетроваго пирога, я свекра буду подчивать, онъ любитъ осетрину, онъ и меня тоже любитъ, какъ пирогъ, шептала она.—Уйди, уйди, ради Бога, уйди! безпокойно металась она. У Семена Иваныча волосы поднимались дыбомъ.

— Что, есть-ли надежда, ваше благородіе? спрашивалъ онъ у лекаря.

— Ничего, молода, справится; Богъ не безъ милости! успокоилъ его тотъ, составляя какое-то лекарство изъ привезенной имъ съ собою аптеки.

Услыхала о болѣзни Аксиньи и Марья Петровна. Какъ бурный вѣтеръ влетѣла она въ горницу, гдѣ лежала безъ памяти ея дочь, взглянула на нее, и разразилась громкими рыданіями.

— Все ты виноватъ! напустилась она на Семена Иваныча.—Сколько я упрашивала: останься, останься, погоди немного, паритъ сильно, безпремѣнно гроза будетъ, такъ куда

ты! ишь дома у него пусто, старуху Тимоѳеевну кто-бы не утащилъ. У, изверги!.. только о себѣ и думаютъ! злобно впилась она глазами въ свата. Послѣдній молчалъ.

Съ этого времени Петровна замѣнила дочери сидѣлку. Она забыла все: мужа, домашество, забыла, что хозяйство ея осталось на рукахъ старика Кирилыча и неуклюжей Палашки: здоровье и жизнь дочери были для нея дороже всего на свѣтѣ. Безотлучно проводила она безсонныя ночи у изголовья Аксиньи.

На пятый день Аксинья очнулась.

— Пить!.. едва внятно произнесла она.

Какъ стрѣла кинулась мать къ столу, нацѣдила брусничнаго морсу и поднесла къ губамъ дочери.

— Мама! прошептала та, взглянувъ на Петровну, и опять впала въ забытье.

— Голубушка ты моя, сокровище ты мое! начала было Петровна, но Семенъ Иванычъ насильно оттащилъ ее отъ постели, такъ какъ лекарь строго запретилъ разговаривать съ больной.

— Теперь можно надѣяться! говорилъ лекарь;—переломъ совершился. Мнѣ можно будетъ и порѣже ѣздить, а то такая даль,—два конца въ день.

Семенъ Иванычъ догадался въ чемъ дѣло, сходилъ за перегородку, отперъ сундукъ, и при прощаньи вручилъ мѣстному эскулапу довольно солидный кушикъ. Эскулапъ разсыпался въ благодарностяхъ и уѣхалъ. Черезъ двѣ недѣли Аксинья дѣйствительно была на ногахъ, хотя страшно исхудала и чувствовала общую слабость.

Пора было приступить къ сѣнокосу, запущенному по поводу болѣзни невѣстки.

Нанявъ работниковъ, Семенъ Иванычъ энергически принялся за косьбу и уборку сѣна; но какъ ни спѣшилъ, какъ ни торопился онъ, вставая съ разсвѣтомъ и возвращаясь домой только на ночлегъ,—а раньше втораго Спаса (6 августа) не предвидѣлось возможности покончить съ покосомъ, да и то

въ такомъ только случаѣ, если будетъ совершенно ясная погода. А тутъ отчасти и хлѣбъ выколосился, налился и созрѣлъ, нужно было подумать и о жнитвѣ, о наймѣ заблаговременно жнецовъ и жницъ, такъ какъ со втораго Спаса, съ Преображенья, съ открытія чертовкинской ярмарки большая часть населенія Прибайкалья устремляется на селенговые промыслы, и трудно найти въ это время даже за значительную плату порядочнаго работника. Семенъ Иванычъ крѣпко призадумывался на этотъ счетъ, почесывалъ затылокъ, и наконецъ порѣшилъ прибѣгнуть въ затруднительномъ положеніи къ обыкновенному средству: «сдѣлать помочь», хотя въ душѣ и не считалъ безгрѣшнымъ даровое пользованіе чужимъ трудомъ за стаканъ водки и за чашку чая или кусокъ говядины.

— Вотъ что, Аксинья, началъ онъ: — ты теперь, слава Богу, совсѣмъ поправилась! Онъ устремилъ на нее какой-то особенный, теплый, ласковый взглядъ.—Знаешь что? съ моими работниками мнѣ съ сѣнокосомъ до втораго Спаса врядъ-ли управиться, а тутъ хлѣбъ не ждетъ, того и гляди переспѣетъ, на корню сыпаться начнетъ. «Не съорудовать-ли» намъ въ будущее воскресенье «помочь?» И ты бы поразмялась на воздухѣ, погребла хоть сѣно,—а то совсѣмъ «зачичеревѣла». Какъ думаешь?

— Не знаю, тятенька, какъ сами знаете! послѣдовалъ обычный отвѣтъ.

— Такъ, значитъ, рѣшено! Ты сходи позови знакомыхъ сосѣдокъ, а я оповѣщу кое-кого изъ мужиковъ, да надо будетъ въ «складъ» съѣздить, ведерко водки взять, а ты ужь на счетъ провизіи озаботься, чтобы всего было—«вдосталь».

Въ воскресенье, раннимъ утромъ, уѣхалъ Семенъ Иванычъ на покосъ, захватилъ съ собою ведерную «флягу» съ водкой, кирпичъ чаю, большой «туязъ» (буракъ) кипяченаго молока, и нѣсколько «ковригъ» (короваевъ) печенаго хлѣба, наказавъ Аксиньѣ пріѣхать пораньше, какъ только управится «съ мягкими». По пріѣздѣ на мѣсто, онъ засталъ уже въ балаганѣ

человѣкъ шесть своихъ односельцевъ, прибывшихъ еще съ вечера со своими литовками, горбушами и граблями.

— Здравствуйте, братцы, съ праздникомъ! привѣтствовалъ ихъ Семенъ Иванычъ. — Вотъ, спасибо, не поскучили. Ну, братцы, говорите по правдѣ, кто съ похмѣлья? а потомъ чаевать будемъ, а тамъ съ Богомъ за дѣло!

Мужики, переминаясь съ ноги на ногу, ничего не отвѣчали, почесывали затылки и любовно посматривали на находившуюся въ рукахъ Семена Иваныча «флягу».

— Не рано-ли? замѣтилъ одинъ.

— Э, да вы никакъ въ гости пришли, церемоніи наблюдать вздумали. Начинай-ка Петровичъ!

Семенъ Иванычъ налилъ изъ фляги полную деревянную китайскую чашку, и поднесъ каждому, не забывъ и работниковъ. Всѣ выпили до чиста безотговорочно, не смотря на то, что было даже очень рано.

Громадная «азіятская» чаша клокотала съ кипяткомъ. Семенъ Иванычъ накрошилъ топоромъ кирпичнаго чаю, бросилъ въ чашу, далъ прокипѣть, посолилъ, забѣлилъ изъ туяза молокомъ, и чай былъ готовъ. Вскорѣ начали собираться и прочіе «помочане» — мужчины и женщины. Каждаго вновь прибывшаго Семенъ Иванычъ предварительно знакомилъ съ достоинствомъ содержимаго во флягѣ, поднеся изъ нея полную чашку и напоивши чаемъ, и затѣмъ назначалъ къ какой нибудь косившей или сгребавшей въ копны сѣно группѣ, смотря по возрасту, полу и физическимъ силамъ прибывшаго или прибывшей.

— А ты, Маланья, чего за грабли берешься? шутилъ онъ съ здоровой бабой:—ты вѣдь косишь лучше другаго мужика, любаго за поясъ заткнешь. Поди-ка, вонъ, пройдись съ Максимомъ прокоса два—три, я полюбуюсь.

Мухренькій Максимъ съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на предлагаемую ему товарку.

— Куда намъ за ней гоняться! проворчалъ Максимъ; однако,

взявъ и отбивъ литовку, пошелъ; и, дѣйствительно, не успѣлъ онъ пройти и полутора прокосовъ, какъ Маланья уже закончила свои три.

— Молодецъ—Маланья! потиралъ отъ удовольствія руки Семенъ Иванычъ;—за это тебѣ двойная порція.

— Нѣтъ, теперь не стану, жарко! отвѣчала она, утирая рукавомъ рубахи градомъ струпвшійся съ лица потъ.—Опослѣ, передъ обѣдомъ.

Къ раннему обѣду, часу въ десятомъ, пріѣхала Аксинья, привезшая съ собой цѣлый возъ разныхъ «мягкихъ» припасовъ: говядины, картофелю, кислаго молока, луку, капусты, и проч. День помочи какъ разъ приходился въ «заговѣнье», наканунѣ наступленія «госпожинокъ», или успенскаго поста, а потому Семенъ Иванычъ заблаговременно распорядился, чтобы всего было вдоволь, съ избыткомъ, что пусть лучше останется, чѣмъ недостанетъ. — Аксинья, поздоровавшись съ ближайшими къ балагану группами, тотчасъ же принялась за изготовленіе обѣда, и черезъ часъ помочане сидѣли кружкомъ на травѣ около огромной деревянной чаши, наполненной дымящимися щами. Вліяніе-ли свѣжаго воздуха, непринужденность-ли работы, выпитая-ли въ изрядномъ количествѣ водка,—только обѣдавшіе обладали волчьимъ апетитомъ, такъ что Аксинья начала сомнѣваться, не мало-ли она наварила щей; но щей достало на всѣхъ, и поѣвъ еще кислаго молока съ творогомъ, каждый прилегъ отдохнуть, кому гдѣ заблагоразсудится: кто подъ копной сѣна, кто подъ кустомъ тальника, а кто прямо растянулся на травѣ—на солнечномъ припекѣ. Убравшись съ обѣдомъ, и Аксинья приняла участіе въ помочи, взяла грабли и начала подгребать въ копны подсохшую траву; отъ непривычной работы и отъ солнечнаго жара она раскраснѣлась какъ маковъ цвѣтъ. Семенъ Иванычъ не спускалъ съ нея глазъ, такъ что даже постороннія бабы замѣтили его огненные взгляды.

— Смотри-ка, кума, говорила одна,—какъ свекоръ-то на

Аксинью смотритъ, ровно съѣсть хочетъ. Тутъ чего-нибудь да не ладно!

Послѣ вечерняго чая женщины стали собираться домой, а большая часть подгулявшихъ мужиковъ изъявила желаніе остаться и на завтра, такъ какъ завтра тоже былъ праздникъ — Спасовъ день. Семенъ Иванычъ не жалѣлъ угощенія, и еще передъ чаемъ послалъ верхомъ одного изъ помочанъ въ «складъ» снова за ведромъ водки, такъ что къ вечеру помочь превратилась въ безобразную оргію. Впрочемъ, самъ онъ почти совсѣмъ не пилъ.

— Сходи-ка на рѣчку, принеси свѣжей воды, обратился онъ къ Аксиньѣ, сбиравшейся домой.

— На что вамъ, тятенька?

— Помыться надо, потъ съѣлъ совсѣмъ. Вишь день-то какой жаркій стоялъ.

Ничего не подозрѣвая, Аксинья взяла желѣзное ведро и пошла къ рѣчкѣ, протекавшей въ полуверстѣ отъ балагана и поросшей по берегамъ густымъ тальникомъ. Спустившись съ крутаго берега по узкой тропинкѣ, она, усталая и отъ ходьбы и отъ непривычной гребли сѣна въ теченіи дня — вздумала освѣжиться: разстегнула сарафанъ, развязала вязки у сорочки, и начала мыть голову, лицо и шею. Вдругъ сзади ея раздался шорохъ.

— Аксинья! послышался голосъ свекра.

Она замерла отъ ужаса. Въ воображеніи ея мгновенно промелькнулъ сонъ на новый годъ,—она была одна.

— Тятенька! что вы, Богъ съ вами? дрожа всѣмъ тѣломъ и силясь вырваться изъ его желѣзныхъ объятій, молила Аксинья; — опомнитесь, очурайтесь! Вспомните — я замужемъ... за вашимъ сыномъ... у меня дѣти... Пустите, ради Бога!

Но вдругъ онъ самъ вскрикнулъ и опустилъ руки: Аксинья прокусила ему плечо до самой кости. Какъ серна кинулась она отъ него вдоль по берегу; жидкія вѣтви тальника хле-

стали ее по лицу и обнаженной шеѣ, но она ничего не чувствовала: она слышала только за собою тяжелое пыхтѣнье преслѣдовавшаго ее Семена Иваныча, и ускоряла свой бѣгъ до тѣхъ поръ, пока не запнулась о что-то. Это что-то былъ тяжелый, продолговатый, сучковатый пень, выброшенный наводненіемъ на берегъ. Какъ легкое перышко, какъ послѣднюю надежду на спасеніе, она схватила его въ руки, и остановилась, съ трудомъ переводя дыханіе. Глаза ея сверкали, растрепанные волосы прядями падали на обнаженную грудь и шею, блѣдное лицо было испещрено маленькими темно-синими полосками отъ нахлеставшаго ее во время бѣгства тальника. Изъ кроткой, трусливой Аксиньи вдругъ выросла могучая женщина, женщина, защищающая свою честь. Семенъ Иванычъ, уже нагонявшій ее, невольно остановился шагахъ въ десяти отъ нея.

— Не подходи!.. зашибу!.. еще разъ шагни, и ты не пикнешь! грозно крикнула она.

— А, змѣя подколодная!.. зашипѣлъ онъ; — тѣмъ-то ты платишь за мою любовь, за мои мученія?!.. Сгинь отсюда, чтобъ не видали тебя мои глаза, — проклятая! погубила ты меня! Пропади, чтобъ духу твоего не было!

Онъ плюнулъ по направленію къ ней, злобно свирѣпыми глазами съ зловѣщимъ огонькомъ взглянулъ на нее, и скрылся въ тальникахъ.

Аксинья неподвижно, какъ прикованная, съ пенькомъ въ рукахъ стояла на мѣстѣ. «Такъ вотъ онъ, страшный сонъ», думала она: «вотъ онъ когда сбылся! что я стану дѣлать?»

Начинало темнѣть.

Всю ночь проблудила Аксинья, такъ какъ проѣзжей дорогой не рѣшалась идти, опасаясь преслѣдованій свекра, и только къ разсвѣту вышла къ своему селенію. Ворота были заперты снутра. Она перелѣзла черезъ «заплетъ» во дворъ, и не заходя въ избу прямо пошла подъ «повѣть», сняла изъ-подъ навѣса конскую сбрую, выдвинула телѣжку, поймала

бурку и въ первый разъ въ жизни начала запрягать лошадь: невѣроятныхъ усилій стоило ей затянуть «супонь» у хомута, но все-таки она совладѣла. Затѣмъ постучала въ избу. Послышался продолжительный кашель и хриплый голосъ Тимоѳеевны.

— Кто тамъ?

— Я, невѣстка, Аксинья! отопри, маынька!

— Что больно рано?

— Свекоръ, пьяный, за ребятишками послалъ, соврала Аксинья, тоже, кажется, въ первый разъ въ жизни. — Ты вѣдь знаешь его пьянаго-то? коли захочетъ чего, такъ подавай сейчасъ. Помочане-то и на сегодняшній день остались.

— Оборони Богъ, онъ, пьяный-то! говорила свекровь, помогая Аксиньѣ одѣвать ребятъ. — Такой дурной, бьетъ по чемъ ни попало, не разбираетъ мѣста. «Зимусь», о праздникахъ, вотъ по головѣ ударилъ, по-теперь еще головынька болитъ. О-о-охъ!

— Прощай, маынька! Ты хоть бы ребятишекъ на дорогу поцѣловала.

Аксинья хотя и не питала никакого почтенія къ свекрови, частенько «грызлась» съ ней, но все-таки ей жаль было этой смирной, забитой, безотвѣтной старухи, молча и по большей части безвинно сносившей дикія выходки и побои своего мужа.

— Ну, поѣзжай съ Богомъ, поторапливайся. А то, того и гляди, самъ нагрянетъ; онъ вѣдь взбалмошный: подождетъ, да съ пьяна-то и прикатитъ!

Она проводила Аксинью на крыльцо, чтобы запереть за ней ворота, и тогда только замѣтила, что въ телѣжку былъ запряженъ бурка, стоявшій постоянно дома, когда невѣстка уже выѣхала за ворота и во всю конскую прыть погнала по направленію, совершенно противоположному отъ покоса.

— Куда ты? кричала ей вслѣдъ ошеломленная неожиданностію Тимоѳеевна, но Аксинья была уже далеко. «Чудно́, право!» соображала старуха: «неужели она съ покосу-то пѣш-

комъ прошла? шутка-ли, цѣлыхъ десять верстъ! да и на что на покосъ ребятишки потребовались? кто ей коня запрегъ, и когда?» Эти вопросы сильно безпокоили Тимоѳеевну. «Какъ это я раньше не доглядѣла? Ну и достанется мнѣ теперь отъ самого для праздника!» думала она, запирая на «засовъ» ворота и тяжело вздыхая въ виду предстоявшей невеселой переспективы.

Все еще спало крѣпкимъ утреннимъ сномъ, и въ селеніи и въ домѣ Павла Павлыча, когда Аксинья на взмыленномъ буркѣ не пріѣхала, а прискакала къ воротамъ отцовскаго дома. Опасаясь погони, она гнала во весь духъ всю дорогу. Громко постучала она желѣзнымъ кольцомъ въ калитку; ей отворилъ полусонный Кирилычъ, карауливший дворъ, и протеръ глаза отъ изумленія такому раннему пріѣзду хозяйской дочери, да еще съ ребятами.

— Аксинья Павловна! откуда Богъ несетъ такъ раненько? не случилось-ли чего?

— Спятъ наши? спросила Аксинья, не отвѣчая на его вопросъ.

— Почиваютъ еще.

Но онъ ошибся. Петровна, услыхавъ стукъ въ калитку, осторожно отворила слуховое оконце, выглянула на дворъ, и вскрикнула отъ неожиданности, увидавъ дочь съ дѣтьми. На Аксиньѣ, какъ говорится, лица не было: блѣдная, какъ смерть, съ темносиними полосками на щекахъ и шеѣ отъ нахлеставшаго ее тальника, со впавшими тусклыми глазами, съ потемнѣвшими подглазицами отъ безсонно-проведенной ночи и отъ перенесенныхъ сильныхъ ощущеній, — она больше походила на мертвеца, чѣмъ на живаго человѣка.

— Запри покрѣпче ворота, и никого изъ нашихъ не впускай: ни Семена Иваныча, ни мужа, если пріѣдутъ! говорила тревожно Аксинья Кирилычу, входя на крыльцо.

— Вставай, Павелъ Павлычъ! расталкивала Петровна му-

жа.—Оксинька пріѣхала съ ребятами, видно бѣда какая-нибудь стряслась.

И какъ была—въ одной сорочкѣ, босикомъ, она бросилась отворять дочери сѣнныя двери.

— Мама, спрячь меня куда нибудь, не пріѣхалъ-бы свекоръ! онъ убьетъ меня! дрожащимъ отъ волненія и подступившихъ слезъ голосомъ просила Аксинья. — Ребятъ спрячь отниметъ онъ у меня ихъ.

— Пусть-ка попробуетъ, да я ему всѣ глаза выцарапаю, ожесточилась Петровна;—да я его на порогъ не пущу, ноги! его не будетъ здѣсь въ домѣ. Иди въ горницу, ничего не бойся! Да что у васъ вышло.

— Страсть, мама, бѣда! Какъ еще меня Богъ спасъ?!

И Аксинья съ малѣйшими подробностями разсказала о случившемся вчера, а также и о происшествіи на именинахъ, о чемъ раньше не говорила матери.

— Ахъ, онъ!..

Петровна не могла подобрать самыхъ обидныхъ словъ, какими бы только можно было наградить противнаго Семена Иваныча. Она страдала не меньше дочери.

Вошелъ въ горницу Павелъ Павлычъ, уже умывшійся и помолившійся Богу, въ ваточномъ халатѣ и войлочныхъ валенкахъ Петровна въ азартѣ не замѣчала, что она была въ томъ же нарядѣ, въ которомъ легла съ вечера въ постель, т. е. въ одной сорочкѣ и босая.

— Вотъ погляди, полюбуйся на дочку-то! приступила къ нему Петровна;—вотъ онъ злодѣй, чего понадѣлалъ: на кого она стала похожа, вѣдь краше въ гробъ кладутъ. Ахъ, онъ, варваръ, ахъ, извергъ, ахъ, гнусъ этакой!..

— Да въ чемъ дѣло? кто это онъ? мужъ, что-ли? спросилъ наконецъ Павелъ Павлычъ.

— Какое мужъ, куда этому разинѣ, онъ подъ носомъ у себя ничего не видитъ. Все любимецъ твой, сватушка любезный, еще въ передній уголъ его прошлый разъ посадилъ —

на ряду съ волостными... да я бы ему въ «стойкѣ», въ свинарникѣ съ послѣднимъ поросенкомъ мѣста не дала!

И опять изъ устъ Петровны посыпались самыя обидныя для чести и достоинства Семена Иваныча названія.

— Полно гремѣть-то! прервалъ ее мужъ;—поди-ка сначала пріодѣнься, да прохолонись немного, бывать, горячка-то пройдетъ, да и поговоримъ толкомъ. А то эдакъ мы съ тобой до будущаго заговѣнья протолкуемъ.

Петровна вышла. Павелъ Павлычъ обратился къ дочери.

— Чего такое тамъ у васъ вышло?

По врожденной ли скромности, по чувству ли женскаго стыда, только Аксинья съ малѣйшими подробностями разсказавшая о случившемся матери,—передъ отцомъ не могла вымолвить ни одного слова, и разразилась слезами и громкими рыданіями.

— Ну, полно, не плачь! вотъ придетъ мать, такъ узнаемъ въ чемъ дѣло. Подай-ка мнѣ пока Ванчурку, я его лучше спрошу: кто маму обидѣлъ?

Но ребенокъ произнесъ только энергическое «па!» Вошла Петровна, и кивнула мужу, чтобы онъ вышелъ въ другую. Здѣсь, въ полголоса съ разными варіаціями и добавленіями отъ себя, она разсказала мужу о происшедшемъ, очертивъ личность Семена Иваныча самыми мрачными красками. Во все время разсказа Павелъ Павлычъ потиралъ ладонью правую щеку и високъ, что дѣлалъ исключительно только въ такихъ случаяхъ, когда крѣпко соображалъ о чемъ-нибудь особенно важномъ.

— Дрянь дѣло, говорилъ онъ,—выѣденнаго яйца не стоитъ; не придумаю, право, чего тутъ и дѣлать. Конечно, послѣ всего этого Аксиньѣ вернуться назадъ и думать нечего... Только хлопотъ онъ намъ много надѣлаетъ; вотъ, помяни мое слово, безпремѣнно тягаться начнетъ, — ужь я его знаю. И того парня-то, мужа ее, мнѣ жалко: онъ тутъ ни въ чемъ не

виноватъ. Не взять-ли намъ его въ домъ? вдругъ неожиданно предложилъ Павелъ Павлычъ;—вѣдь онъ, кажись, пересталъ нынче зашибаться?—Пусть тамъ онъ самъ со своимъ «рыжимъ» орудуетъ,—какъ думаете?

Вся семья избѣгала даже произносить ненавистное имя Семена Иваныча, упоминая о немъ только въ третьемъ лицѣ: такъ солоно онъ имъ пришелся.

— Ну, это тоже не разсчетъ! возразила Петровна:—если Ивана въ домъ взять,—то отъ отца не отвяжешься. Да и не посмѣетъ Иванъ уйти, гдѣ ему? онъ хуже мокрой курицы. А какъ на грѣхъ запьетъ еще, да убѣжитъ! Ахъ, ты, Аксинья, Аксинья! несчастливая твоя головушка!

— Вздохами да охами тутъ ничего не поможешь, надо же покончить чѣмъ нибудь! рѣшительно произнесъ Павелъ Павлычъ. — Это ужь рѣшенное дѣло: Аксинья останется у насъ, ребятишки тоже;—ребятъ я никому, ни за что не позволю взять Объ Иванѣ разговоръ впереди: посмотрю, что изъ него выйдетъ, какъ узнаетъ обо всемъ. Ну, а на счетъ того, самого-то,—такъ надо будетъ сегодня же съѣздить въ волость, да у засѣдателя побывать, переговорить обо всемъ лично,—а то онъ накаверзитъ еще чего нибудь. Позови-ка ко мнѣ Кирилыча.

Вошелъ Кирилычъ, помолился въ передній уголъ на иконы и проговорилъ обычное: «Ночевали здорово!» Это былъ еще бодрый старикъ, лѣтъ около 70, совершенно лысый, проживший у Павла Павлыча болѣе двадцати лѣтъ, состарѣвшійся въ его домѣ и пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ своего хозяина.

— Вотъ что, старина! съѣзди ты вотъ къ нимъ (Павелъ Павлычъ указалъ на Аксинью), уведи ихняго коня, да скажи самому, чтобы его нога больше не была въ моемъ домѣ. А она, молъ, Аксинья Павловна, пока съ ребятишками погоститъ здѣсь. Понялъ?

— Какъ не понять: видно черная кошка между ними про-

бѣжала? Ну, а назадъ-то я какъ же! вѣдь пятнадцать верстъ не шутка, а у меня ноги старыя.

— Да, я и забылъ какъ тебѣ назадъ-то. Зайди хоть къ Петрушинскимъ, они отвезутъ; скажи, я просилъ: кладь, молъ, надняхъ будетъ, порядить, молъ, хочетъ хозяинъ. Ну, теперь давайте чаевать. — Эй, ты, молодчикъ! манилъ онъ къ себѣ Ванчурку;—иди скорѣй: «па» дамъ, «чипцы» дамъ.

Къ обѣду воротился съ поля домой Семенъ Иванычъ. Мрачный и угрюмый вошелъ онъ въ избу, и остановился неподвижно при входѣ «въ куть», увидавъ пустыя зыбки. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы робкая Аксинья осмѣлилась бросить домъ, да кромѣ того забрать съ собою и дѣтей. Всю дорогу съ покоса онъ строилъ въ головѣ планъ мщенія ей за вчерашній отказъ, и вдругъ... нѣтъ ни ея, ни внучатъ.

— Гдѣ невѣстка? глухо спросилъ онъ Тимоѳеевну.

— Уѣхамши на покосъ.

— А ребятишки?

— И робятъ съ собой взяла: говоритъ, что съ собой велѣлъ ты привести.

— Да какъ же ты, старая вѣдьма, безъ моего спросу смѣла отпустить ее, да еще съ ребятами?

Онъ хотѣлъ было замахнуться на нее, но лицо его исказилось отъ боли. Рука, прокушенная въ предплечіи, не поднималась выше локтя. Ярость его при этомъ еще болѣе усилилась; онъ пнулъ старуху носкомъ тяжелаго сапога прямо въ грудь, и вѣроятно произошла бы безобразнѣйшая сцена истязанія беззащитной женщины, если бы въ эту минуту, къ счастію Тимоѳеевны, не отворилась дверь и не вошелъ въ избу, крестясь въ передній уголъ, старикъ-Кирилычъ.

— Что тебѣ нужно? зачѣмъ ты? грозно спросилъ его Семенъ Иванычъ, не отвѣчая на здорованье и привѣтствія старика.

*

— Да вотъ Павелъ Павлычъ лошадку вашу прислали, на которой Аксинья Павловна пріѣхамши, да велѣли сказать вамъ, чтобы....

Старикъ замялся и боязливо оглядѣлся. Порученіе было довольно щекотливое, а въ избѣ постороннихъ никого не было, и передъ Кирилычемъ стоялъ, сравнительно съ нимъ, здоровенный мужчина, который, по его соображенію, могъ сдѣлать изъ него и дрова и лучину. По неволѣ призадумаешься.

— Ну, что-же? нетерпѣливо проговорилъ Семенъ Иванычъ; — чего ты испужался? посла вѣдь не бьютъ, не сѣкутъ!

— Да велѣлъ сказать, чтобы вы ужь къ нимъ больше не ѣздили. Серчаютъ они что-то на васъ.

— Такъ-съ? ну, а невѣстка?...

— Аксинья Павловна погостить покамѣстъ съ ребятками останутся.

— Ну, ладно, хорошо. Больше ничего не наказывалъ?— Такъ скажи своему Павлу Павлычу, что онъ самъ ко мнѣ первый пріѣдетъ и накланяется до сыта, да и невѣстку съ ребятами привезетъ. Такъ и передай ему. Прощай!

Онъ раскланялся съ Кирилычемъ и отправился къ куму— старшинѣ въ мірскую избу. Въ мірской сидѣлъ только одинъ писарь; старшины не было.

— Есть у меня маленькое дѣлишко, да не знаю, какъ тебѣ сказать? началъ Семенъ Иванычъ, привыкшій обращаться съ низшими его «фамильярно», тѣмъ болѣе, что писарь когда-то служилъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Невѣстка у меня сбѣжала! проговорилъ онъ, стараясь придать своему лицу хладнокровный видъ.

— Неужели? съ удивленнымъ любопытствомъ воскликнулъ писарь, еще ранѣе Семена Иваныча знавшій объ отъѣздѣ ея изъ деревни.—Что же это она—съ ума сошла? чѣмъ же у васъ было ей не житье?

— Да, вотъ, поди ты?.. Еще не просто сбѣжала, вещи съ собой снесла. Ты такъ и въ «явочную» запиши.

— Неужели? повторилъ писарь.—Вотъ оказія-то!

— Оказія не оказія, а пиши, какъ я тебѣ скажу...

Семенъ Иванычъ, прослуживъ два трехлѣтія старшиной и испытавъ «вся тяжкая», привыкъ къ канцелярскому порядку и офиціальнымъ бумагамъ, хотя самъ и не былъ грамотнымъ.

— Пиши! повелительно продолжалъ онъ, и началъ диктовать: «Сего числа, за небытностію никого дома, сбѣжала неизвѣстно куда съ двумя малолѣтними дѣтьми крестьянская жена Аксинья Павлова, находившаяся въ замужствѣ за крестьяниномъ здѣшняго селенія Иваномъ Семеновымъ Ивановымъ, и снесла съ себой разныя вещи, о стоимости которыхъ будетъ объявлено въ особо поданномъ объявленіи по принадлежности».

— Такъ вы ее полицейскимъ порядкомъ, значитъ, хотите? спросилъ писарь.

— Не мытьемъ, такъ катаньемъ! отвѣчалъ Семенъ Иванычъ.—Пойдемъ-ка, выпьемъ! Ты вѣдь никакъ съ похмѣлья?

— Да куда же пойдемъ? спросилъ писарь, глядя на Семена Иваныча масляными глазами.

— Извѣстно куда, въ кабакъ. Домой что-ли, думаешь, поведу? Дома теперь у меня никого не найдешь: невѣстка сбѣжала, старуха «не можетъ» (нездорова), Ѳеклушка на покосѣ, ребята на промыслу,—и минай всѣхъ, какъ звали! съ горечью проговорилъ онъ.

— А вамъ все-таки попускаться не слѣдуетъ, юлилъ писарь, идя слѣдомъ за Семеномъ Иванычемъ.

Въ кабакѣ было довольно тѣсно, такъ какъ всѣ общественныя дѣла рѣшаются за стаканомъ водки, а въ «мірскую» приходятъ только для рукоприкладства. Сходка была очень оживленная: вопросъ шелъ о нарядѣ одного изъ кандидатовъ по старшинѣ на предстоявшую чертовкинскую ярмарку для

наблюденія, въ числѣ прочихъ, за правильнымъ ходомъ промышленности въ устьяхъ Селенги при выходѣ «омулей съ моря». Впрочемъ, при входѣ Семена Иваныча большая часть «мірянъ» встала на ноги, такъ какъ онъ считался однимъ изъ «почетныхъ», хотя и не рѣдко случалось, что сельскіе приговоры приходили и безъ его личнаго подписа и присутствія, потому что каждый мало-мальски грамотный считалъ какъ бы обязательнымъ «за себя и по безграмотству Семена Иванова руку приложить», такъ что если не доглядитъ выпившій на сходкѣ писарь, то «въ общественномъ согласіи» подпись за неумѣніемъ грамотѣ Семена Иванова повторялась нѣсколько разъ. Въ кабакѣ тоже было извѣстно о выѣздѣ Аксиньи: всѣ съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣли на Семена Иваныча, тѣмъ болѣе, что онъ, кромѣ бывшаго на прошедшихъ святкахъ загула, почти никогда не заходилъ въ кабакъ.

— Дай-ка полуштофъ! скомандовалъ онъ сидѣльцу.

«Міряне» пододвинулись къ нему поближе, въ ожиданіи угощенія.

— Пей! обратился онъ къ писарю, наливъ ему громадный стаканъ водки.

Тотъ, обхвативъ дрожащими руками стаканъ, не выпилъ, а вытянулъ изъ него все содержимое.

— Кончай! опять распорядился Семенъ Иванычъ, доливая остатки изъ бутылки.

Писарь дотянулъ и остатки.

— Ну, теперь дай мнѣ полуштофъ, да нацѣди прямо въ крюкъ.

И, къ удивленію всѣхъ окружавшихъ его, — онъ почти залпомъ выпилъ всю поданную ему водку.

— Вотъ что, други! началъ онъ, закусивъ хлѣбомъ съ солью:—для васъ все равно, а на угощенье я денегъ не пожалѣю; подпишите вы мнѣ «общественное удостовѣреніе» о

распутности моей невѣстки. Вотъ она сбѣжала куда-то, ребятъ взяла съ собой, бросила домъ, мужа...

— Нѣтъ, Семенъ Иванычъ, напрасно не грѣши: про твою невѣстку никто ничего дурнаго не скажетъ! отозвался одинъ изъ крестьянъ.—Впрочемъ, какъ «міръ» знаетъ, а я въ этомъ дѣлѣ не рукоприкладчикъ.

— Такъ какъ-же, други? настаивалъ Семенъ Иванычъ.— Я ужь не пожалѣю... Эй, цѣловальникъ, дай-ка водки!

Но други переглядывались и ничего не отвѣчали. И выпить имъ хотѣлось, и Семена Иваныча не хотѣли обидѣть они отказомъ, и въ то же время объ Аксиньѣ никто не могъ сказать ничего дурнаго.

— Ну, что-же, идетъ? спросилъ онъ, держа въ лѣвой рукѣ полуведерную бутыль съ водкой.

Всѣ молчали.

— Идетъ! вдругъ загремѣлъ полуопьянѣвшій писарь.— Сейчасъ же напишу. Цѣлковый дашь?

— Не въ цѣлковомъ дѣло, осрамила она меня! Пейте, братцы, я еще возьму.

Такъ бы и состоялось общественное согласіе о безнравственности Аксиньи, если-бы не воспрепятствовалъ этому кумъ — старшина. Онъ рѣшительно отказалъ приложить къ согласію свою старшинскую печать и даже немножко повздорилъ съ Семеномъ Иванычемъ за то, что тотъ напоилъ «опчество».

— Ну, такъ я и безъ твоего согласія все дѣло подѣлаю: въ «волостѣ» найдутся почище тебя! отвѣтилъ опьянѣвшій Семенъ Иванычъ, и въ тотъ же день выѣхалъ въ село, гдѣ находилось волостное правленіе, захвативъ съ собою подписанное пьяными общественниками удостовѣреніе, къ которому, впрочемъ, не была приложена старшинская печать.

Черезъ часъ послѣ отъѣзда Семена Иваныча воротился къ празднику съ промысла Иванъ. Ему сразу бросилось въ глаза запустѣніе и безлюдность въ домѣ, такъ какъ осталась

только одна Тимоѳеевна, и не выпрягая лошади, онъ поспѣшилъ въ избу.

— Гдѣ наши? съ безпокойствомъ спросилъ Иванъ, даже не поздоровавшись съ матерью.

— Ушла твоя-то, уѣхала; батюшка-то твой чуть не убилъ меня изъ-за нее—вишь, зачѣмъ отпустила, да еще съ ребятишками. Охъ, грѣхи тяжкіе!

— Какъ ушла, куда ушла? говорилъ ошеломленный неожиданнымъ извѣстіемъ Иванъ.—А тятька гдѣ?

— И тятька уѣхамши. Пришелъ давеча пьяный, запрегъ пару, ничего не сказалъ, такъ и уѣхалъ. Я ужь побоялась спросить, куда ѣдетъ: думаю, неравно опять прибьетъ.

«Что-жь бы это значило? думалъ Иванъ: жена уѣхала, ребятъ съ собой забрала, отецъ напился, когда работа на покосѣ стоитъ; отъ мамки толку никогда не добьешься. Пойду въ мірскую, можетъ тамъ чего не услышу-ли?»

Но въ мірской не было ни души, такъ какъ міряне всѣ согласовали въ кабакѣ. Иванъ отправился туда. Пьяное безобразіе, послѣ обильнаго угощенія отъ Семена Иваныча, царило въ полномъ блескѣ. Онъ хотѣлъ было пройти мимо, но уже было поздно: изъ растворенной двери «продажи» его замѣтили.

— Эй, ваше почтеніе! раздалось нѣсколько голосовъ; — что же вы не захотите? Родитель вашъ постарше, да и тотъ не побрезговалъ, побывалъ на согласіи.

Приходилось покориться необходимости. Иванъ зашелъ.

— Устригнула у тебя любезная-то! началъ одинъ изъ «согласовавшихъ». — Плохо ты, братъ, держалъ ее: разъ бы по пяти на дню бить ее надо было, такъ не подумала-бы. Вонъ, посмотри-ка, какъ мы ее отдѣлали въ согласьи-то: прочитай ему, писарь. Вотъ только крестный-то твой шеперится, не прикладываетъ старшинской печати.

Пьяный писарь съ трудомъ прочиталъ черновое общественное постановленіе о безнравственности Аксиньи. Иванъ

вспыхнулъ отъ негодованія: онъ никогда не сомнѣвался въ безупречномъ поведеніи своей жены и въ томъ, что она не могла уронить себя, а тутъ вдругъ пьяное общество за ведро водки рѣшилось запятнать ея репутацію. Онъ вырвалъ бумагу изъ рукъ писаря. Въ немъ вдругъ проявился характеръ.

— Да кто же это смѣлъ подписать такой приговоръ? грозно выпрямился онъ. — Ахъ, вы, душегубцы! За глотокъ водки вы готовы продать отца роднаго. Ну, говори прямо, кто замѣтилъ въ чемъ-нибудь мою жену? подступилъ онъ къ крестьянину, объявившему ему объ отъѣздѣ жены и разсчитывавшему на дальнѣйшее угощеніе за сообщеніе такой пріятной новости. Послѣдній переминался, да и общественники переглядывались между собою, сообразивъ хотя немного и поздно, что сдѣлали дурную штуку.

— Да какъ кто? высказался, наконецъ, одинъ:—твой же родитель, Семенъ Иванычъ, просилъ написать; а мы почемъ знаемъ, какъ вы тамъ дома-то живете? Онъ лучше знаетъ,— ну, и подписали.

— А если-бы мой родитель попросилъ васъ подписать, что я, али ты, али другой кто-нибудь сдѣлалъ какое ни на есть душегубство, укралъ что нибудь, ограбилъ-ли кого, — такъ вы тоже бы подписали?

— Знамо, что нѣтъ. Оборони Богъ!

— Такъ какъ-же вы рѣшились замарать ни въ чемъ неповинную бабу? Мерзавцы вы, а не общественники! обругалъ ихъ Иванъ и вышелъ изъ кабака, оставивъ всѣхъ съ разинутыми ртами отъ неожиданности подобной выходки.

— Каковъ молодчикъ? Видно правда, что въ тихомъ омутѣ черти водятся. А все ты причиной! напустилось общество на пьянаго писаря, безсвязно бормотавшаго какія-то оправданія.

На улицѣ Иванъ встрѣтился съ своимъ «крестнымъ» — старшиною.

— Уѣхала у тебя баба-то! объявилъ ему послѣдній. —

Какъ думаешь дѣлаться? Отецъ отправился въ волость хлопотать, чтобы воротить ее.

— Ничего толку не могу добиться, отчего она уѣхала: общество все пьяное, мать ничего не знаетъ.

— А вотъ мой совѣтъ: съѣзди-ка ты къ ней, да разузнай обо всемъ отъ нее самой, можетъ у васъ обойдется дѣло и безъ начальства. Ужь навѣрное чего нибудь у ней съ кумомъ вышло, а то уѣхать такъ, безъ всякой причины, съ бухты-барахты,—не таковская она баба, не рѣшится.

Въ этотъ же день Иванъ уѣхалъ къ Павлу Павлычу. Послѣ долгихъ препирательствъ, Кирилычъ рѣшился впустить его въ ворота, и то предварительно испросивъ рѣшенія Петровны. Послѣдняя встрѣтила его на крыльцѣ, заперевъ на замокъ Аксинью съ дѣтьми въ горницѣ.

— Что скажешь, голубчикъ? сухо приняла она его.

— Да, вотъ, пріѣхалъ на счетъ жены узнать: здѣсь она, али нѣтъ? Воротился съ промыслу — дома никого нѣтъ: ни отца, ни жены, ни дѣтей.

Петровна подозрительно осмотрѣла его: Иванъ былъ совершенно трезвый; это успокоило ее.

— Зайди въ избу, проговорила она.

Иванъ вошелъ, помолился по обычаю, и присѣлъ на лавкѣ у двери. Какъ онъ, такъ и Петровна видимо стѣснялись предстоящимъ щекотливымъ объясненіемъ. Помолчавъ минуты съ двѣ, Петровна, наконецъ, рѣшилась заговорить первая.

— Вотъ что я тебѣ скажу, начала она: — Оксиньку-то я выдавала вѣдь за тебя, а не за родителя твоего. Что-же это онъ за ней увязался? Неужто ты ничего не видишь? Что-же будетъ путнаго, что тебя онъ ушлетъ куда ни на есть, а самъ станетъ на каждомъ шагу не давать ей проходу? Вотъ хоть бы и теперь: вѣдь я ужь не молодой человѣкъ, мнѣ скоро пятьдесятъ лѣтъ, а стыдно объ этомъ говорить. Впрочемъ, я къ тебѣ пошлю Аксинью, пусть она сама разскажетъ обо всемъ какъ знаетъ, только оборони тебя Богъ, если ты

ее хоть пальцемъ потронешь: тогда и нога твоя не будетъ здѣсь въ домѣ.

Однако она все-таки приняла мѣры предосторожности изъ опасенія, чтобы Иванъ въ азартѣ не надѣлалъ какого нибудь «случая», т. е. не побилъ бы Аксинью, и вышедши въ сѣни позвала Палашку.

— Поди-ка, сходи въ зимовье, да позови кого нибудь изъ мужиковъ, пусть пока побудутъ въ сѣняхъ.

Затѣмъ, отомкнувъ дверь въ горницу, она вошла къ Аксиньѣ.

— Сходи къ мужу-то, поговори съ нимъ, можетъ статься что-нибудь и придумаете.

— Не пойду я, мама, позови его сюда! Мнѣ безъ тебя ничего не сказать.

Иванъ тоже не рѣшался взойти. Аксинья, несмотря на убѣжденія матери, все-таки скрылась отъ него въ сосѣднюю комнату.

— Иди, дурочка! говорила Петровна: — не убьетъ, не бойся!

Наконецъ послѣдовало объясненіе.

— Я, Иванъ Семенычъ, больше не поѣду домой, какъ ты хочешь, выразилась Аксинья,—да и ребятишекъ не отпущу.

— Отчего-же ты это не пойдешь? спросилъ Иванъ.

— А оттого, что мнѣ тамъ житья нѣтъ. Батюшка твой проходу не даетъ.

— Такъ такъ-таки и не поѣдешь, и ребятъ не отдашь?

— И сама не поѣду и дѣтей не отдамъ! твердо отвѣчала Аксинья.

— Да что ихъ на смерть что-ли посылать? вмѣшалась Петровна.—Если хочешь, такъ переходи къ намъ, а Оксиньку я не отпущу ни за что! Ты вѣдь ничего не знаешь, что у васъ тамъ вышло? Вотъ послушай-ка.

И съ самой цинической откровенностью она разсказала о случившемся на покосѣ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло! произнесъ Иванъ; — ну, не взыщите, я ничего не зналъ.

Въ головѣ его родилась отчаянная мысль — «покончить съ отцомъ». Онъ, не взглянувъ даже на дѣтей, выѣхалъ прямо въ «продажу». Выпивъ залпомъ нѣсколько стакановъ водки, онъ во всю рысь погналъ въ волость, и на перевозѣ черезъ рѣку настигъ отца, такъ какъ «карбазъ» (паромъ) былъ поврежденъ. Семенъ Иванычъ чрезвычайно удивился пріѣзду сына, тогда какъ послѣдній потерялъ всякую рѣшимость, неожиданно встрѣтившись съ отцомъ.

— Ты куда? спросилъ его отецъ, также не предполагавшій подобной встрѣчи.

— Да къ тебѣ, тятенька! говорилъ совершенно растерявшійся Иванъ; — съ промыслу пріѣхалъ, дома никого нѣтъ, ну, и поѣхалъ искать. Крестный сказалъ, что ты въ волость поѣхалъ.

— Такъ что-же ты, слѣдомъ, что-ли, за мной будешь бѣгать? приступилъ къ нему отецъ.

— Слѣдомъ—не слѣдомъ, наконецъ оправился Иванъ,— а только такъ дѣлать не приходится: жену ты у меня выжилъ изъ дому, да и мнѣ послѣ всего этого житья не станетъ.

Между тѣмъ перевозчики черезъ рѣку замѣтили ненормальное состояніе Ивана.

— Ты бы, Иванъ Семенычъ, домой поѣхалъ,—замѣтилъ одинъ.

— А что я стану дѣлать дома? Тамъ ужь теперь хоть шаромъ покати! А все вотъ онъ, тятенька родимый: жену выжилъ, да окромѣ этого на нее же съ жалобой ѣдетъ.

Онъ почти безсознательно проговорилъ послѣднія слова.

— Вотъ что я тебѣ скажу, Семенъ Иванычъ! произнесъ вышедшій изъ «кателажки», въ которой помѣщались перевозчики во время ночлега и ненастья, Павелъ Павлычъ:—ссориться съ тобой съизнова я не буду, да и не стоитъ, только

дочери моей снова обиждать не позволю: ужь хоть бы ты выжилъ ее изъ дому, это еще не бѣда, а то, окромя того, замаралъ ее предъ людьми. Эдакъ дѣлать не годится!

Семенъ Иванычъ однако всетаки нашелся отвѣтить.

— Какъ-же «эдакъ» дѣлать? Да что я не хозяинъ, что-ли, въ дому у себя? Али мнѣ у ребятъ своихъ, али у невѣстки спрашиваться?

— Про это я не говорю, а только такъ не годится съ Аксиньей поступать. Осрамилъ ты ее на цѣлый вѣкъ, да и на меня-то стыда напустилъ. Вотъ и парня-то своего губишь ни за что черезъ это разстройство.

— А я вотъ что тебѣ скажу, тятька, вмѣшался Иванъ:— какъ ты хочешь, а только послѣ этого не видать тебѣ ни меня, ни жены.

— Что?.. Смѣешь-ли ты?.. Попробуй-ка!..

— А вотъ, посмотри, увидишь самъ! отозвался онъ, и къ крайнему изумленію и негодованію отца, умчался обратно по той же дорогѣ во весь духъ.

— Такъ какъ-же, Семенъ Иванычъ? спросилъ Павелъ Павлычъ.

— Чего какъ? Поѣдемъ тягаться, начальство разсудитъ.

Карбазъ былъ готовъ; они переѣхали черезъ рѣку.

Между тѣмъ Иванъ во всю рысь пригналъ опять въ то селеніе, въ которомъ жилъ Павелъ Павлычъ, и не заѣзжая въ его домъ, повернулъ прямо въ кабакъ.

— Купи лошадь! обратился онъ къ сидѣльцу.

— Какъ же это, я не смѣю! А какъ родитель вашъ опосля взыщетъ ее съ меня обратно, скажетъ, что вы не имѣли права продавать ее: вѣдь деньги у меня даромъ пропадутъ.

— Тебѣ до родителя дѣла нѣтъ; я дамъ росписку, что продалъ мою собственность при свидѣтеляхъ, старшина

приложить печать—и баста! Идетъ, что-ли? Полведра водки обществу ставлю на свой счетъ.

Цѣловальникъ хорошо зналъ стоимость лошади, однако для виду вышелъ осмотрѣть ее. За нимъ вышло человѣкъ пять постоянныхъ завсегдатаевъ въ кабакѣ. Каждый старался, изъ угожденія цѣловальнику, отыскать какія-нибудь худыя качества въ лошади, умалчивая о ея достоинствахъ.

— А вѣдь на переднія-то ноги она хлябаетъ, разбита должно быть! говоритъ одинъ.

— Да и годовъ-то ей не мало! толковалъ другой, смотря зубы у лошади.

— Ну, а какъ цѣна? спросилъ цѣловальникъ.

Началась ряда. Лошадь стоила 60 рублей. Иванъ запросилъ 30. Сидѣлецъ давалъ только 15. Порѣшили на двадцати и полуведрѣ водки для общества, послали за старшиной, и дѣло къ общему удовольствію всѣхъ было слажено. Послѣдовало поздравленіе съ покупкой и продажей.

Петровна въ тотъ же день услыхала о происшедшей сдѣлкѣ, и строго-на-строго наказала Кирилычу запереть ворота и ни въ какомъ случаѣ не впускать въ домъ пьянаго Ивана. Дѣйствительно, Иванъ нѣсколько разъ порывался пробраться къ женѣ, но получалъ постоянно такой энергическій отпоръ отъ Кирилыча, что наконецъ попустился и махнулъ рукой.

— Пропадите вы всѣ, и съ женой и съ домомъ вашимъ! проговорилъ онъ.

Дней шесть или болѣе продолжался запой Ивана, до тѣхъ поръ, пока онъ не спустилъ и сидѣйку и съ себя все, что только можно было спустить, и пока наконецъ цѣловальникъ наотрѣзъ не отказалъ давать ему вина безъ денегъ хоть-бы на одинъ грошъ. Съ этого времени не стало видно Ивана, и куда онъ скрылся никто не могъ сказать.

Павелъ Павлычъ въ одно время съ Семеномъ Иванычемъ пріѣхалъ въ волость, и какъ имѣвшій по своему значительному достатку болѣе вѣса и значенія, чѣмъ прочіе, заѣхалъ прямо въ квартиру засѣдателя.

— А, другъ любезный! Что это тебя не видать было? встрѣтилъ его послѣдній, протягивая руку, — честь, которой не удостоивался даже волостной голова;—проходи, проходи! Ну, что скажешь хорошенькаго?

— Что сказать, ваше б-діе? Я съ дѣльцемъ маленькимъ, не смѣю и просить. У меня, осмѣлюсь доложить, дочь выдана въ замужъ, а теперича, значитъ, выходятъ непріятности.

— Да это не та ли самая, что была на имянинахъ прошлый разъ, когда я былъ у тебя!

— Она у меня одна только и есть: та самая.

— Что же такое вышло?

— Да я не знаю, какъ и сказать. Сватъ мой больно къ ней пристаетъ—не даетъ проходу. Защитите, пожалуйста!

— Въ чемъ же защищать? Говори толкомъ.

— Присталъ онъ къ ней на покосѣ, едва отвязалась отъ него. Защитите, ваше б-діе.

— Да, дуракъ ты, хоть и умный человѣкъ! выразился нетерпѣливо засѣдатель:—Говори прямо, въ чемъ дѣло?

— Дѣло вотъ въ чемъ, отвѣчалъ наконецъ Павелъ Павлычъ: — онъ тамъ ей разныя «неподобныя» рѣчи сталъ говорить.

— Какія же рѣчи?

— Такія «неподходящія»; а потомъ «непотребности» сталъ дѣлать. Она и выѣхала ко мнѣ въ домъ, а онъ, Семенъ Ивановъ, этотъ самый сватъ-то мой, и поѣхалъ просить васъ воротить ее опять къ нему въ домъ. Такъ теперь, значитъ, послѣ того, что вышло у нихъ, ей никакъ нельзя вернуться туда. Сдѣлайте милость! Онъ, значитъ, Семенъ-то Ивановъ, здѣсь теперь.

— Хорошо, посмотримъ, что тутъ можно подѣлать. Эй,

разсыльный! Позвать сюда изъ волости крестьянина Семена Иванова. А ты, Павелъ Павлычъ, поди пока погуляй гдѣ нибудь пока я съ нимъ поговорю.

Черезъ четверть часа вошелъ Семенъ Иванычъ, уже порядочно выпившій.

— Къ вашему б-дію! началъ онъ:—невѣстка у меня сбѣжала.

— Отчего же она сбѣжала?

— А Богъ ее знаетъ: должно быть по наущенію родителей, домой — къ своимъ, и ребятишекъ съ собой увезла. Вотъ и удостовѣреніе общества, только старшина печать не прикладываетъ.

— Почему-же онъ не прикладываетъ? Значитъ удостовѣреніе недѣйствительное, подкупное; вѣроятно ты винномъ этихъ удостовѣрителей напоилъ? Такъ, вѣрно?

Между тѣмъ Семенъ Иванычъ порылся въ пазухѣ, и вынувъ оттуда десяти-рублевую ассигнацію протянувъ съ нею руку къ засѣдателю.

— Это что такое? Зачѣмъ это?

— Не оставьте, ваше б-діе, касательно на счетъ того, чтобы воротить ее, безпутную, опять назадъ.

— Ахъ, ты, капалья! затопоталъ на него засѣдатель; — да какъ ты смѣлъ предложить мнѣ взятку, и кромѣ того явиться пьяный? Эй, десятскіе! кликнулъ онъ:—посадить его.

— Порядки такіе допрежъ сего велись! бормоталъ ошеломленный неожиданнымъ арестомъ и исходомъ дѣла Семенъ Иванычъ.

— Я тебѣ покажу! кричалъ вслѣдъ ему расходившійся засѣдатель:—я тебя подъ судъ за это отдамъ!

Семена Иваныча увели, и вскорѣ послѣ него вошелъ Павелъ Павлычъ.

— Можешь отправиться домой, будь спокоенъ: никто твою дочь не возметъ отъ тебя, за это я ручаюсь.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше б-діе! раскланивался

Павелъ Павлычъ, и тоже полѣзъ было въ боковой карманъ за бумажникомъ.

— Э, да ты такой-же мошенникъ, и тебѣ, видно, «кордону» захотѣлось понюхать; пожалуй, я сейчасъ отправлю: у меня не долго, благо и пріятель твой тамъ же, веселѣе будетъ обоимъ-то — шутилъ надъ оробѣвшимъ Павломъ Павлычъ засѣдатель.—Поѣзжай, поѣзжай, не надо мнѣ твоей благодарности, да и другимъ закажи объ этомъ!

— Да какъ-же, ваше б-діе, по заведенному порядку нельзя: ужь изстари такъ ведется.

— Ну, я у васъ покончу эти порядки, отучу какъ-нибудь. Поѣзжай, нечего тутъ прохлаждаться.

— Я переночую здѣсь, дѣлишки кое-какія по подрядамъ въ волости есть.

— А, это дѣло другаго рода. Ну, такъ приходи вечеромъ чай пить. Да смотри у меня, въ волости тоже порядки свои оставь. Узнаю—разсорюсь!

Они дружелюбно разстались. Цѣлую недѣлю просидѣлъ Семенъ Иванычъ въ кордонѣ, и озлобленный на всѣхъ, воротился въ свою деревню.

VI.

Прошло еще съ недѣлю, а объ Иванѣ ни слуху, ни духу. Семенъ Иванычъ махнулъ на все рукой; Андрей, по обыкновенію, былъ на промыслѣ, и мало интересовался о происходящемъ дома, тѣмъ болѣе, что наступилъ рунный ходъ омулей въ Селенгѣ. Тимоѳеевна опять получила свои прежнія права—ключи отъ амбаровъ и погреба, и при помощи Ѳеклушки вела домашнее хозяйство, то-есть готовила пищу, мыла и мела, доила корову, и проч. Семенъ Иванычъ обыкновенно съ утра, напившись чаю и закусивъ, отправлялся изъ дому, и проводилъ день большею частію въ кабакѣ, а къ вечеру приходилъ, или приводили его домой совершенно пьянаго, колотилъ, если былъ въ силахъ, Тимоѳеевну, ругалъ Ѳеклушку, и заочно Аксинью, засѣдателя и всѣхъ, кто только взбредетъ на умъ, до тѣхъ поръ, пока не засыпалъ, и на завтра опять повторялась та же исторія. Разъ, рано утромъ, когда еще онъ спалъ, къ нему съ озабоченнымъ видомъ забѣжалъ кумъ-старшина. Ѳеклушка, за отсутствіемъ Аксиньи, научилась вставать раньше, и копошилась около печи, приготовляя отцу его любимую омулевую солянку.

— Гдѣ отецъ? спросилъ озабоченный старшина.

— Тятька-то? Не встамши еще, спитъ.

— Поди, буди его скорѣе: скажи, что старшина-молъ зоветъ.

— Эка ты, поди-ка самъ! А меня еще онъ прибьетъ. Вечоръ пьяный пришелъ, а съ похмѣлья онъ бѣда сердитый!

Она провела его въ горницу, гдѣ еще крѣпкимъ сномъ, съ сильнымъ храпѣньемъ, спалъ ея отецъ.

— Семенъ Иванычъ, а, Семенъ Иванычъ! началъ раста л кивать его старшина.

— А?.. Ну?.. Отстань! говорилъ онъ хриплымъ голосомъ, повертываясь на другой бокъ.

— Семенъ Иванычъ, кумъ, вставай! Пойдемъ въ мірскую! привязывался неотступно старшина.

Кое-какъ Семенъ Иванычъ поднялся, протеръ отекшіе глаза, застегнулъ вороть у рубашки, натянулъ на ноги валенки и крикнулъ Ѳеклушку.

— Бѣги въ кабакъ, возьми полуштофъ: мы съ кумомъ опохмѣляться будемъ.

— Какое похмѣлье—некогда мнѣ. Пойдемъ скорѣе, общество дожидается,—дѣло есть.

— Я сказалъ — не ѣвши я не пойду. Да что я дороги безъ тебя въ мірскую не знаю, что-ли? Слава Богу, самъ два трехлѣтія старшиной прослужилъ,—кажись, дорогу-то проторилъ другимъ туда. Сказалъ—напьюсь чаю и приду. Али ты караулить меня посланъ? Небойсь, не уйду, какъ непутный Ванька мой, чтобъ ему пусто было.

— Ему и безъ того пусто! проворчалъ сквозь зубы старшина, взялъ шапку и ушелъ.

Не торопясь, Семенъ Иванычъ одѣлся, умылся, помолился Богу и принялся за завтракъ. Не успѣлъ онъ еще закончить съ соляикой, какъ явилось двое десятниковъ.

— Идите, Семенъ Иванычъ, въ мірскую, общество послало: за вами всѣ дѣло стоитъ.

— Да что у васъ тамъ стряслось такое?

— Не знаемъ, приходите сами, узнаете.

«Ужь не Ваньку-ли опять изъ волости выслали?» думалъ

онъ, одѣваясь, и быстрыми шагами, въ сопровожденіи десятскихъ, направился въ мірскую избу.

Въ мірской было душно и тѣсно, и накурено такъ, что дышать было трудно; но на послѣднее привычные крестьяне не обращали вниманіе. При входѣ Семена Иваныча, ему дали дорогу къ столу, за которымъ помѣщались старшина съ кандидатомъ и писарь.—Общество, слѣдомъ за Семеномъ Иванычемъ, также подвинулось поближе къ столу.

— Прочитай-ка ему, писарь, донесеніе въ волостное правленіе! скомандовалъ старшина.

Писарь погладилъ бороду, взялъ со стола бумагу, и отчеканивая каждое слово, началъ:

«Вчерашняго числа вечеромъ, пастухъ здѣшняго селенія, крестьянинъ Иванъ Ивановъ, явясь въ мірскую избу, предъявилъ мнѣ, что имъ въ Сухомъ оврагѣ усмотрѣно мертвое тѣло повѣсившагося неизвѣстнаго человѣка, по осмотру котораго и оказалось, что оное тѣло принадлежитъ крестьянину здѣшняго же селенія Ивану Семенову, который около двухъ недѣль тому назадъ отлучился изъ дома отца своего, Семена Иванова, неизвѣстно куда.—Донося о семъ волостному правленію, имѣю честь присовокупить, что впредь до распоряженія, къ тѣлу приставленъ надлежащій караулъ».

— Такъ вотъ что онъ съ нами надѣлалъ! Наѣдетъ засѣдатель, за нимъ лекарь, туть сельскій караулъ, — наказанье чистое, да и только! обратился къ Семену Иванычу старшина.

Но Семенъ Иванычъ не слыхалъ его словъ. Съ глухимъ воплемъ отчаянія опустился онъ на лавку, склонивъ голову на грудь. — «Господи, думалъ онъ, за что наказуешь меня! Сынъ удавился, невѣстка сбѣжала, теперь уже ни за что не воротишь ее! Что мнѣ остается дѣлать!»

— Эхъ, пропадай-же все! отчаянно махнувъ рукой, сказалъ онъ, и отправился изъ мірской прямо въ кабакъ.

Съ тѣхъ поръ изъ человѣка, котораго годъ тому назадъ считали за образецъ трезвости, ставили въ примѣръ другимъ— сдѣлался самый горкій пьяница. По цѣлымъ днямъ просиживалъ онъ въ кабакѣ, опустился по хозяйству и домашности, лишился всякаго уваженія своихъ односельцевъ. Промотавъ деньги, онъ принялся распродавать лошадей и упряжь до тѣхъ поръ, пока наконецъ общество не вызвало съ промысловъ Андрея и не внушило ему, чтобы во избѣжаніе крайняго разоренія, онъ принялъ какія-нибудь мѣры къ поддержанію отца. Андрей оставилъ на время промыслы, принялъ на свои руки остатки разстроеннаго хозяйства, и къ веснѣ будущаго года женился на какой-то вдовѣ. Но Семенъ Иванычъ опустился безвозвратно! Изъ бодраго, здороваго мужчины, черезъ полгода сдѣлался посѣдѣвшій, хилый старикъ, опухшій и обрюзгшій отъ постояннаго пьянства. Въ домашнее хозяйство онъ болѣе не вникалъ, да и Андрей не допускалъ его, потому что не довѣрялъ ему. Тимоѳеевна не долго пережила Ивана, и умерла вскорѣ послѣ него, что собственно и побудило Андрея жениться. Аксинья, услыхавъ о смерти мужа, поплакала немного тайкомъ, такъ какъ о самоубійцахъ плакать запрещено обычаемъ. Все-таки ей жаль было Ивана, такъ какъ когда-то она горячо любила его. Теперь она нянчится со своими ребятишками, живетъ при родителяхъ и не думаетъ о вторичномъ замужествѣ. Павелъ Павлычъ и Марья Петровна благоденствуютъ по-прежнему. Ѳеклушка быстро подростаетъ и ведетъ съ своей невѣсткой отчаянную борьбу за право первенства у печи.

Тѣмъ всѣ дѣло и кончилось.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Ocherki iz zabaikalskoi zhizni
891.733 S563 O16 1878
D90356045W